

Русская Православная Церковь
Пензенская Епархия
Пензенская духовная семинария

Христианство и педагогика: история и современность

Материалы III Международной
научно-практической
конференции

Пенза 2019

УДК 271+37.01
ББК 86.372+74

Под общей редакцией проректора по научной работе ПДС протоиерея Вадима Ершова, кандидата богословия.

Христианство и педагогика: история и современность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. - Пенза: Пензенская духовная семинария, 2019 – 150с.

В сборнике представлены материалы III Международной научно-практической конференции «Христианство и педагогика: история и современность». В работах ученых и богословов России, Беларуси, Греции нашли осмысление проблемы христианской антропологии, истории христианской педагогики, места христианского воспитания в современном мире, взаимодействия Церкви и социума, православного образования в России и другие.

Издание обращено к специалистам и студентам, изучающим христианскую педагогику, а также ко всем интересующимся вопросами образования.

The symposium contains materials of the International scientific and practical conference “Christianity and Pedagogy: History and Today”. The papers of scholars and theologians from Russia, Belarus, Greece deal with the problems of Christian anthropology, history of Christian pedagogy, the place of Christian education in the modern world, the interaction of Church and society, Orthodox education in Russia and others.

The symposium is addressed to specialists and students of Christian pedagogy, as well as to everybody who is interested in education.

ISBN 978-5-9908755-6-2

© РО – ДООВО Пензенская духовная семинария Пензенской
Епархии Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Митрополита Пензенского и Нижнеломовского СЕРАФИМА	5
---	---

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

М.А. Антипов СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	7
---	---

Т. С. Борисова ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК БОГОПОЗНАНИЯ: О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ПРЕПОДАВАНИЮ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	16
--	----

Т. Г. Дорофеева ХРИСТИАНСКОЕ И ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ТРУДА	27
--	----

С. А. Колесников ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОТОИЕРЕЯ ВАСИЛИЯ ЗЕНЬКОВСКОГО И ОПЫТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ НЕГАТИВНЫМ ПЕДАГОГИЧЕСКИМ КОНЦЕПЦИЯМ	39
---	----

Е.В. Кротов ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. А. СУХОМЛИНСКОГО В ХРИСТИАНСКОМ ПРОЧТЕНИИ: ЭТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД	46
--	----

Протопресвитер Георгий Марнеллос ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ЭККЛЕСИОЛОГИЯ, ОПЫТ И ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ ДУШИ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА, УЧИТЕЛЯ И ПЕДАГОГА КАК ОСНОВА ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	57
--	----

Л.Т. Потанина, Т.В. Склярова ЭТИЧЕСКАЯ СТУДИЯ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ.....	75
---	----

Н. В. Саратовцева
О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИЛЕ ЖИВОГО РУССКОГО СЛОВА 83

Т.В. Склярова
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ
НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ 91

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ

А. В. Горайко
ЦЕРКОВЬ И ЯЗЫЧЕСТВО В АНТИОХИИ
ВО ВРЕМЕНА СЛУЖЕНИЯ СВТ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА:
АСПЕКТЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ 99

М. И. Жигалов
ПАСТЫРСКОЕ ПОПЕЧЕНИЕ И
ХРИСТИАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ВЗГЛЯД
ПРОФЕССОРА–ПРОТОИЕРЕЯ ФЕОДОРА ГОЛУБИНСКОГО..... 109

П.В. Хондзинский, протоиерей
ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВИЕ СЕГОДНЯ:
НЕДОУМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ 115

А. И. Черный, священник
ФОРМИРОВАНИЕ СВЯЩЕННИКА:
ВЗГЛЯД О. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА 125

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

А. Г. Волкова
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ 137

М. Ю. Садырова
ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ
ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА В 1920-Е ГГ.
В ПЕНЗЕНСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ 143

Вступительное слово
Митрополита Пензенского и Нижнеомовского СЕРАФИМА
к материалам III Международной научно-практической конференции
«Христианская педагогика в современном мире»
(Пенза, 5–6 ноября 2019 г.)

Уважаемые авторы и читатели сборника!

Ежегодная Международная научно-практическая конференция *«Христианство и педагогика: история и современность»* стала местом заинтересованного диалога исследователей и практиков в области богословия, педагогики, психологии, истории, культурологии, филологии, религиоведения, искусствоведения, философии, этнографии и социальной работы.

В нашей стране Русская Православная Церковь, к сожалению, почти столетие не имела легитимной возможности приносить пользу обществу своим социальным служением. В советский период под запретом оказались не только миссионерская, но и просветительская деятельность Церкви. Перемены в государственно-церковных отношениях и изменения в законодательстве предоставили современной Церкви возможность полноправно участвовать в общественной жизни, использовать средства массовой информации, осуществлять культурно-просветительную, благотворительную, издательскую и образовательную деятельность. В настоящее время проводятся различные семинары по пастырскому служению, появляются сайты, форумы для обсуждения насущных проблем – священник – пастырь не должен быть одинок в решении своих проблем и вопросов.

В наши дни становится все более очевидным, что в сфере нравственного совершенствования общества есть много точек соприкосновения для плодотворного взаимодействия государства, образовательных учреждений и Церкви. Поскольку православие имеет неисчерпаемый потенциал для созидания нравственной личности и духовного преобразования общества. Христианские ценности, положенные в основу принципов современной педагогики, способны защитить современную молодежь от кризиса семьи, суицида и тех пороков, которые губительны для каждой личности.

В рамках конференции мы также стремились актуализировать некоторые вопросы пастырского служения, которое во все времена было жертвенным, тяжёлым. Например, во времена апостолов трудности

пастырства были связаны с преодолением огромных расстояний и непонимания языческим миром проповеди о Христе. В эпоху расширения границ Российского государства – это были трудности переводов и создания среды, благоприятствующей проповеди среди малых народов будущего великого государства. В наши дни возникли новые вызовы времени – доступность различного рода информации через Интернет, телевидение, мобильную связь. С одной стороны, это упрощает миссионерскую работу, пастырь может общаться с духовными чадами постоянно - on-line. Но с другой стороны, через эти средства как христианин, так и священник получают много искушений.

Однако есть нечто в пастырском служении, присущее каждой эпохе. Пастырь во все времена призван преодолевать в этом мире зло любовью и приводить человека, несущего в своём образе Христа, к Царству Небесному. Сейчас высокое предназначение священника не изменилось – несение Слова Божьего в мир, благовестие о Царстве Божьем, миссионерская работа и проповедь. Делание этого совершается на примере своей любви к людям, которая возгорается любовью ко Христу.

Святитель Иннокентий Пензенский, выдающийся богослов, историк, экзегет, проповедник и педагог, 200-летие преставления которого сейчас празднует православный мир, суть пастырского служения выразил так: «Все отдавать и все принимать, хотеть и делать, писать и принимать писания, мыслить и говорить, трудиться и служить только на славу Господа моего Иисуса Христа». В этих словах звучит духовный наказ современному священству сквозь столетия!

*Серафим,
Митрополит Пензенский и Нижнеломовский*

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

УДК: 37.01

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

М.А. Антипов

Кандидат философских наук,
преподаватель Пензенской духовной семинарии
Пензенская духовная семинария
Пенза, Россия

Данная статья посвящена противоречиям, проявляющимся во влиянии «мировой паутины» на социализацию, а также духовное и нравственное развитие подрастающего поколения. Рассматриваются как положительные, так и отрицательные стороны интернета как феномена общественной жизни в целом и фактора социализации несовершеннолетних в частности. Основание подобного противоречивого, состоящего из плюсов и минусов, влияния «мировой паутины» на детей, подростков и молодёжь видится в том характере, который имеет техника как целостный феномен: указывается, что ключевое значение в этом имеет осознанность взаимодействия человека с созданными им же устройствами, отношение к ним как к средству, а не как к цели. Помимо этого, рассматриваются противоречия интернета как фактора социализации. В связи с этим в статье говорится о противоречивости виртуальной свободы, о проблеме идентичности интернет-пользователя, об информационной некомпетентности пользователей и о размытости границ публичности. Далее предлагаются возможные варианты решения подобных противоречивых тенденций, сводимые преимущественно к развитию информационной компетентности пользователей всемирной сети, обеспечению кибербезопасности и стимулированию игроков IT-рынка к снижению рискогенности сетевого пространства интернет. В связи с этим указывается, что необходимы слаженные действия государства, светских общественных организаций и Церкви в решении

подобных проблем. Также обращается внимание на то, что у Русской Православной церкви есть значительный потенциал в деле развития у несовершеннолетних подлинной духовности и нравственности, основанной на вековых традициях. Делается вывод о важности для снижения рискогенности интернет-среды как фактора социализации учёта её особенностей и противоречий.

Ключевые слова: социализация, духовно-нравственное развитие, постмиллениалы, несовершеннолетние, интернет, виртуальные социальные сети, техника, Церковь как носитель традиционной культуры.

SOCIALIZATION AND SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF MINORS IN THE CONTEXT OF INFORMATION SOCIETY

Mikhail Antipov

Penza Theological Seminary
Penza, Russia

This article is devoted to the contradictions manifested in the influence of the “world wide web” on socialization, as well as spiritual and moral development of the younger generation. Both positive and negative aspects of the Internet as a phenomenon of social life in general and a factor of minors’ socialization in particular are considered. The basis of such a controversial influence of the “world wide web” on children, teenagers and young people is seen in the nature of technology as a comprehensive phenomenon: it is pointed out that the key importance here lies in cognitive human interaction with the devices created by them, the attitude to them as a means and not as a goal. In addition, the contradictions of the Internet as a factor of socialization are considered. In this regard, the article refers to the contradictions of virtual freedom, the problem of the Internet users’ identity, the incompetence of information users and the blurring of the boundaries of publicity. Further, possible solutions to such controversial trends are proposed, which are mainly limited to the development of users’ information competence, ensuring cybersecurity and encouraging IT market players to reduce the risk-generating factors of the Internet network space. In this regard, it is pointed out that concerted action by the state,

secular public organizations and the Church in addressing such problems is necessary. Attention is also drawn to the fact that the Russian Orthodox Church has a significant potential for the development of genuine spirituality and morality based on age-old traditions in minors. It is concluded that it is important to take into account the peculiarities and contradictions of the Internet to reduce the risk-generating factors of the online environment as a tool of socialization.

Keywords: *socialization, spiritual and moral development, post-millenniums, minors, Internet, virtual social networks, technology, the Church as a bearer of traditional culture.*

Недавно случайно стал свидетелем разговора двух старших дошкольников и понял, что с каждым годом появляющиеся на свет люди всё раньше, быстрее и в большей степени охватываются воздействием цифровых медиа. Если фразы «давай сфоткаем, выложим в Инстаграм и там фотки перепостят» можно услышать от детей дошкольного или младшего школьного возраста, то это означает, что уже в начале взросления они становятся полноценными пользователями современных гаджетов и цифровых приложений. Это наглядно свидетельствует о том, что:

- мы наблюдаем активное становление информационного общества и формирование нового поколения людей с совершенно новым типом сознания, который можно назвать цифровым (постмиллениалов);
- среди факторов социализации несовершеннолетних, их личностного, когнитивного, духовно-нравственного развития если не доминирующую, то важную роль, играет интернет как глобальная информационно-коммуникационная сеть.

Интернет как фактор социализации несовершеннолетних характеризуется неоднозначностью, что можно объяснить противоречивостью феномена техники, частью которого является «мировая паутина».

Технологичность обеспечивает большую эффективность и позволяет экономить ресурсы, в том числе и психические. Современная техника делает жизнь удобнее и комфортнее и может использоваться для развития как интеллектуального и духовного (электронные ридеры, планшетные компьютеры), так и физического (фитнес-браслеты, фитнес-трекеры).

Но в сознании техника должна представлять как средство достижения жизненных целей, но не как цель. На деле же нас затягивает

технизм как универсальный принцип бытия, техничность, стандартизованность, стремление любые виды деятельности подвести под присущие технике и являющиеся частью ее сути стандарты и алгоритмы.

Деформированное отношение к технике проявляется в том, что она начинает многими восприниматься как цель, а не как средство. Как писал Н. А. Бердяев, «Средства жизни очень часто подменяют цели жизни...», что вызывает «умаление и угашение духа» [1, с. 147]. И действительно, если индивид стремится только к владению всё более и более современными гаджетами и ради этого работает, то вся его жизнь оказывается подчиненной технике.

Подобный анализ техники и интернета как актуального в наши дни технического феномена экзистенциалистский в том плане, что техника рассматривается в преломлении к человеку и человечности, его сущности и существованию, преломлению существования в субъективном мире личности. С данной точки зрения техника предстает как среда, если не поработавшая человека, то ослабляющая его человечность, духовность, обедняющая его внутренний мир, так, что «Дух сводится к способности обучаться и совершать полезные функции» [5, с. 114].

Можно расценивать слова Н. А. Бердяева «Машина хочет, чтобы человек принял её образ и подобие» [1, с. 149] как пророческие, так как:

1. Сознание человека становится похожим на машинное в силу формирования клипового мышления.
2. Наблюдается тенденция киборгизации человека в плане интеграции органически-телесного и технически-машинного.
3. Обезличивание человека в виртуальных сетях, подмена личности аватарой.
4. Стандартизация деятельности, вымывание творческого элемента, вытеснение «свободного упражнения человеческих сил» «фабрикованием» продуктов [1, с. 148].
5. Равнодушно-потребительские установки в социальных отношениях, человек как средство, а не как цель.
6. Десимволизация сознания, ослабление значения религии и искусства и соответствующих им символических картин мира. Мир воспринимает непосредственно исключительно в утилитарно-технологическом значении. Причём, такое отношение распространяется и на живую природу, и на человека. Отсюда равнодушные, эмо-

циональная отчуждённость, холодность, безразличие к чужим проблемам и трудностям.

Влияние интернета на социализацию и духовно-нравственное развитие несовершеннолетних может быть как положительным, так и отрицательным в силу противоречивости самого сетевого коммуникационного пространства как элемента техносферы:

1. Противоречивость виртуальной свободы.

Состоит оно, на мой взгляд, в том, что интернет, с одной стороны, можно рассматривать как сферу безграничных возможностей для реализации индивидуальной свободы и самоосуществления в сартровском смысле [3], а с другой – как средство манипулятивных воздействий на сознание, где всякая свобода иллюзорна. С одной стороны, предпочитая онлайн-игру или пребывание в виртуальных социальных сетях как основной вид досуга, человек делает свой выбор и тем самым реализует себя как свободная личность, а с другой – возникает вопрос осознанности сделанного выбора и подверженности манипулятивным воздействиям на психику в обход сознания со стороны создателей игровых виртуальных пространств.

2. Проблема идентичности интернет-пользователя.

Каждый из нас может иметь множество идентичностей, определяемых формируемыми в самосознании представлениями о себе самом, называемых в постмодернистской философии концептуальными персонажами, но для психоэмоционального и социального благополучия важно поддержание равновесия между социальными идентичностями, обусловленными социальными ролями индивида, и собственно личностной идентичностью (которую можно назвать также аутентичностью), в которой индивид отождествляет себя не с социальной ролью, статусом, собственностью и тому подобными внешними атрибутами, а с самим собой. Увлечённость виртуальными социальными сетями или сетевыми компьютерными играми может отвлекать индивида как от социальных идентичностей, что ведёт к отчуждению от общества, а также нарушать аутентичность, отчуждая его от самого себя.

3. Информационная некомпетентность пользователей.

Интернет стал для нас настоящим окном в мир, средством получения информации как о последних событиях в мире, так и о событиях в жизни друзей и знакомых, которыми те охотно делятся в своих аккаунтах (страничках в социальных сетях). Но если задаться вопросом, а что из всего массива этой информации действительно оказывается

нам полезным, оседает у нас в памяти, что мы можем использовать в практической деятельности, что из этого делает нас нравственно совершеннее, заставляя лучше относиться к людям, а возможно, и к природе, развивает нас эстетически, формируя чувство прекрасного, эрудированнее, способными к критическому мышлению и т. д.?

В большинстве случаев ответ будет неутешительным – ничего. Времяпрепровождение в интернете зачастую оказывается пустым. Возможно, это способ хотя бы как-то отвлечься от повседневности, бытовых неурядиц, занять голову чем-то другим. Может быть, для кого-то это способ удовлетворить непомерное любопытство, узнать последние светские сплетни, чтобы потом было что обсудить.

Медиа, прежде всего электронные медиа, распространяют в большей степени ценности массовой культуры, хотя интернет и социальные сети позволяют заявлять о себе в информационном пространстве и носителям иных типов аксиологии и транслировать свое мировосприятие и миропонимание множеству пользователей практически по всему миру. Интернет перегружен разнообразной и несистематизированной, разрозненной информацией, найти в массивах которой нужные и ценные знания представляется затруднительным для многих пользователей [2, с. 108–109].

4. Размытость границ публичности.

Многие владельцы аккаунтов в социальных сетях выставляют на массовое обозрение свою реальную жизнь: быт, отдых, покупки, жилье, детей, домашних любимцев и т. п. При условии рационального пользования социальными медиа пределы публичности устанавливает сам юзер, тем самым определяя её границы: можно не выкладывать о себе никакой информации, можно сделать ее доступной только для тех, кто в «друзьях», да и выкладывать то, чем хочется поделиться. Аккаунт каждого пользователя социальной сети – это своеобразная цифровая объективация его субъективного мира, ядром которого выступает Я-концепция, или самость, а вокруг выстраивается целая совокупность социальных идентичностей. Но многие пользователи не задумываются об этом, и тогда личные данные становятся доступными для значительного числа людей.

Средства массовой коммуникации погрузили человека в концентрированную информационную среду, с одной стороны, сделав мир более когнитивно прозрачным и доступным с учётом погрешностей от фейковых сообщений, с другой – сделав человека открытым для других и, прежде всего, для государства и его институтов. Человек

оказался как в паноптикуме – прозрачной тюрьме, где каждый заключённый виден надзирателю как на ладони [4]. Эта когнитивная обнажённость индивида формирует чувство тревожности, страха, параноидальные чувства наподобие ощущений, что «за мной следят через смартфон, наблюдают через встроенную камеру в смарт-телевизоре, через-вебкамеру в ноутбуке, мои разговоры прослушивают» и т. д. Помимо этого, повсеместные камеры видеонаблюдения формируют вполне обоснованное чувство нахождения под постоянным присмотром и постоянной фиксации повседневных действий. Открыто и официально такая система сетевого наблюдения уже введена в КНР с целью ранжирования граждан по социальному рейтингу.

То, что интернет как важнейший элемент техносферы является благоприятной средой для распространения псевдонравственности и ценностей массовой культуры, не означает, что его нужно запрещать или вводить строгую цензуру, так как такие меры не будут достаточно эффективными. Целесообразнее обучение информационной грамотности, кибербезопасности, формирование морального сознания на основе традиционных ценностей, но с учётом особенностей современного общества, которое всё больше становится информационным, сетевым, техногенным, то есть порождаемым техникой. Важно, во-первых, обеспечивать информационную безопасность детей, а во-вторых, создавать возможности для продуктивной социализации, самообучения, психологического развития в игровых интерактивных формах.

Конечно, здесь как стена на пути встает извечная антиномия рыночной и социальной эффективности, первая из которых измеряется выгодой собственника факторов производства, а вторая – благом для общества, и совместить рыночное с социальным без вмешательства государства порой бывает очень сложно, что тоже выводит на проблему соотношения свободы и контроля в цифровых виртуальных пространствах. Разумный контроль, несомненно, нужен, но обязывать разработчиков и производителей в сфере ИТ **устанавливать обучающие приложения** в смартфоны значит оказывать излишнее давление на данную отрасль частного бизнеса. Выходом являются косвенные меры вмешательства, например налоговое стимулирование, предоставление дотаций, льготных кредитов и т. д.

Помимо органов государственной власти, светских образовательных организаций, общественных объединений, важную роль в противодействии негативному влиянию того, что мы называем массовой

культурой и что активно транслируется через интернет-пространство, играет Церковь. Точка соприкосновения христианства и современного социума, определяемого через концепты «информационное», «постсовременное», «сетевое», тот мост, через который можно поддерживать постоянную связь, ведь в обществе всегда будут атеисты, говоря языком массовой культуры, фактор привлекательности Церкви как носителя традиционной культуры и нравственности, высоких моральных идеалов – это христианская этика милосердия, воплощенная в реальных делах Церкви, в социальном служении, призрении страждущих. Христианство – это не только этика, но именно через нее возможно его проявление в современной культуре. Ясно, что этика без веры неполноценна, но ведь, как кто-то сказал, даже самый крайний атеист, делая добрые дела, может осуществлять тем самым Христовы заповеди и быть ближе к Богу, чем тот, кто считает себя верующим или даже воцерковлённым, но ведет себя по отношению к другим людям безнравственно, вразрез с заповедью милосердия. Этический заряд христианства обладает значительным потенциалом в воспитании и духовном развитии подрастающего поколения, наряду со светскими этическими учениями.

При этом нужно учитывать широкую пропасть между свойственными экранной культуре визуальными средствами коммуникации, с одной стороны, и являющейся частью традиционной культуры книжной и устной формами – с другой. Церковь немислима без воспроизводства традиций, обрядов и ритуалов. Тем самым она выступает одним из немногих общественных институтов, сохраняющих межпоколенческую преемственность, связь современной эпохи с предыдущими, обеспечивая историческое единство.

И еще одно обстоятельство: чем больше временной разрыв между поколениями, тем шире пропасть между мировоззрением представителей одних и других, и её разрастанию способствует интенсивный прогресс, за плодами которого старшее поколение, как правило, поспевает медленнее, чем младшее. Если я объяснял своим родителям суть цифрового телевидения и его отличия от аналогового, то мне самому пришлось спрашивать у ученика-восьмиклассника, как совершать звонки через мобильное приложение социальной сети «В контакте» в смартфоне.

Если исключить такие крайности в адаптации Церкви к современной цифровой культуре, как, например, онлайн-исповеди, то можно говорить о вполне успешном освоении онлайн-пространства, напол-

нении его значимым с религиозной точки зрения контентом, ведением миссионерской, просветительской, катехизаторской деятельности в сетевом пространстве.

Религия с точки зрения философии имеет, по крайней мере, два значения – экзистенциальное и нравственно-регулятивное. Забвение религиозно-трансцендентного обедняет человека, делает его жизнь по сути пустой, сухой, автоматизированной, он во многом становится похож на андроида или репликанта, причём без эмоций, некий органический механизм, лишённый целостности, а действующий только исходя из целесообразности. Целостность как раз и обеспечивается осмысленностью существования, тем, что часто называется «духовностью». Получается, что человек перестает быть человеком в полном смысле этого слова.

Чтобы оказывать противодействие негативным факторам интернет-пространства, чтобы в философско-антропологическом плане человек оставался человеком, а в педагогическом – сознание детей и подростков формировалось в рамках признанных общечеловеческими моральных норм и идеалов и подлинной духовности¹, нужно учитывать указанные выше особенности «глобальной паутины» как фактора социализации детей, подростков и молодежи.

Литература

1. Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 147–162.
2. Еляков А. Д. Дефицит и избыток информации в современном социуме // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 107–114.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Составление и общая редакция А. А. Яковлева – М., 1989. – 398 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы – М.: Ad Marginem, 1999 г. – 479 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории – М.: Республика, 1994. – 528 с.

¹ Духовность – многозначный термин. В данной статье он означает способность к осмысленному существованию в измерениях жизни и смерти, добра и зла, веры и безверия, истины, заблуждения и лжи, красоты и ужаса при полном осознании собственной свободы и ответственности.

**ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК
БОГОПОЗНАНИЯ:
О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ПРЕПОДАВАНИЮ
ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ СТУДЕНТОВ
НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Т. С. Борисова

Кандидат филол. наук, PhD

Афинский национальный университет им. И. Каподистрии

Афины, Греция

В статье предлагается новый подход к преподаванию церковнославянского языка для студентов нефилологических специальностей, основанный на анализе текстов, сопоставлении греческих и церковнославянских языковых данных, а также на привлечении в качестве учебных материалов одновременных славянских переводов греческих оригиналов, сравнивая которые студенты получают возможность наблюдать за историей церковнославянского языка. Преимущества данного подхода состоят в развитии у студентов навыков критического анализа предлагаемого языкового материала, в формировании у них целостного системного представления о церковнославянском языке как о языке переноса византийского православного наследия на славянскую почву, в рассмотрении языковых категорий в тесной связи с категориями духовности и культуры. В статье предлагается пять примеров сопоставительного анализа греческого и одновременного церковнославянского языкового материала, которые могут быть успешно использованы на занятиях.

Ключевые слова: православное образование, преподавание языка для нефилологических специальностей, церковнославянский язык, текстология.

CHURCH SLAVONIC AS THE LANGUAGE OF THE COGNITION OF GOD: NEW APPROACHES TO THE TEACHING OF LINGUISTICS TO STUDENTS OF NON- PHILOLOGICAL SPECIALITIES

T. Borisova

National and Kapodistrian University of Athens
Athens, Greece

The article proposes a new approach to the teaching of the Church Slavic language to students of non-philological specialities, based on the analysis of texts, comparison of Greek and Church Slavic language data, as well as the use of multi-temporal Slavic translations of Greek originals as teaching materials, comparing which students have the opportunity to observe the history of the Church Slavic language. The advantages of this approach are the development of the students' skills of critical analysis of the proposed language material, the formation of a comprehensive systemic view of the Church Slavonic language as the language of transfer of the Byzantine Orthodox heritage to the Slavic soil, the consideration of language categories in close connection with the categories of spirituality and culture. The article offers five examples of comparative analysis of Greek and multi-temporal Church Slavonic language material, which can be successfully used in the classroom.

Keywords: *Orthodox education, language teaching in non-philological specialities, Church Slavonic language, textology.*

Современное общество ставит перед образованием принципиально новые задачи. Быстрый и практически неограниченный доступ к бескрайним потокам информации, непрерывный пророст и обновление данных, отсутствие аксиологизации сведений в современных информационных системах актуализирует необходимость формирования навыков ориентации в информационном пространстве и критической оценки данных.

Развитие новых подходов к высшему образованию, ориентированных на указанные навыки, на настоящий момент практически не затрагивает так называемые языковые дисциплины, преподаваемые для нефилологических специальностей. Если преподавание лингви-

стических предметов для студентов-филологов традиционно предполагает научный подход к языку как к объекту исследования и анализа, критическую оценку различных лингвистических теорий, системность и историчность при описании языковых фактов, то студенты других специальностей при изучении как родного, так и иностранных языков обычно ограничиваются усвоением утилитарной «пользовательской» информации об основных орфографических, фонетических и орфоэпических, грамматических, пунктуационных и стилистических правилах, достаточных для грамотного общения.

Основным источником информации для таких студентов остается учебник, критического отношения к которому не предполагается: учебник по языку и в современном учебном пространстве остаётся набором «непреложных истин», предназначенных не для понимания и критической оценки, но для заучивания и более или менее механического употребления. Недостатки такого формалистического подхода очевидны: у студентов не создаётся цельного и системного представления о языке, неразрывно связанном с духовностью создавшего его народа; напротив, язык предстаёт перед ними как совокупность непонятно откуда и как появившихся и нелогичных правил, а его усвоение превращается в чисто механический процесс, лишённый должной мотивации, который затем (после окончания учебника) обучаемый не может – за отсутствием соответствующих навыков – да и не желает продолжать самостоятельно.

В рамках данной статьи мы рассмотрим возможности и основные принципы применения иного критического подхода к изучению церковнославянского языка в контексте указанной проблематики для студентов нефилологических – прежде всего, духовных – высших учебных заведений. Необходимость разработки такого подхода именно для церковнославянского языка, ориентированного, в отличие от других языков, не на общение между людьми, а на общение с Богом, не вызывает сомнений: сведение данного языка к набору грамматических правил лишает учащихся возможности использовать его как инструмент богопознания, осознать сам феномен данного языка во всей его целостности и связи с языковыми стихиями русского и греческого языков, а это, в свою очередь, означает рассмотрение языка в отрыве от его смысла и природы, что неминуемо превращает его в красивый, но бесполезный реликт ушедших эпох.

Появившаяся в последние годы обширная учебная литература по церковнославянскому языку, ориентированная на нефилологиче-

скую аудиторию, в первую очередь, на слушателей духовных образовательных учреждений, в абсолютном большинстве своём представлена учебниками [4; 7; 9; 11], цель которых – научить учащихся читать и «разбирать» тексты [4, с. 4], используемые в богослужении, для чего предлагается и необходимый грамматический материал. Структура подачи учебного материала в них достаточно однотипна: материал сгруппирован по основным грамматическим темам, располагающимся не системно (например, по частям речи), как в учебниках для филологов, но в соответствии с практическими потребностями и в порядке возрастания сложности, на каждую тему приводятся соответствующие грамматические упражнения, в конце даётся небольшая хрестоматия церковнославянских текстов для чтения, перевода и грамматического комментария, учебный словарь и набор грамматических таблиц.

Хотелось бы обратить внимание на следующие особенности подачи материала, повторяющиеся из учебника в учебник:

- В качестве единственного метаязыка не только при объяснении нового грамматического материала, но и при переводе текстов и слов в учебных словарях используется русский язык.

- Подача грамматического и лексического материала также полностью ориентирована на структуру русского языка, греческий языковой материал, за исключением отдельных оригиналов заимствований [9, с. 184], не привлекается в принципе. В своём сочетании данный и предыдущий моменты создают у учащихся картину о церковнославянском языке как об «испорченном» русском, не позволяют понять внутреннюю логику данного языка и неосознанно приводят к мысли о его неактуальности для современного русского православного сознания.

- Наконец, как весь учебный материал, так и иллюстрирующие его тексты представляют исключительно церковнославянский язык, используемый в современной богослужебной практике. Отсутствие соответствующих уточнений в тексте учебников создаёт у учащихся ошибочное отождествление изучаемого ими языка непосредственно с кирилло-мефодиевской традицией, а сам церковнославянский язык представляется застывшей, не развивающейся во времени структурой, что способствует созданию образа «мертвого языка».

В качестве альтернативы данному подходу хотелось бы предложить новый, в основе которого мы заложили три принципа:

1. Церковнославянский языковой и текстовой материал подаётся в сопоставлении не только с русским, но и с греческим языком. Привлечение греческого языкового материала проходит на разном уровне: на

уровне морфологических, словообразовательных и синтаксических структур, для объяснения внутренней формы калькированных слов, для сопоставительного анализа греческих оригиналов и церковнославянских переводов богослужебных текстов и т. д. Практика преподавания языка показала, что использование греческого языка для объяснения языковой природы языка церковнославянского не только не усложняет процесс усвоения последнего, как боятся многие педагоги, но, напротив, позволяет понять его внутреннюю логику, пояснить особенности его функционирования в качестве языка-кальки с греческого, призванного стать средством переноса в славянскую языковую среду греческого духовного наследия. Именно на эту связь греческого и церковнославянского языка, послужившую «каналом» обогащения русского языка и сыгравшую огромную роль в формировании всей русской духовности и культуры, указывал А. С. Пушкин, писавший, в частности: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени» [10].

2. подача учебного материала осуществляется не от грамматического феномена к тексту, как в традиционных учебниках, но, напротив, от текста к его анализу и «извлечению» из него необходимой грамматической информации. Именно такая структура работы с церковнославянским языком как языком богослужебных текстов нам представляется наиболее логичной и эффективной. В качестве учебных текстов предлагаются важнейшие тексты христианской культуры, переведённые на начальных этапах истории церковнославянского языка и продолжающие функционировать в нём и по сей день, тексты, которые «не порывая с исходной традицией и, более того, существуя в ней, обретают иную традицию в рамках иной культуры. Эти тексты – самая надёжная и самая явная связь культуры и языков» [8, с. 148].

3. Наконец, мы предлагаем рассмотреть формирование церковнославянского языка и создание православной славянской культуры в исторической динамике, показывая современный церковнославянский текст не только в его синхронии, но как результат многовековой языковой и переводческой работы поколений славянских книжников. Это достигается путём использования в преподавании дости-

жений современной текстологии на основе параллельного сопоставительного анализа славянских переводов одного греческого текста, относящихся к различным эпохам, изводам или редакциям. Приобщая студентов к сопоставительно-текстологическому анализу современных славянских текстов, мы не только формируем у них представление о церковнославянском языке как о живом развивающемся организме, но и пробуждаем их исследовательский интерес и критическое вдумчивое отношение к объекту изучения, помогаем глубже понять как лингвистические особенности данного языка, так и основные понятия православной славянской культуры, сформированные на основе межъязыковой интерпретации византийского наследия, «поиска Византии», на протяжении многих столетий определивших основной вектор русской культуры.

Рассмотрим основные принципы применения данного подхода на нескольких показательных примерах.

1. На первом уроке курса традиционно происходит знакомство студентов с азбукой современного церковнославянского языка. В светской культуре данная азбука в последнее время широко используется в оформительских целях, поэтому необходимо преодолеть представление студентов о ней как о декоративном варианте русского алфавита, отягощённом ненужными буквами. Это возможно лишь на основе сопоставительного анализа современной церковнославянской азбуки с греческим алфавитом и первыми славянскими азбуками – глаголицей и кириллицей. Именно в такой системе формируется правильное представление о церковнославянской азбуке как об исторически изменчивой и вместе с тем консервативной, традиционной (в сравнении со светским русским алфавитом) системе, о необходимом средстве переноса византийского языкового наследия на славянскую почву и его языковой консервации. Подобное сопоставление не предполагает наличия специальных филологических знаний у студентов, однако уже с самого начала курса настраивает их на критическое осмысление предлагаемого материала, помогает связать каждый отдельный языковой факт с целостной системой и её функциями, «открыть» для студентов язык не как набор формалистических правил, а как культурно-исторический феномен.

2. Богатейший материал по истории церковнославянского языка и славянской православной культуры даёт сопоставительное изучение различных переводов и редакций Акафиста Пресвятой Богородице в славянской письменности. Сам греческий текст Акафи-

ста со своей сложной многоуровневой богословской и художественной структурой был своеобразным «вызовом» для славянского переводчика и требовал адекватных средств выражения на принимающем языке – средств, которыми на начальных этапах своей истории церковнославянский язык, несомненно, не мог обладать. Сопоставление вариантов перевода одного греческого фрагмента в разновременных редакциях показывает как постепенно – от справа к справе, от столетия к столетию – славянский язык находит всё более точные соответствия сложным и полисемантическим понятиям греческой богословской мысли. Ограничимся одним простым примером: переводом греческого слова φιλόσοφος, содержащегося в хайретизме икоаса 9: χαίρε, φιλοσόφους ἀσόφους δεικνύουσα (подробнее см. [3, с. 13–15]). Данное слово обозначало незнакомое славянам до принятия христианства понятие и неизвестное в контексте их культуры явление. В первом переводе Акафиста слову было найдено неточное славянское соответствие прѣмѣднѣи. Таким образом, один из корней греческого композита был оставлен без перевода, а семантика и внутренняя форма были переданы лишь отчасти. В X веке данную лексему заменили на греческое заимствование философъ. Перед нами другая стратегия перевода: попытка достижения максимальной идентичности понятийных полей за счёт потери внутренней формы вводимого в церковнославянский язык чуждого иноязычного элемента. Наконец, трудами русских редакторов XIV–XV веков была создана калька ѡбѡмѣдрьць, впоследствии (при Никоновских справках XVII в.) заменённая на субстантивированное прилагательное ѡбѡмѣдрьзи, сохраняемое в церковнославянском переводе и по сей день.

3. Большое количество языкового материала, помогающего студентам проследить за формированием основополагающих для христианской этики и эстетики понятий, можно получить на основе сопоставительного анализа различных церковнославянских редакций Великого покаянного канона преподобного Андрея Критского. В частности, интерес представляет исследование лексики, связанной с одним из важнейших понятий христианского вероучения – милосердия. Анализируя ранние славянские переводы Канона, мы видим, что одним и тем же славянским прилагательным милосѣднѣ переводятся два сходных, но не тождественных греческих эпитета, обычно характеризующих Бога: εὐσπλαγχνος и φιλόανθρωπος [13, с. 543–544]. Первое из данных прилагательных является имманентным свойством субъекта, второе характеризует его отношение к конкретному объек-

ту – человеку. Во внутренней форме греческих эпитетов не присутствует сердце как орган милосердия, с другой стороны, в первом из них милосердие связано с лоном, утробой – идея, калькированная греческим языком из древнееврейского [1, с. 161–170]. Церковнославянское слово, вероятно, является калькой с латинского *misericos*, таким образом, латинский язык в конкретном случае на первых этапах славянской письменности был выбран как язык-посредник при переносе византийского наследия на славянскую почву. Однако лексическое неразличение двух не полностью тождественных греческих понятий в значительной степени обедняет как богословскую, так и образную структуру гимна. С конца XIII века (этапа Афонских книжных справ) редакторы начинают сознательно разделять данные эпитеты, создавая для перевода греческого *φιλάνθρωπος* кальку *чловѣколюбъцъ*. С XV в. на восточнославянских территориях эпитет систематически исправляется на *благосердънъ* для достижения единообразия перевода всех греческих слов с префиксом *εὖ-*. Однако лишь в XVII в. в процессе Никоновских книжных справ появилась калька греческого эпитета *благотробенъ*, что позволило точно передать не только семантику, но и внутреннюю форму греческого слова.

4. Всё тот же текст – текст Великого канона – при сопоставлении различных его редакций даёт богатый материал, иллюстрирующий формирование в русской культуре эстетической терминологии, точнее, слов тематической группы со значением *красота* (см. подробнее [2, с. 35–48]). **Греческая культура предлагает для данного тематического пласта иерархическую систему понятий, основанную на противопоставлении вневременной совершенной красоты – *κάλλος*, и временной, земной красоты, которая может приобретать как положительные, так и отрицательные коннотации, являясь одновременно и символом красоты божественной и, в случае абсолютизации, средством отдаления от неё, – *το φαίον*.** Ранние переводы Великого канона показывают, что церковнославянский язык на начальных этапах своей истории не обладал средствами для лексического разделения данных понятий, переводя их одним славянским словом *красота*. Кроме того, то же слово или родственные ему использовались и для перевода других греческих лексем, в частности: *εὐκοσμία* (*косμῶ*), *μορφῶ*, *ὄρμη* и *σκηνή*. Очевидно, что отсутствие в церковнославянском языке терминологического аппарата для передачи сложных понятий греческой эстетической мысли становилось препятствием не только для воспроизведения в переводе образной структуры гимна, но и для ре-

цепции византийской эстетики в славянской языковой среде. Лексическое разделение данных понятий вновь связано с периодом Афонских справ (конец XIII – начало XIV в.). Афонские справщики начинают систематически употреблять на месте греческого κάλλος славянскую лексему *доброта*, оставляя за словом *красота* спектр значений, связанных с земной, временной красотой (το ωραίον). Именно в этой системе понятий с её чётким разделением – а иногда и противопоставлением – красоты земной и небесной и получает своё дальнейшее развитие славянская церковная эстетическая мысль. В данном аспекте церковнославянский язык противопоставит русскому, не принявшему данного разделения и продолжавшему использовать лексему *красота* во всех значениях, связанных с божественной, душевной и телесной красотой и соответствующих коннотациях. Этот семантический сдвиг между языками иной раз приводит к неправильным истолкованиям церковнославянских слов. Одновременно, однако, эти различия, происходящие от отождествления с одной стороны, и от дифференциации от византийской культуры – с другой, породили уникальный феномен понятия красоты и его сотерологической роли в русской литературе и религиозной философии XIX–XX вв.

5. Наконец, пятый и последний пример касается сопоставления церковнославянских редакций Антифонов Великой Пятницы. Здесь в цитате из молитвы «Отче наш» мы обнаруживаем различные славянские переводы греческого эвфемизма *πονηρός*. Наряду с известным по современному тексту субстантивированным эпитетом *лѣкавѣи* в ранних редакциях встречается и существительное *неприязнь ѿче нашъ еже еси на небесехъ ѿ неприязни изъяви насъ*. Происхождение данной лексики остается дискуссионным вопросом современной палеославистики. Как правило, в исследовательской литературе она считается калькой либо с древневерхненемецкого *Unhold* [5, с. 198–201], либо с латинского *inimicus* [6, с. 100–101; 12, с. 151–160]. В любом случае, перед нами неточный опосредованный перевод, который впоследствии в славянской традиции меняется на точное славянское соответствие.

Каждый подобный пример, а также множество других, которые преподаватель и студенты совместно находят во время сопоставительного анализа греческих и разновременных церковнославянских текстов, может стать началом для лингвистического или богословского поиска, каждый поможет им ощутить «ускользающие смыслы» слов [14], сохраняемые, как в сокровищнице, в церковнославянском языке, и вместе со славянским книжником и со всей славянской куль-

турой пройти путь поиска Византии и богопознания, проходящий параллельно с созданием и развитием церковнославянского языка и всей православной русской духовности. Именно такое, с одной стороны, критическое, а с другой – системное и историческое знакомство с феноменом церковнославянского языка поможет студентам осознать его роль не только в истории, но и в современном русском религиозном сознании, в духовных поисках каждого верующего человека и всей культуры в целом.

Литература

1. Аверинцев С. ΕΥΣΠΛΑΧΝΙΑ // Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Н. И. Конрада. – М., 1974. – С. 161–170.

2. Борисова Т. С. Красота земная и небесная в церковнославянских переводах византийской гимнографии (на материале Великого покаянного канона Андрея Критского) // Материалы международной научной конференции «Русский язык в современной культуре в контексте Slavia Orthodoxa и Slavia Latina». – Москва, 30 ноября 2016 г. – М., 2016. – С. 35-48.

3. Борисова Т. С. О соотношении характеристик передающего и принимающего языка при переводе художественных текстов (на материале церковнославянской гимнографии) // Материалы Международной научной конференции «Язык и культура: международная антропология», посвященной 50-летию кафедры русского языка для иностранных учащихся ЮФУ (Ростов, 22 – 25 марта 2017 года). – Ростов, 2017. – С. 11-17.

4. Грамматика церковнославянского языка. Конспекты. Упражнения. Словарь. – Спб.: Библиополис, 2008. – 368 с.

5. Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. – М., 1966. – 321 с.

6. Минчева А. Молитвата Отче наш в старобългарски превод на катехизите на Кирилл Йерусалимски // Съкровище съловесное. Studia slawistyczne ofiarowane proferorowi Jerzemu Ruskowi na 70 urodziny. – Краков, 2000. – С. 95–104.

7. Миронова Т. Л. Церковнославянский язык. – 3-е изд-е. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010. – 272 с.

8. Панин Л. Г. Греческий язык в истории русского языка // Человек в культуре Античности, Средних веков и Возрождения. Сборник

научных трудов в честь юбилея Н. В. Ревякиной. – Иваново: Изд-во ИГУ, 2006. – С. 143–155.

9. Плетнёва А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык. – 5-е изд-е. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012 – 272 с.

10. Пушкин А. С. О предисловии господина Лемонте к переводу басен И. А. Крылова // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти тт. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6.

11. Ремнёва М. Л., Савельев В. С., Филичев И. И. Церковнославянский язык: Грамматика с текстами и словарем. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 231 с.

12. Станков Р. Древнеболгарские переводные тексты и проблема лексических моравизмов. – София: Изд-во ун-та «Св. Климент Охридски», 2016. – 320 с.

13. Чернышёва М. И. Семантика словообразовательных моделей с начальными БЛАГО- и БОГО- (новые данные) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – М.: Индрик, 2008. – С. 540–553.

14. Чернышёва М. И. Уходящие слова, ускользающие смыслы. Историко-лексикологические исследования. [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Альманах: Пространство и Время». – 2015. – Т. 10. – Вып. 1: Пространство и время текста. – 85 с.

ХРИСТИАНСКОЕ И ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ТРУДА

Т. Г. Дорофеева

кандидат философских наук, преподаватель ПДС
Пензенская духовная семинария
Пенза, Россия

Тема труда и трудового воспитания – одна из актуальнейших для современного российского общества. Статья посвящена анализу категории «труд» в христианской и педагогической мысли.

Излагаются идеи о труде и трудовом воспитании выдающихся российских педагогов К. Д. Ушинского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского. Несмотря на разность политико-идеологических систем, к которым принадлежали данные педагоги, в статье определяются их общие мысли в системе трудового воспитания: о труде как жизненной необходимости, как основе гармонического развития личности, как методе воспитания, как основе нравственности, о важности сочетания физического и умственного труда, об особенностях трудовой деятельности школьников.

Характеризуется православная концепция отношения к труду, которая изложена в Священном Писании, разъяснена в трудах отцов и учителей Церкви, официальных документах Русской Православной Церкви. Раскрывается христианское положение о необходимости труда как нравственном долге, об отношении к разным видам трудовой деятельности, изложены принципы православной трудовой этики.

В заключении выявляется общее и отличительное в воззрениях на труд и трудовое воспитание представителей церковной и светской мысли. Общее заключается в определении необходимости труда и сочетания разных видов деятельности, целей трудовой деятельности, характера труда, возраста, с которого нужно прививать любовь к труду. Отличие светской мысли в детальном освещении особенностей труда и трудовой деятельности. Делается вывод о том, что в своих основных положениях философско-педагогическое и христианское обоснование труда имеет общее основание, при этом главное отличие христианского положения в том, что человек не просто должен работать на благо общества, а во имя любви к ближнему и Богу.

Ключевые слова: Бог, педагоги, Русская Православная Церковь, труд, трудовая этика, трудовое воспитание, христианство, человек.

CHRISTIAN, PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF LABOUR

Tatiana Dorofeeva

Penza Theological Seminary
Penza, Russia

The topic of labor and labor education is one of the most crucial ones for modern Russian society. The article is devoted to the analysis of the category of “labour” in Christian and pedagogical systems of knowledge.

Ideas on labor and labor education put forward by outstanding Russian teachers K. Ushinsky, A. Makarenko, V. Sukhomlinsky are presented. Despite the difference in the political and ideological systems to which these teachers belonged, the article defines their common views on the system of labor education: about labor as a vital necessity, as the basis for the personality’s harmonious development, as a method of education, as the basis of morality, the importance of the combination of physical and mental labor, the peculiarities of schoolchildren’s labor activity.

The Orthodox conception of the attitude to labour, which is described in the Holy Scripture, is explained in the works by fathers and teachers of the Church as well as official documents of the Russian Orthodox Church. The Christian provision on the necessity of labor as a moral duty, on the attitude to different types of labor activity is disclosed, the principles of Orthodox labor ethics are set forth.

In conclusion, it reveals the general and distinctive features of the views on labor and labor education of representatives of church and secular thoughts. Their general aim is to state the necessity of labour and the combination of different types of activity, the purpose of labour, the nature of labour, the age from which to instil a love of labour. The distinction of secular thought lies in the detailed coverage of the peculiarities of labour and labour activity. The conclusion is made that in their basic provisions the philosophical, pedagogical and Christian foundations of labour have a common basis, and the main difference from the Christian position is that a person should not just work for the benefit of society, but in the name of love for the neighbour and God.

Keywords: *God, teachers, Russian Orthodox Church, labour, labour ethics, labour education, Christianity, man.*

Категория «труд» в качестве базисного понятия входит в терминологический аппарат многих гуманитарных и социально-экономических дисциплин: педагогики, философии, экономики, социологии, психологии, антропологии и др.

Согласно философско-педагогической мысли, труд является основой жизнедеятельности человека. В процессе труда не только создаются материальные и духовные ценности, но и развиваются сами работники, которые раскрывают свои способности и обогащают свои знания.

Термин «труд» имеет широкий смысловой спектр: как естественная необходимость; как целесообразная деятельность; как основа научного познания и формирования ценностей, этического и эстетического отношения к действительности.

Труд направлен на удовлетворение потребностей: физиологических, экзистенциальных, социальных, престижных, духовных.

Трудовое воспитание – целенаправленное формирование социально ценностного отношения к труду. Оно тесно связано с другими видами воспитания: нравственным, физическим, экономическим, умственным, эстетическим.

Исследователи различают:

- виды труда по условиям, средствам и способам, предмету и продукту, характеру и содержанию;
- функции труда: потребительская, созидательная, социальная, человекотворческая, свободотворческая;
- стимулы к труду: материальные и нематериальные;
- в связи с трудовым воспитанием выделяют особенности трёх возрастных групп: дошкольников, школьников и студентов.

Различают четыре основных вида труда дошкольников: самообслуживание, хозяйственно-бытовой труд, труд в природе и ручной труд.

Школьников вовлекают в следующие виды трудовой деятельности: учебные занятия, труд по самообслуживанию, ручной труд, общественно полезная работа, общественный производительный труд.

Основными видами деятельности студента являются: учебный труд, научно-исследовательская работа, производственная практика.

В истории педагогики особое место занимают идеи о трудовом воспитании выдающихся российских педагогов К. Д. Ушинского, А.

С. Макаренко, В. А. Сухомлинского. Каждый из них был выдающейся яркой личностью, носителем высоких нравственно-этических идей. Все они излагали свои идеи о педагогике в форме рассуждений, размышлений. Главными трудами мыслителей, где раскрываются вопросы, связанные с трудовым воспитанием, являются: «Труд в его психическом и воспитательном значении» К. Д. Ушинского; «Лекции о воспитании детей», «Книга для родителей» А. С. Макаренко; «Сердце отдаю детям», «Этюды о коммунистическом воспитании» В. А. Сухомлинского.

Также свои мысли по трудовому воспитанию выдающиеся педагоги отразили и в форме литературных произведений: рассказах, сказках, поэмах.

Они были не просто теоретиками, но и педагогами-практиками. Свои воззрения претворяли: К. Д. Ушинский в Демидовском лицее, Гатчинском сиротском институте, Смольном институте благородных девиц; А. С. Макаренко в Трудовой колонии имени А. М. Горького и Коммуне имени Ф. Э. Дзержинского; В. А. Сухомлинский в Павлышской средней школе.

Несмотря на разность в политико-идеологических системах выдающихся педагогов (К. Д. Ушинский – создатель народной школы, А. С. Макаренко – основоположник теории коллективного воспитания, В. А. Сухомлинский – представитель гуманной педагогики), можно выделить их общие мысли в системе трудового воспитания:

- труд – жизненная необходимость, без него немислимо человеческое существование;
- труд – основа гармонического развития личности.
- труд – один из самых важных методов воспитания;
- труд – закладывает фундамент нравственности школьников и подростков: самостоятельность, ответственность, коллективизм, дружбу, товарищество, уважение к старшим, доброту, любовь к людям и природе;
- необходимо, чтобы труд носил творческий характер;
- учёба у школьников – главный труд, ему, прежде всего, обучает школа;
- неременность сочетания умственного с физическим трудом;
- важность трудового воспитания в коллективе;
- необходимо прививать любовь к труду и воспитывать трудолюбие с самого раннего возраста;

– разносторонняя трудовая деятельность школьника является подготовкой к выбору профессии;

– школьник должен выполнять посильные поручения, которые со временем должны становиться сложнее и ответственнее.

Православная концепция отношения к труду изложена в Священном Писании, разъяснена в трудах отцов и учителей Церкви, религиозных философов и официальных документах Русской Православной Церкви. Важнейшим документом, содержащим официальную позицию Московского Патриархата по вопросу о труде и его плодах – «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви».

Согласно христианской антропологии, одним из проявлений природы человек является труд. Бог вместе с созданием человека заложил в него трудовое начало. Если бы человек не согрешил, то всё равно его потомки были бы подчинены трудовому закону. Так труд человека предстает как изначально благословленный Создателем. Священник Сергей Булгаков пишет: «Бог создал человека существом, нуждающимся в труде, с целью дать ему возможность всюду упражнять свои познавательные силы и через это не оставлять его бездеятельным» [1, С. 226].

В первородных условиях природа шла навстречу человеку в её использовании, легко поддавалась человеческим целеустремленным усилиям. Человек ощущал своё единство с природой. Грехопадение, которое отделило человека от Бога, превратило свободный и радостный труд человека в борьбу с природой, нередко жёсткой. Творческая составляющая труда ослабла, однако полностью не исчезла. Человечество за период своего существования на этой земле преобразовало многое вокруг себя: построило города, дороги и тоннели в труднопроходимых местах, освоило воздушное и космическое пространство, овладело морскими глубинами.

Творческое начало может заявлять о себе в любой профессии – и в умственном труде и физическом. Каждый человек имеет таланты, которые рассматриваются в христианстве как Божий наказ к определённому виду труда. Человек обязан раскрывать свои таланты и приумножать их во благо людей. В христианстве труд объявляется всеобщей священной обязанностью, нравственным долгом каждого человека независимо от его социального и материального положения. Труд освятил и возвеличил Сам Господь Иисус Христос, который трудился всю Свою земную жизнь.

Христианин должен трудиться честно на протяжении всей своей жизни, отличаться добросовестным отношением к труду в каждой порученной ему обязанности и по церкви, и по дому, и по светской службе и работе. Данные положения хорошо освещены в трудах св. Николая Сербского, св. Иоанна Златоуста, св. Тихона Задонского, св. Филарета, св. Исаака Сирина, протоиереев Иоанна Толмачёва и Глеба Каледы.

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл отметил, что «если человек хочет быть счастливым без труда, он никогда счастливым не будет. Труд является непременным условием полноты человеческой жизни, в том числе и человеческого счастья» [7]. Живя на всем готовом, человек не может быть по-настоящему счастливым. Человек должен реализовать в ходе трудовой деятельности то, что в нём заложено. Христианство относится к труду как способу преображения человека, возврата ему Божьего благоволения. Св. Василий Великий утверждал: «Следует знать, что работающий работает не для того, чтобы трудом служить только своим потребностям, а для того, чтобы исполнить заповедь Господню» [9].

Жизнь христианских святых показывает, что необходимым элементом жизни человека должен быть физический труд, который является необходимой ступенью, подводящей к духовному. Физический труд является необходимым условием духовного возрастания, без которого человек не может жить. Молитвенный подвиг, созерцание признается высшей формой труда. В христианстве считается, что молитвенное сосредоточение не должно служить предлогом для лени и бегства от работы, но, напротив, побуждать к ещё более упорным трудам. Пример трудового подвижничества явили иноки многих монастырей. Их хозяйственная деятельность во многом была образцом для подражания, а основатели крупнейших обителей имели, наряду с высочайшим духовным авторитетом, и славу великих тружеников. Широко известны примеры усердного труда преподобных Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого, Нила Сорского и других русских подвижников.

Христианство свидетельствует о трёх нравственных побуждениях к труду:

- труд ради поддержания жизни;
- труд по любви к людям;
- труд ради любви к Богу.

Сегодня Православная Церковь благословляет всякий труд, направленный к благу людей; при этом не отдается предпочтения никакому из видов человеческой деятельности: «В жизни есть занятия для каждого во всех состояниях, какие Бог установил на земле. Для одних – труд умственный, для других – работа телесная; для одних – ремёсла, для других – торговля» [8]. В притчах Иисус Христос постоянно упоминает о разных профессиях, не выделяя ни одну из них. Он говорит о труде сеятеля (Мк. 4: 3–9), слуг и домоправителя (Лк. 12: 42–48), купца и рыбаков (Мф. 13: 45–48), управителя и работников в винограднике (Мф. 20: 1–16).

Но Православная Церковь выступает против индустрии, которая специально направлена на пропаганду порока и греха, удовлетворение пагубных страстей и привычек, таких, как пьянство, наркомания, блуд и прелюбодеяние.

Церковь призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатый поддерживает бедного, здоровый – больного, трудоспособный – престарелого, и отмечает, что духовное благополучие общества возможно лишь в случае обеспечения жизни, здоровья и благосостояния всего народа.

В Православии отмечается, что человеку необходим отдых, смена видов деятельности ибо постоянный труд ведёт к обеднению личности.

Один из важных вопросов, которые рассматриваются в связи с православной концепцией труда, – православная этика труда, особенности которой хорошо раскрыты в трудах Г. И. Могилёвской, Э. М. Разумовой, Т. Б. Коваль, Н. Н. Фиолетова, Э. Коваль, С. Шарапова, М. Улыбышевой, С. И. Головащенко [2].

Исследователи к принципам православной этики труда относят:

- направленность на исполнение Евангельских заповедей;
- справедливая взаимность;
- нацеленность на общественно–полезные, значимые дела;
- полагание на Божью волю;
- отношение к предпринимательству как земному послушанию, служению Богу и людям;
- заботливое отношение к природе и материальным благам;
- устремление к совершенствованию;
- разумность, умеренность.

На восьмом Всемирном Российском Соборе (2004 г.) был принят «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», осно-

ванный на Десяти заповедях, данных Богом. Свод представляет идеальную модель ведения хозяйства, к воплощению которой сегодня призывает Русская Православная Церковь.

Основные положения свода:

1. Зарабатывая на хлеб насущный, нужно помнить о духовном смысле жизни. Нужно заботиться не только о личном благе, но и благе ближнего, общества и Родины.

2. Богатство для человека не должно быть самоцелью, оно должно способствовать созиданию достойной жизни человека и народа.

3. Культура делового общения помогает развивать экономику.

4. Человеку нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития, ибо он не постоянно работающий механизм.

5. Государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников и о тех, кто не может заработать себе на хлеб.

6. Должны создаваться достойные условия труда, существовать строгое соблюдение техники безопасности.

7. В экономике не должно быть коррупционеров. Политическая и экономическая власти должны быть разделены.

8. Человек преступает нравственный закон, если присваивает чужое имущество, не воздаёт работнику за труд.

9. Должна существовать честная конкурентная борьба, которая является двигателем экономики. Не допустима реклама, содержащая откровенный обман.

10. Необходимо уважать институт собственности.

Итак, согласно Православной концепции отношения к труду человек – высшее творение Бога, трудовое начало в него было заложено одновременно с созданием. Необходимость труда для человека нашла своё отражение в заповедях Бога. Человек должен трудиться:

– так как этот род деятельности изначально благословлён Создателем и является нравственным долгом человека, который ограждает его от греха;

– для поддержания жизни, во имя любви к Богу и ближнему;

– с детского возраста всю жизнь вне зависимости от его социального и имущественного положения;

– чтобы раскрывать свои таланты, дарованные Богом во благо людей.

Любой труд должен быть творческим, так как человек соратник Бога, несмотря на то, что в результате грехопадения творческая составляющая труда ослабела.

Человек, в процессе труда бесконечно совершенствуя мир, совершенствуется и сам.

Упорный и прилежный труд рассматривается как приближение к Богу, как один из способов его почитания.

Труд является непременным условием полноты человеческой жизни, в том числе и человеческого счастья.

В Православии:

– нет предпочтения никакому из видов человеческой деятельности, но при этом: молитвенный труд ставится выше физического, указывается на неприемлемость деятельности, направленной на удовлетворение эгоистических интересов, пропаганду порока и греха, пагубных страстей и привычек;

– утверждается необходимость отдыха, смена видов деятельности, но воскресенье должно быть посвящено Богу;

– система трудового воспитания не сложена в полном объеме, имеются лишь общие замечания.

– сформулированы принципы трудовой этики: ориентация на исполнение Евангельских заповедей; справедливая взаимность; обращение к общественно–полезным, социально–значимым делам и отказ от труда небогоугодного; устремленность к добру; полагание на волю Божию; бережное отношение к природе, ресурсам, материальным благам; стремление к совершенству; разумность и умеренность.

Несмотря на разность систем взглядов представителей церковной и светской мысли, выявим общее в их воззрениях на труд и трудовое воспитание.

– Труд для человека жизненная необходимость: без труда немислима жизнь человека.

– В ходе трудовой деятельности создаются не только материальные и духовные ценности, но и развивается человек, раскрываются его способности.

– Труд должен приносить благо для человека и общества в целом.

– Любой труд должен иметь творческий характер.

– Прививать любовь к труду необходимо с самого раннего возраста.

– Для человека важна смена видов деятельности и отдых. Важно сочетание умственного труда с физическим.

Отличительная точка зрения на труд и трудовое воспитание философов и педагогов заключается в следующих положениях.

– Термин «труд» имеет широкий смысловой спектр: как естественная необходимость; как целесообразная деятельность; как осно-

ва формирования ценностей; как основа научного познания, этического и эстетического отношения к действительности.

– Труд – основа гармонического развития личности.

– Трудовое воспитание тесно связано с другими видами воспитания: нравственным, физическим, экономическим, умственным, эстетическим.

– Отмечается важность трудового воспитания в коллективе.

– Труд формирует самостоятельность, ответственность, коллективизм, дружбу, товарищество, уважение к старшим, доброту, любовь к людям и природе.

– Труд направлен на удовлетворение потребностей: физиологических, экзистенциальных, социальных, престижных, духовных.

– Исследователи различают виды труда, функции труда, стимулы к труду.

– Разработчики системы трудового воспитания не просто теоретики, но и педагоги–практики, носители высоких нравственно–этических идей.

– Мысли по трудовому воспитанию выдающиеся педагоги отразили не только в научных работах, но и в форме литературных произведений: рассказах, сказках, поэмах.

– Разработана система трудового воспитания трёх возрастных групп (дошкольники, школьники, студенты).

– Различают основные виды труда дошкольников, школьников, студентов.

– Разносторонняя трудовая деятельность школьника является подготовкой к выбору профессии.

– Школьник должен выполнять посильные поручения, которые со временем должны становиться сложнее и ответственнее.

– Учеба определяется как главный вид труда школьников и студентов.

Отличительная позиция по отношению к труду Русской Православной Церкви обусловлена следующими положениями.

– Православная концепция отношения к труду изложена в Священном Писании, освещена в трудах отцов и учителей Церкви, религиозных философов и официальных документах Русской Православной Церкви.

– Труд человека благословлен Богом одновременно с его созданием.

– Необходимость труда для человека нашла своё отражение в заповедях Бога.

– Труд – нравственный долг человека, ограждающий его от греха.
– Трудиться должны все люди независимо от социального и имущественного положения.

– Упорный и прилежный труд рассматривается как приближение к Богу, как один из способов его почитания.

– Труд является неперемнным условием полноты человеческой жизни.

– Молитвенный труд ставится выше физического.

– Не допускается деятельность, направленная на пропаганду порока и греха.

– Принципы православной трудовой этики обусловлены ориентацией на исполнение Евангельских заповедей.

Итак, в своих основных положениях философско–педагогическое и христианское обоснование труда имеет общее основание, при этом главное отличие христианского положения в том, что человек не просто должен работать на благо общества, а во имя любви к ближнему и Богу.

Литература

1. Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии. – Т. 2. – М., 1999.

2. Головащенко С. И. Трудовая этика в оценке основных христианских вероисповеданий: прошлое и настоящее [Электронный ресурс] // URL: <http://reset.iva-novo.ac.ru/courses/6-lectures/27-etika> (дата обращения: 11.05.2019); Коваль Т. Б. Православная этика труда [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article-/n/pravoslavnaia-etika-truda> (дата обращения: 25.05.2019); Коваль. Э. Этика труда православия [Электронный ресурс] // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/441/-176/1217/006_KOVAL.pdf (дата обращения: 15.05.2019); Могилевская Г.И., Разумова Э. М. Православие и трудовая этика // Молодой ученый. – № 11. – 2012.; Фиолетов Н. Н. Очерки христианской апологетики [Электронный ресурс] // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/ocherki-hristianskoj-apologetiki/> (дата обращения: 12.03.-2019); Шарапов С., Улыбышева М. Православная этика хозяйствования [Электронный ресурс] // URL: <https://azbyka.ru/audio/bednost-i-bogatstvo.html> (дата обращения: 11.04.2019).

3. Дорофеева Т. Г. Русская православная церковь и духовно–нравственное воспитание // Философия образования в отечественной

культурно–исторической традиции: история и современность. Сборник статей III Всероссийской научно–практической конференции. – 2017. – С. 34–39

4. Дорофеева Т. Г. Семья и труд в жизни человека: философско–теологические аспекты. Монография. ФГБОУ ВО Пензенский ГАУ. – Пенза.2018. – 184 с.

5. Мавлюдов и.Н. и др. Исторические и философские перипетии XX века: монография / под ред. д–ра филос. наук, профессора О. С. Пугачева. – Пенза: РИО ПГАУ, 2018 – 196 с.

6. Россия и мировое сообщество: актуальные проблемы современности. –*Пенза: РИО ПГАУ, 2017.*

7. Святейший Патриарх Кирилл о преемстве, труде и трудовой этике: «Каждый несет ответственность» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravmir.ru/svyatejshij-patri-arx-kirill-o-preemstve-trude-i-trudovoj-etike-kazhdyj-neset-otvetstvennost/> (дата обращения: 17.05.2019).

8. Солодова Г. С. Представления христианства о социальном неравенстве и труде [Электронный ресурс] // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0291/analit04.php>. (дата обращения 23.03.2019).

9. Этика труда православия [Электронный ресурс] // URL: <https://lektcii.org/1-9945.html> (дата обращения: 14.03.2019).

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ПРОТОИЕРЕЯ ВАСИЛИЯ ЗЕНЬКОВСКОГО
И ОПЫТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ
НЕГАТИВНЫМ ПЕДАГОГИЧЕСКИМ КОНЦЕПЦИЯМ**

С. А. Колесников

доктор филологических наук, проректор по научной работе
Белгородской православной духовной семинарии
Белгородская православная духовная семинария,
Белгородский юридический институт МВД России
Белгород, Россия

В статье рассматривается педагогическая система протоиерея Василия Зеньковского и аспекты противостояния тем направлениям в педагогике, которые предлагали атеистические «рецепты» воспитания молодёжи. Чрезмерное идеологическое воздействие на процесс воспитания, считал протоиерей Василий Зеньковский, оказывает негативное влияние на педагогический результат. В рассуждениях о В. Зеньковского пророчески поднимается одна из острейших педагогических проблем современности, которая в первой половине XX века ещё только начинает актуализироваться, – проблема исчезновения детства. Если не выработать педагогических технологии по «реанимации» детства, прежде всего его духовной составляющей, то из неизбежной катастрофичности детства, из перманентного кризиса детства возможны принципиально деструктивные выводы: катастрофичность начала жизни неминуемо влечёт катастрофичность всего бытия. Воля Божья как важнейший вектор жизненного, и в том числе и педагогического, процесса оказывается в основании православной педагогики протоиерея. Но гораздо более важным для Зеньковского, как и в целом для православной педагогики, являлись позитивные методы решения проблем; не только определение границ зла, но и стратегий преодоления этого зла. И в этих стратегиях одно из доминирующих мест занимает проблема свободы. При этом понимание свободы для Зеньковского тесно соединяется с метафизическим видением мира. Обозначенные принципиальные моменты педагогической концепции протоиерея Василия Зеньковского позволяют сформировать эффективный потенциал противодействия отрицательным явлениям в педагогической сфере.

Ключевые слова: православная педагогика, протоиерей Василий Зеньковский, духовно-нравственное воспитание.

ARCHPRIEST VASILY ZENKOVSKY'S PEDAGOGICAL CONCEPT AND THE EXPERIENCE OF OPPOSING NEGATIVE PEDAGOGICAL CONCEPTS

Sergey Kolesnikov

Belgorod Orthodox Theological Seminary,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Belgorod, Russia

The article deals with Archpriest Vasily Zenkovsky's pedagogical system and the aspects of confrontation with those trends in pedagogy, which offered atheistic "recipes" of youth education. Archpriest Vasily Zenkovsky believed that excessive ideological influence on the process of upbringing has a negative impact on the pedagogical result. Father V. Zenkovsky prophetically raises one of the most acute pedagogical problems of our time, which came to light just in the first half of the twentieth century, i.e. the problem of the disappearance of childhood. If we do not develop pedagogical technologies for the "resuscitation" of childhood, primarily its spiritual component, some fundamentally destructive consequences of the inescapable catastrophe of childhood, of the permanent crisis of childhood become possible: the catastrophic nature of the beginning of life inevitably leads to the catastrophic nature of all existence. The will of God as the most important vector of the life process, including the pedagogical one, is at the heart of the archpriest's Orthodox pedagogy. But positive methods of solving problems were much more important for Zenkovsky, as well as for Orthodox pedagogy as a whole, i.e. not only defining the boundaries of the evil, but also strategies to overcome it. And the problem of freedom occupies one of the dominant places in these strategies. At the same time, Zenkovsky's understanding of freedom is closely linked to his metaphysical vision of the world. The above mentioned principal moments of Archpriest Vasily Zenkovsky's pedagogical concept allow to form an effective potential for counteracting negative phenomena in the pedagogical sphere.

Keywords: Orthodox pedagogy, archpriest Vasily Zenkovsky, spiritual and moral education.

Протоиерей Василий Зеньковский оставил значительное педагогическое наследие, позволяющее выстроить целостную систему духовно-воспитательного воздействия на подрастающее поколение. И одним из важнейших направлений наследия талантливого православного педагога является противостояние определённым идеолого-педагогическим концепциям, вносящим искажённое представление о детстве и роли педагога.

Негативная реакция протоиерея Василия Зеньковского была вызвана тем перегибом идеологизма в области педагогики, который представлен в первой половине XX в. как в дореволюционной, так и в советской педагогике. Попытки подчинить, принудить детство соответствовать идеологическим установкам, утрата чуткости по отношению к детству, оскудение педагогической интуиции неминуемо ведут к росту доли утопичности в практической педагогике. Примерами педагогических утопий для о. В. Зеньковского являлись вышеупомянутые педагогика Л. Толстого, «американца Г. Ко», «утопично-сектантской» ему виделась советская педагогика [см. 1, с. 10]. При этом он считал, что «основная причина современного педагогического кризиса в том и заключается, что педагогическая мысль оторвалась от христианской антропологии, что вслед за другими сферами культуры педагогика стала на путь секуляризации» [1, с. 8]. Заключение ребенка в «кокон» секуляризованной рационализации означает ампутацию наиболее важных центров для будущего развития человека, и напротив, открытость религиозности метафизическим горизонтам способствует динамике развития, ведь «религиозная жизнь сочетает нас с Богом, с Бесконечностью и наполняет всё наше тварное бытие этим устремлением к Ней – и именно это мы имеем в юности» [1, с. 194].

Опасности для ребёнка, провоцируемые крайностями педагогических технологий, весьма серьезны, ведь искорёженное детство обуславливает деформацию взрослого сознания, или, как настаивает о. В. Зеньковский, «современная психопатология, а за ней и современная криминология побуждают переносить именно на детство возникновение тех внутренних диссонансов, тех сил саморазрушения, вкуса к извращениям (конечно, не в одной лишь сфере пола), тех надломов, которые изнутри губят душу» [1, с. 42]. Лишение ребенка религиозности, а «в раннем детстве безрелигиозность может быть только искусственной или насильственной» [1, с. 363], отнимает у ребенка этот основной признак полноценного детства.

В рассуждениях о. В. Зеньковского пророчески поднимается одна из острейших педагогических проблем современности, которая в первой половине XX века ещё только начинает актуализироваться, – проблема исчезновения детства. Стратегия уничтожения детства как культурного феномена, выведение детства за рамки культурного опыта была представлена в указанный период достаточно широко. Этот процесс, столь рельефно обозначенный в современном мире, имеет истоки в эпоху «рубежа веков», о чём и предупреждал о. В. Зеньковский.

Если не выработать педагогических технологий по «реанимации» детства, прежде всего его духовной составляющей, то из неизбежной катастрофичности детства, из перманентного кризиса детства возможны принципиально деструктивные выводы: катастрофичность начала жизни неминуемо влечёт катастрофичность всего бытия. Метафизическая катастрофичность, утверждаемая на примере детства, призвана разрушить «проекты развития личностных потенциалов ребёнка»: самобытие, самосознание, самоутверждение, саморазвитие, самоорганизация и т. д. Формирование установки на обречённость любого детского начинания в каждом культурном и экзистенциальном сегменте, закономерно неэффективное функционирование ребёнка в любых срезах социума – концепты деструктивных стратегий, направленных на искажение традиционных представлений о детстве.

В этом направлении и работает безрелигиозная педагогика, ведь удаление религиозности из детства как раз оказывалось одним из деструктивных механизмов, работающих на разрушение полноценного детства. Подобная педагогика деструктивной деформации детства граничит с педагогикой растления, о которой говорил В. В. Медушевский: «Основной её (педагогике растления) методический приём состоит в замазывании различий между добром и злом, в сплющивании до неразличимости, до нуля духовной вертикали, простирающейся от богоподобия до звероподобия» [2, с. 33]. Именно эта анти-педагогическая позиция и вызывает наибольшую критику со стороны о. В. Зеньковского.

Конечно, он не идеализирует и религиозную педагогику, стремится дать объективную оценку её возможностям и средствам. И причиной не всегда успешных результатов религиозной педагогики является, прежде всего, глубинная, первородная греховность. Несколько тёмный смысл данной фразы пытается прикоснуться к сути этой весьма непростой проблемы: «Каждый из нас укоренён мистически в соборности всего человечества и мира – и это внеличное в нас не может быть очищено крещением потому просто, что оно существен-

но едино для всего мира: софийное в человеке, доипостасное не может быть освящено тем, что освящает именно полюс личности в нас» [1, с. 197]. По мнению о. В. Зеньковского, полное достижение идеала в воспитательном процессе, пусть этот процесс и будет духовно-ориентированным, всегда несёт на себе определённую относительность, незавершённость, как не может быть воплощён полностью в рамках земной жизни идеал обожения.

В проблеме достижения идеальных целей в православной педагогике есть и ещё один важный аспект противопоставленности чувства и интеллектуальности, которая в изображении о. В. Зеньковского выглядит так: «Быть может, существует даже известный контраст между преимущественным развитием ума или чувства в религиозной сфере, благодаря чему те, кто много говорят или пишут о религии (богословы), часто бывают лишены непосредственного религиозного чувства – и, наоборот, мистики, все те, в ком развитие религиозного чувства достигает высокого напряжения, не любят говорить о своих переживаниях» [3, с. 200]. Излишняя рационализация или эмоциональность любой из сфер теологического мировидения, в том числе и педагогической, влечёт за собой ситуацию, когда «душа детская может оказаться безмолвной и закрытой, хотя бы с нашей стороны было сделано «всё», чтобы вызвать религиозный подъем в детской душе» [1, с. 219]. Хотелось бы сделать акцент этих кавычек, в которые взято слово «всё»: относительность любого педагогического усилия, пусть даже самого мощного, технологически апробированного и даже самого искреннего, всё равно оказывается в формате кавычек, т. к. глубины детской души оказываются на каком-то уровне закрытыми от рационалистического воздействия.

И, тем не менее, убеждён о. В. Зеньковский, «детское сердце вовсе не является религиозно тусклым, – наоборот, оно носит в себе живое чувство Бога, но мы не умеем играть на этом дивном инструменте – на детском сердце, не умеем извлекать из него гимн Божеству, который бессознательно поёт дитя в глубине своей чистой души». Причина этой педагогической ограниченности видится ему в том, что «высокая религиозная настроенность детской души имеет вокруг себя такую холодную религиозную атмосферу нашего времени, такое религиозное одичание, что не должно удивляться тому, что этот источник высшей духовной жизни часто засоряется» [3, с. 203]. Самым главным выводом о. В. Зеньковского о возможностях педагогического воздействия на детскую духовность может стать высказывание из статьи «О религиозном воспитании в семье»: «Духовная жизнь в её сво-

еобразном ритме, в её часто непонятном, порой капризном развитии не зависит от нас. Мы можем подавить, заглушить, отодвинуть вглубь то, что зреет в глубине души у детей или подростков, но положительная и творческая задача религиозного воспитания не находится в прямой зависимости от нас» [1, с. 254]. **Воля Божья как важнейший вектор** жизненного, и в том числе и педагогического, процесса оказывается в основании православной педагогики о. В. Зеньковского.

На пути становления этой педагогики обнаруживается немало и иных опасностей, о которых не было упомянуто. Это может быть и излишняя эстетизация педагогического процесса, ведь «тёмное начало в сердце нашем не высветляется в эстетическом восторге, а, напротив, находит в нём своё питание» [1, с. 227], в мелкомасштабности духовно-педагогических задач («главная причина религиозного оскудения – и индивидуального, и исторического – лежит как раз в пленённости души маленькими и мелкими задачами, господство которых вовсе не есть реализм, а есть близорукое погружение в мелочи») и многое другое.

Но гораздо более важным для о. В. Зеньковского, как и в целом для православной педагогики, являлись позитивные методы решения проблем; не только определение границ зла, но стратегий преодоления этого зла. И в этих стратегиях одно из доминирующих мест занимает проблема свободы.

При этом понимание свободы – во всей её многообразной конкретике – для о. В. Зеньковского тесно соединяется с метафизическим видением мира. «Величайшей загадкой, – писал он, – и в то же время важнейшей темой для воспитания является начало свободы в человеке. Это начало свободы таинственно и глубоко – тут действительно дело идет о центральной “тайне” (*mysterium libertatis*) в человеке. В сознании этого современное воспитание хочет быть свободным, хочет идти навстречу свободе ребенка» [1, с. 43]. Подобное сложное диалектико-метафизическое понимание свободы – свободной педагогики и свободы детской, а в целом человеческой, души – определяет всю педагогическую позицию православного богослова.

Евангельское «призывание к свободе» (Галат. 5: 13) становится главным импульсом к формированию теопедагогики, к возникновению той самой ситуации, о которой апостол Павел говорил, что «где Дух Господень, там и свобода» (II Кор. 2: 17). Среди работ о. В. Зеньковского есть статья, носящая весьма значимое название – «Свобода и соборность». В рамках проблемы «свобода и воспитание» её автор акцентирует внимание на особой роли свободы в детском сознании: «В

воспитании дело идёт об «освобождении», т. е. о восхождении к свободе. Однако это утверждение не следует понимать так, что свобода в ребёнке лишь потенциальна: она есть и в детской душе, но только она глубже сознания, в силу чего она имеет иной смысл, чем свобода в зрелой душе» [1, с. 45]. Эта уникальность детской свободы и свободы взрослого позволяет перевести педагогические рассуждения о В. Зеньковского на совершенно новый – метафизический – уровень. Он настаивает: «В споре между трансцендентализмом и религиозным реализмом ... замешана человеческая свобода» [1, с. 45]. Именно свобода становится тем центром, вокруг которого формируются основные сферы человеческого сознания, а потому свобода и есть основной фактор полноценного развития детской личности.

При этом очень важно понять, отмечает о. В. Зеньковский, что «охрана свободы в развитии ребёнка вовсе не противоречит религиозному основанию педагогики, а наоборот, только в нём и получает надлежащий смысл» [1, с. 20]. Сама постановка проблемы свободы для религиозной педагогики является принципиальной: в светской – тем более, в советской! – педагогике ограничение свободы ребёнка обусловлено теми или иными идеологическими конструктами, и только для религиозной педагогики свобода и освобождённость ребенка становится безусловным принципом.

Для религиозной педагогики необходимо «уважение к детской индивидуальности, признание права ребенка на то, чтобы идти “своим” путём – иметь свои вкусы и интересы, сознание того, что внутренняя динамика души противится всякому принуждению» [1, с. 43]. В основе данного педагогического принципа лежит фундаментальная христианская, точнее первохристианская, теория «двух путей» – путей добра и зла, света и тьмы, свободы и не-свободы...

Литература

1. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – Клин: Христианская жизнь, 2002.
2. Медушевский В. В. Христианизация светского образования // Русская школа. – М.: Русская мысль, 1996. – С. 28–42.
3. Зеньковский В. В., проф. Психология детства. – Лейпциг: Сотрудник, 1924.

**ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. А. СУХОМЛИНСКОГО
В ХРИСТИАНСКОМ ПРОЧТЕНИИ:
ЭТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Е.В. Кротов

Оренбургская духовная семинария
Оренбург, Россия

В статье представлен анализ новаторских идей одного из ярчайших представителей отечественной гуманистической педагогики В. А. Сухомлинского с позиции этико-культурологического подхода. Гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, свободного развития личности – одни из ведущих принципов образовательной политики, провозглашённых Законом Российской Федерации «Об образовании». Современные концепции и программы развития образования обозначают новые подходы, среди которых особое место занимают гуманитарно-антропологический и этико-культурологический. В рамках первого из них провозглашается идея потребности человека в восхождении к полноте собственной реальности. В рамках второго – потребность и необходимость обладания этическими компетенциями, обеспечивающими системно-целостное видение мира во многообразии культур. Наследие советского педагога-новатора В. А. Сухомлинского обладает достаточным потенциалом для внедрения некоторых его идей на различных уровнях современного образовательного процесса.

Ключевые слова: *В. А. Сухомлинский, духовно-нравственное воспитание, образование, образовательный процесс, нравственность, духовность, этико-культурологический подход, этика.*

V. SUKHOMLINSKY'S PEDAGOGICAL HERITAGE IN CHRISTIAN INTERPRETATION: THE ETHICAL AND CULTURAL APPROACH

Evgeny Krotov
Orenburg Theological Seminary
Orenburg, Russia

The article presents an analysis of innovative ideas of V. Sukhomlinsky, one of the brightest representatives of the national humanistic pedagogy, from the point of view of the ethical and cultural approach. The humanistic nature of education, the priority of universal values and the free development of personality are among the leading principles of educational policy proclaimed by the Law of the Russian Federation "On Education". Modern concepts and programs of education development mean new approaches, among which humanitarian and anthropological as well as ethical and cultural take a special place. The former proclaims the idea of the human need for ascending to the fullness of one's own reality. Within the framework of the latter, there is a need and necessity of possessing ethical competences, which provide a systemic vision of the world in the diversity of cultures. The legacy of the Soviet educator and innovator V. Sukhomlinsky has a sufficient potential to implement some of his ideas at different levels of the modern educational process.

Keywords: *V. Sukhomlinsky, spiritual and moral upbringing, education, educational process, morality, spirituality, ethical and cultural approach, ethics.*

Воспитание личности, её духовное и нравственное формирование всегда являлось одной из задач образования в России. Это относится и к христианской педагогике дореволюционных эпох, и к советской эпохе, имеет это отношение и к современности. Русскую школу интересовали вопросы творчества, методики развития интеллекта, но выделялась доминанта духовности как стержня образования [3, с. 64]. Конечно, нужно обозначить тот факт, что понимание духовности и идеалы нравственности для светского государства – предметы достаточно обтекаемые и непостоянные, но высшие идеалы так или иначе всегда имели своим эталоном приближение к образцам христианской святости.

Педагогика как способ трансляции молодому поколению мировоззрения призвана вести к идеалу, представленному в соответствующей религиозной системе культурно-бытовым компонентом и обрядовой практике народного бытия. Идеалу присущи аксиологические принципы и установки, отражённые в культуре этноса. Литературные образы, поучения, притчи, сказки, образы живописи, декоративно-прикладного и монументального искусства, архитектура и многое другое – так или иначе, всё это фиксирует, отражает и воспроизводит господствующий религиозный идеал [6, с. 39–40].

Современная система образования по многим причинам призвана быть источником духовности. Ведь согласно В. И. Вернадскому, «когда дух отлетает от науки, а душа от образования, школа перестаёт быть частью культуры» [13, с. 27].

С сожалением можно отметить, что современное образование на данном этапе не способно решить задачу формирования целостного мировоззрения, поскольку стратифицированное общество его не имеет. История педагогики усматривает исторические и религиозно-философские причины этого явления задолго до начала перестройки в СССР. Так, с XIX века начинаются дискуссии, продолжающиеся до сегодняшнего дня. Конфликт двух идеалов в душе народа был отражён и в педагогическом пространстве отечественной науки: идеал языческого земного «рая» и идеал Христа. Каждому из этих идеалов присуща своя система ценностей, каждый порождает свою нравственность, систему аксиологических координат, взгляд на человека, на цели и методы его воспитания и образования [6, с. 40].

После распада СССР и возникновения кризисных явлений как в политической, идеологической, культурной, так и в других сферах жизни российского социума нестабильность коснулась и системы образования на различных его уровнях [1, с. 143].

Сформулированная в советское время стратегическая цель образования – «всесторонне развитая гармоничная личность» – антропологический идеал, после отмены которого педагогическое сообщество было лишено сверхзадач обучения и воспитания, что повлекло ряд неблагоприятных последствий, таких, как:

из сферы стратегически важной образование превратилось в технический социальный довесок;

образование трансформировалось в сферу услуг (потребления) из разряда блага и служения;

образование как часть сферы услуг способно лишь на воспитание потребителей (что было прямо провозглашено);

школьный учитель и вузовский профессор примерили на себя роль педагогического официанта, предоставляющего педагогические услуги, что уронило престиж педагогической профессии и привело к разрушению системы педагогического образования [8, с. 109–110].

Осознавая все вышеперечисленные явления, мы признаём, что перед современной системой образования стоит цель не только сформировать конкурентоспособную личность на рынке труда, но и воспитать патриота своего Отечества, грамотного и самостоятельного человека, способного принимать решения и реагировать на вызовы современности, руководствуясь приоритетом традиционных ценностей установок. И эта цель являет собой залог существования и развития государственности.

Одним из путей выхода из нынешнего кризиса, полагают многие, может стать поворот в сторону гуманизации образования. Выход в большей многоаспектности образовательной практики, её гармонично сбалансированном воздействии на «ум и чувства», на рационально-логические и эмоционально-чувственные начала в психике обучающегося. Однако этот призыв будет носить сугубо декларативный, лозунговый характер, пока дисциплины культурологического и художественно-эстетического цикла не займут достойного места в целостной структуре учебно-воспитательной работы, проводящейся в российской школе [1, с. 140]. Успешная личность, ориентированная на инновационную деятельность, способная к интеллектуальному и духовному самосовершенствованию и саморазвитию в условиях духовной безопасности образовательного пространства, – насущная потребность современной российской действительности. Преобразование ценностей постиндустриального образования в сторону приоритета духовно-этических – потребность современного общества [7, с. 79].

На пути к «человеку воспитанному», моральному субъекту стремительно развивающегося общества, зачастую абстрактное для понимания «духовно-нравственное воспитание» имеет достаточно определённые этические контуры, некое образование, основанное на новых технологиях и работающее в новых образовательных формах. Современное духовно-нравственное образование и воспитание с позиций обозначаемого нами этико-культурологического подхода, имеет следующие цели:

развитие последовательных, критических и рефлексивных методов принятия этических решений;

возрастающая осведомлённость об этических дилеммах в своей собственной практике и практике других;

внедрение лучших разработок в свою профессиональную сферу [7, с. 78–79].

Обращение к педагогическому опыту прежних эпох, его анализ и переосмысление с точки зрения возможности применения в условиях современных социокультурных реалий – уместный вариант развития системы российского образования. Опыт предшествующих эпох – своеобразный гарант педагогической практики, условие устойчивости и жизнеспособности образовательных систем, образец «здорового консерватизма» в периоды общественной нестабильности [2, с. 25].

В рамках рассматриваемого нами этико-культурологического подхода в образовании представляет практическую и теоретическую значимость творчество советского педагога-новатора Василия Александровича Сухомлинского (1918–1970). Педагог был одним из самых читаемых и влиятельных педагогов в 1950–1960-х годах XX века. Приобрёл известность и признательность за рубежом уже после смерти, когда мировому педагогическому сообществу стали доступны публикации его трудов. Очень известен на постсоветском пространстве и в Китае, где в 1980-е и 1990-е годы была опубликована большая часть его работ [16]. Несмотря на коммунистические и атеистические взгляды, его наследие представляет интерес и для православной педагогики. В. А. Сухомлинского порой называют столпом русского образования, социально-нравственного воспитания молодежи, он был и одним из лучших отечественных педагогов XX столетия, создавших уникальный педагогический опыт, успешно реализовавших свою педагогическую концепцию, блистательно описавших её в книгах и статьях, известных по всему миру [2].

Павлышский новатор – автор более 50-ти книг, нескольких сотен журнальных и газетных статей, свыше тысячи художественных миниатюр, рассказов и сказок для детей. Высокая результативность Павлышской школы, которую В. А. Сухомлинский возглавлял на протяжении двух с лишним десятилетий, обусловлена тем, что педагогу удалось воедино соединить поэтико-народную идею и научные её основы [15, с. 147].

Начало XX века под знаменем создания новой государственной нерелигиозной морали нового светского государства породило поиск педагогических концепций воспитания подрастающего поколения. Построенная на принципе гуманизма светская мораль требовала от педагогических работников вести высоконравственный образ жизни и де-

монстрировать личным примером образец гражданина своего отечества. В. А. Сухомлинский считал, что педагог должен включать своего воспитанника в мир своей интеллектуальной жизни. Нравственное и духовное совершенствование – это дело всей жизни и важно осознать необходимость уже сегодня, сейчас, в этот самый момент нужно начать огромную работу над собой, которую предстоит совершать всю жизнь. Педагог, воспитывая в ребенке зрелость этой мысли, призван научить воспитанника созерцанию, восприятию духовных богатств, осознанию причастности величию человеческого усердия и труда.

Привязанность к Родине, долг перед Отечеством – чувства, по мнению В. А. Сухомлинского, являющиеся одними из ведущих в деле воспитания. Формирование четкой и убежденной гражданской позиции – одна из главных задач воспитания. Учитывая возрастные особенности детей, необходимо подавать материал в доступном для ребёнка виде. Основы патриотизма закладываются через любовь к родному краю. Педагогу следует уделять большое внимание воспитанию ценностного отношения к малой родине. Краеведение занимает большое место в педагогическом творчестве В. А. Сухомлинского. Совместные походы в музей, походы, прогулки позволяют сформировать у ребенка чувство привязанности к родному краю, привить ценностное отношение к истории, традициям, культуре своего региона, развить жажду к знаниям об окружающем мире [9, с. 179–180].

Основанное на заботе о совершенствовании каждой грани ребенка, укрепление внутренних позиций личности маленького гражданина поступать согласно совести, воспитание нравственных качеств личности должно учитываться педагогом в связи с тем обстоятельством, что гармоничное развитие подрастающего человека определяется чем-то основополагающим. Определяющим в этой гармонии компонентом является нравственность [9].

В школе села Павлыш, возглавляемой В. А. Сухомлинским, в вопросах воспитания не было торопливости. Например, в начальных классах детям было разрешено приносить на уроки любимые игрушки. В школе воспитывали детей, а не ломали их привычки. Педагог следовал совету гуманиста Ж.-Ж. Руссо: «Дайте детству созреть в детях».

По мнению исследователей творчества В. А. Сухомлинского, педагог-новатор дополнил характеристику понятия «воспитуемость» и обозначил условия ее формирования:

жизнерадостное восприятие ребенком мира, оберегаемое счастье и радость;

утончённая культура чувствования и высокоразвитая способность видеть человека, сопереживать ему, чувствовать тревоги, радость, заботиться о других;

вера в человека;

красота мира и человеческих отношений, красота человеческого духа: «человек не может стать воспитуемым, если в детстве не восторгался красотой духа человеческого» [15, с. 149].

М. И. Мухин определяет гуманистическую направленность педагогической системы павлышского учителя, выделяя следующие её составляющие:

«Воспитание всесторонне развитой личности» – стратегическая цель и основание, на котором строится воспитательный процесс;

синтез опыта народной педагогики, традиций и обычаев народа и научных методов, обеспечивающих педагогическую технологию работы сельской школы культурно-историческим фоном единства человека со своим народом;

теоретическое обоснование и содержательное наполнение принципа «Единство обучения и воспитания»;

организация и оригинальное содержание тесного взаимодействия школы и семьи и др. [4].

Всесторонне развитый человек, по Сухомлинскому, – это «гражданин патриот» своего Отечества, «мужественный защитник родной земли», «честный, умелый, влюблённый в своё дело труженик», «коллективист», «культурная личность», «верный отец и муж», «любящая мать и жена» [12, с. 97].

В структуре воспитания всесторонне развитой личности системообразующим компонентом выступает нравственность. Воспитание нравственное должно производиться очень осторожно. По мнению педагога, нравственное воспитание может быть эффективным лишь в случае восприимчивости ребёнка к мерам, которые применяют взрослые. Ощущение радости и счастья – это условия того, что ребенок может стать воспитуемым. Только в этом состоянии он может увидеть и понять нравственную красоту.

Следующим этапом в деле нравственного воспитания является научение его быть отзывчивым, чтобы самостоятельно совершать добрые дела по отношению к другим людям. Научиться этому можно, если есть яркие примеры – это и есть задача педагога и родителей. Дети должны получать новую информацию с глубинным содержанием.

Труд и трудовое воспитание играют важную роль в развитии личности. Труд способствует выражению себя, проявлению духовной сущности. В отношении к труду человек видит себя как в зеркале, способен утвердиться в труде через свои силы, дарования и способности. Очень важно полюбить труд с ранних лет. В семье дети могут помогать в приготовлении пищи, уборке. Важно, чтобы они воспринимали необходимость труда как усилия, которые нужно приложить для пользы семьи, школы, друзей и так далее.

Ощущение красоты окружающего мира, восприятие слова, различных видов искусства, музыки определяют состояние нравственной зрелости.

С. Л. Соловейчик пишет, что в Павлыше учат чувствовать красоту. Сначала – красоту природы, затем – искусства, и, наконец, воспитанников научают пониманию высшей красоты – красоты человека, его труда, поступков и жизни [10].

В. А. Сухомлинский теоретически обосновал и содержательно обогатил принцип «Единство обучения и воспитания», дал блестящую общую трактовку соотношения понятий «обучение» и «воспитание»: «Учение – это лишь один из лепестков того цветка, который называется воспитанием в широком смысле этого понятия. В воспитании нет главного и второстепенного, как нет главного лепестка среди многих лепестков, создающих красоту цветка. В воспитании всё главное – и урок, и развитие разносторонних интересов детей вне урока, и взаимоотношения воспитанников в коллективе» [11, с. 13–14].

Взаимодействие школы и семьи в деле воспитания и развития детей – залог результативности нравственного совершенствования личности. В. А. Сухомлинским создана «практическая методика совместной работы педагогического коллектива и родителей», стержнем которой явилась Родительская школа, или Педагогическая школа для родителей. Цель такой школы – повышение уровня педагогической культуры родителей. Посещать школу родители начинали за три года до того, как их ребёнок должен был пойти в школу, и заканчивали после окончания их ребёнком обучения и получения аттестата зрелости. Периодичность занятий – два раза в неделю. Кроме вопросов умственного, физического, эстетического и нравственного воспитания, большое влияние уделялось возрастной психологии и психологии личности.

Алгоритм взаимодействия с родителями учеников описан в книге В. А. Сухомлинского «Сердце отдаю детям». Каждая семья – отдельный коллектив, но, несмотря на это, родители и учителя призва-

ны быть единым коллективом в организации воспитательного процесса. Главный из плюсов совместной работы учителей и родителей заключается в том, что дети находятся под присмотром, успехами ребёнка интересуются дома и в школе, родители и учителя поддерживают его, помогают преодолевать трудности, решать проблемы.

Личный пример родителей – серьёзная воспитательная сила. Семья даёт пример отношения молодого гражданина к окружающей действительности. Нравоучения и нотации оказывают чаще всего негативное воздействие, вызывая у ребёнка агрессию, чувство страха и отвращения. Авторитет семьи, отца, матери, дедушек и бабушек – залог формирования здорового общества.

Пристальное внимание В. А. Сухомлинский уделяет личности учителя. Педагог подчеркивает, что специфика педагогического труда такова, что не каждому дано быть «инженером» человеческой души [15, с. 149–150]. Главными качествами учителя являются не только высокий уровень профессиональной подготовки, но и любовь, уважение, доброта, доверие и чуткость, бережное отношение к ребёнку и вера в возможность успешного развития и воспитания каждого ребёнка, доброе начало в нём. Образование, воспитание и развитие подрастающего поколения – функции, возложенные на учителей и родителей.

«Что самое главное было в моей жизни? Без раздумий отвечаю: «Любовь к детям», – так писал В. А. Сухомлинский в книге «Сердце отдаю детям». Педагог-новатор признавал педагогику высшим мастерством, основанным не только на теории, использовании закономерностей процесса воспитания, но и требующим также проявления индивидуальности педагога, воспитателя, его инициативы, находчивости, вдохновения, изобретательности. Его педагогическая система обогатила науку новаторским взглядом, положениями и идеями, вклад её в теорию и практику образования и воспитания неоспорим [5].

Многие положения новатора педагогическая общественность разобрала на цитаты, каждая из которых проверена временем:

Самое важное и самое трудное для человека – всегда, во всех обстоятельствах оставаться человеком;

Умей чувствовать рядом с собой человека, умей читать его душу

Воспитывает каждая минута жизни и каждый уголок земли, каждый человек, с которым формирующаяся личность соприкасается подчас как бы случайно, мимоходом;

Тот, кто не знает границ своим желанием, никогда не станет хорошим гражданином;

Учитель лишь тогда становится воспитателем, когда в его руках тончайший инструмент воспитания – наука о нравственности, этика;

Самой главной чертой педагогической культуры должно быть чувство духовного мира каждого ребенка;

Самовоспитание – это не что-то вспомогательное в воспитании, а его фундамент. Никто не сможет воспитать человека, если он сам себя не воспитывает [15, с. 146].

В одном из последних напутствий выпускникам Павлышской школы, вступающим в жизнь, В. А. Сухомлинский писал: «Человеческой силе духа нет предела. Нет трудностей и лишений, которых бы не мог одолеть человек. Не молчаливо перетерпеть, перестрадать, но одолеть, выйти победителем, стать сильнее. Больше всего бойтесь минуты, когда трудность покажется вам непреодолимой, когда появится мысль отступить, пойти по лёгкому пути» [15, с. 151].

По сути своей наследие В. А. Сухомлинского пропитано нравственными идеалами и ценностями, соответствующими идеалам христианской нравственности (любовь и уважение к ближнему, забота и сострадание к слабому и немощному, радость труда во благо другого и т. п.), и многие из его трудов могут быть полезны в современных условиях. Только лишь стоит преобразить идеи педагога, добавив к ним христианское понимание существования смысла жизни, условием которого является Бытие Бога и бессмертие человеческой души [14, с. 15].

Литература

1. Аврамкова И. С. К вопросу о кризисе образования в современной России // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб. – N 139. – С. 142–152.

2. Булатников И. Е. Этизация образования в концепции В. А. Сухомлинского: современное прочтение наследия великого педагога-гуманиста // Известия ВГПУ. – №2 (261). – 2013. – С. 24–34.

3. Лифинцева С. Н. Духовность современной личности и пути ее формирования // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2014. – № 2 (2). – С. 64–68.

4. Мухин М.И. Педагогическая система В. А. Сухомлинского: традиции и новаторство. – Соликамск: Изд-во СГПИ, 1999. – 388 с.

5. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям [Электронный ресурс] // URL: <https://infourok.ru/esse-suhomlinskiy-va-serdce-otdayu-detyam-1238594.html>. (дата обращения: 22.08.2019 г.)

6. Рыбаков С. Ю. Мировоззренческий кризис в системе образования в эпоху либерализма (вторая половина XIX – начало XX в.) // Мир образования – образование в мире. – № 2. – 2011. – С. 42.

7. Скрыбина Н. Ю. Гуманистический образовательный процесс с позиций этико-культурологического подхода в педагогике // Культура. Наука. Интеграция. – 2013. – № 4 (24). – С. 75–80.

8. Слободчиков В. И. Системный кризис образования как угроза национальной безопасности России // Свободная мысль. – 2017. – № 3 (1663). – С. 109–122.

9. Смолонский С. И. Духовно-нравственное воспитание в педагогическом наследии В. А. Сухомлинского // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19 – С. 179–181.

10. Сухомлинский В. А. Книга о совести. Часть 1.: Красота – радость жизни. Человек – это сила духа. – Симферополь: Издатель А. П. Выродов, 2003. – 112 с.

11. Сухомлинский В. А. Избр. произвед: В 5-ти т. / Редкол.: Дзеве́рин А. Г. (пред.) и др. – Киев: Рад школа, 1979 – Т. 3. – 1980. Сердце отдаю детям. Рождение гражданина. Письма к сыну. – 719 с.

12. Сухомлинский В. А. Избр. произвед: В 5-ти т. / Редкол.: Дзеве́рин А. Г. (пред.) и др. – Киев: Рад школа, 1979 – Т. 1. – 686 с.

13. Сухомлинский В. А. Современное прочтение: сб. ст. научно-практической конференции с международным участием. 2–3 октября 2018 г. / науч. ред.: О. В. Ковальчук, А. Е. Марон. – СПб.: ГАОУ ДПО «ЛОИРО», 2018. – 350 с.

14. Христианство и религии мира. – М.: Про-Пресс, 2000 – 224 с.

15. Ярова Т. В. Сухомлинский – архитектор школы будущего // Социально-гуманитарное знание как фактор модернизации государства и общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 26 февраля 2019 г.: в 2-х ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2019. – Часть I. – С. 145-151.

16. Cockerill Alan. Sukhomlinsky and Steiner: A Comparison. RoSE – Research on Steiner Education. – Vol.7 – No.1 2016. – ISSN 1891-6511. – p. 22-30.

**ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ЭККЛЕСИОЛОГИЯ, ОПЫТ И
ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ ДУШИ ПРАВОСЛАВНОГО
СВЯЩЕННИКА, УЧИТЕЛЯ И ПЕДАГОГА КАК ОСНОВА
ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Протопресвитер Георгий Марнеллос

доктор богословия, ректор и профессор Высшей духовной
академии Ираклиона, координатор Греко-Российского университета
Ассоциации Института греческого языка, православного богословия
и культуры
Агиос Николаос, Крит, Греция

*Перевод с греческого языка текста доклада почетного гостя II
Международной конференции «Христианская педагогика в современном
мире» протопресвитера Георгия Марнеллоса публикуется с минималь-
ными редакторскими правками с целью сохранения аутентичности.*

Ключевые слова: *экклесиология, душа, священник, педагог, обра-
зование.*

**EUCHARISTIC ECCLESIOLOGY, EXPERIENCE AND INNER
HARMONY OF THE ORTHODOX PRIEST'S, TEACHER'S
AND EDUCATOR'S SOULS AS THE BASIS FOR ORTHODOX
UPBRINGING AND EDUCATION IN THE ORTHODOX
CHURCH**

Protopresbyter George Marnellos

Heraklion University Ecclesiastical Academy
Agios Nikolaos, Crete, Greece

*Translation of the report by the Guest of Honor of the II International
Conference “Christian Pedagogy in Modern World””, Protopresbyter
George Marnellos, from Greek is published with minimal editorial changes
in order to maintain authenticity.*

Keywords: *ecclesiology, soul, priest, teacher, education.*

Уважаемый Митрополит Пензенский Серафим, Ректор этой Священной Богословской Школы в Пензе.

С большим удовольствием я получил ваше любезное приглашение приехать в прекрасный город Пенза и принять участие в качестве докладчика в созванной вами и вашими уважаемыми коллегами научной конференции, тема которой: «Христианская педагогика в современном мире». Я благодарю вас за большую честь, оказанную мне лично, что отражается и в Вашем отношении к тем учреждениям, которые я как профессор представляю: а) Духовной академии Крита и б) Межуниверситетскому институту языка, истории, православного богословия, культуры (Крит). Я также благодарю отца Вадима и руководителей Свято-Тихоновского гуманитарного университета за их тесное сотрудничество, участие и заботу о том, чтобы я мог находиться с вами сегодня в этом месте и участвовать в этом великом для православия и педагогической науки событии.

Дорогие отцы и братья, господа участники конференции,

Мы священники, во время Божественной литургии находимся у подножия Синая. Сами того не осознавая, мы бываем озарены, как Мотовилов, светом преображения и пламенем Пятидесятницы, поскольку имеем «благодать священства».

Хотя мы и недостойны, мы тем не менее должны предлагать идеал, указывать на нравственную необходимость, потому что для каждого из нас это является так же попыткой самопознания и самокритики, опытом «чтения» того «послания», которое «написано» «на скрижалях сердца плотяных» (Кор. 3, 3).

Говоря о том, что священство Христа превосходит иудаизм, апостол Павел, пишет: «Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом» (Евр. 8, 10).

Во всех верующих людях, в крещеных христианах, особенно в тех, кто имеет дар священства, рождается не только «свет знания» и душевный покой, но и «евхаристический опыт», который, будучи плодом Духа, может стать для каждого из нас, кто приближается к священному алтарю, своего рода «внутренней производящей силой», которая будет формировать пространство нашего пастырства и воспитания душ.

Особенно это касается нас, священников, служащих на приходах и посещающих школы и университеты в качестве учителей, препода-

вателей и педагогов: у нас есть благое право, часто в течение недели, в течение школьного периода, который начинается в России 1 сентября, в так называемый «День знаний», служить утром божественную литургию, а затем войти в класс, чтобы преподавать наши предметы ученикам или студентам.

Поскольку время нашего выступления ограничено, мы попытаемся коротко представить основную тему нашего доклада в различных аспектах:

1. Работа в школе как продолжение литургии и область распространения православной веры, литургического опыта как пространство уважения и понимания достоинства и смысла человеческого существования.

2. Краткое обращение к учению Преподобного Никодима Святогорца о «Человеке», тройственном делении души, – знание, помогающее достичь внутренней гармонии, и того, что современная психология называет «гомеостатическим равновесием души». Динамическое равновесие выражает стремление поддерживать личность на стабильном уровне психического благополучия, или, как сказал Claude Bernard, «La fixite du milieu est la condition de la vie libre».

3. Православный священник, являющийся одновременно учителем или преподавателем или педагогом, который старается достичь внутренней гармонии души, может научиться этому, следуя гармонии природы и эстетике Православной Церкви, то есть следуя порядку, красоте и гармонии, которые украшают литургическую жизнь, гимнографию, архитектуру монастырей и святых мест, музыку, иконографию и, особенно, он может научиться этому из житий Святых.

Для нас, священников, занимающихся преподавательской деятельностью, великим благословением и удивительным чудом является то, что происходит сознательно или неосознанно, в глубине нашей души до того, как мы войдем в класс (*classe scolaire*) и в процессе преподавания наших предметов. Думаю, в нашем внутреннем мире образуется некая «поляна», ясность духа и «очаг» света, часть которого мы призваны – и сама ситуация нас к этому побуждает – изливать на наших учеников и наше окружение: «свет разума» (Тропарь Рождества), радость, любовь, мир. Давайте трудиться как учителя «в обновлении духа, а не по ветхой букве» (Рим. 6, 4 и 7, 6).

Таким образом, священный алтарь для учителя-священника вместе со знаниями, которые он несет, служит прекрасным началом для передачи теоретических знаний детям и студентам, особенно, для пере-

дачи красоты, гармонии и стройности природы, и в то же время, в глубине их души, – для передачи литургического опыта: чувства присутствия Бога в мире, промысла, мудрости и Его любви к миру и человеку.

В своем недавнем исследовании по истории основания Духовной академии Крита, размышляя о нашей преподавательской работе в Академиях, я написал следующее. «Положение и работа ректорату-ученого Церковной Школы очень сложны. Однако, Церковная Школа должна предложить преподавателю-священнику так же великий дар: священный алтарь.

С этого места он должен начинать и заканчивать свой труд. Образовательная и просветительская работа Духовной Богословской школы, Школы церковной музыки и пения, Школы иконописи, Кафедры Христианской Педагогике и Кафедры миссионерства усиливается, обогащается и освещается Божественной литургией.

Деятельность в учебном заведении в рамках «пастырски окормляемого» сообщества, как, например, в Школах Церковного и Богословского Образования, подготавливающих священников и учителей слова и искусства (богословов, воспитателей детских садов, учителей, педагогов, катехизаторов, иеропсалтов, миссионеров, музыкантов, иконописцев), – это продолжение и пространство духовных и культурных благ, источником которых является божественная литургия. Иными словами, это образовательное воплощение принципа «литургия после литургии».

Большое благословение для учителя и преподавателя в священном сане осознавать постепенно, что он не просто начальник, учитель, педагог в области школьной жизни...» (Георгий Марнеллос, Новый Христианский Крит, часть 35, Ретимнон, 2017, с. 44-445).

И эта работа священника как учителя и педагога, конечно, является по своей природе очень важным. Священник и пастырь определенной общины, уча теоретическим и гуманистическим ценностям и знаниям, либо православному катехизису и православной жизни в школе или университете, в какой-то момент с течением времени осознает и нечто также очень важное, благодаря своей профессии учителя, относительно его роли в обучении детей и молодежи, а именно, он осознает, что кроме своего статуса преподавателя, он для детей, подростков и студентов одновременно является пастырем и духовным наставником, который пасет свою паству, воспитывает, ваяет. Как учитель, он дает знания, светскую мудрость, однако, как священник, он собирает, ваяет, просвещает, освящает, спасает души.

Божественная литургия становится опытом, литургическим этосом, способом жизни и побуждает нас в первую очередь понять положение, священный статус и ответственность, которые мы имеем в Церкви, в обществе, в государственной или частной школе или в университете в православных странах, воспитывая молодых людей и давая им образование. Евхаристическая экклезиология, опыт и внутренняя гармония души облеченного в священный сан преподавателя богословия, гомилетики, катехизиса, предмета практики исповеди, церковной музыки и пения, иконографии-историографии, педагогики, миссионерства являются прочными основами здания Православного Просвещения и Образования в наше время.

С методологической точки зрения, мы, отцы, учителя и Педагоги, не можем почивать на лаврах наших дарований и той харизмы, которую мы получили, и, по милости Божией, продолжаем получать, но, помимо этого, мы должны изучать помимо теоретических и гуманитарных наук, наше святоотеческое и литургическое предание, богословскую и педагогическую антропологию и телеологию Великих Отцов, которые были и являются сегодня Вселенскими Учителями и Педагогами всего христианского мира, – так что мы можем черпать свет, богословские и педагогические знания и святые примеры учителей и педагогов, направленные на:

а) достижение конечной цели обучения, которая заключается не только в предоставлении сухого знания о светской мудрости, но также в развитии характера и личности и в нормальном психологическом развитии нового человека. Конечная цель обучения также направлена на совершенное переживание трех важных элементов: меры, красоты души и внутренней гармонии развивающегося человека (Балояннис, Психология, с. 178);

б) расширение Наук в сфере Образования. И я сейчас объясню, что я имею в виду в данном случае.

Насколько мы первые, я имею в виду православных учителей, пойдем значение, объем и ценность понятия «человек», то есть что человек – это не «малый мир» (микрокосм), как утверждали натурфилософы Демокрит и другие философы, а «большой мир» (макрокосм), и пойдем проблеме телеологии (конечной цели) человеческого существования, то есть сущность, место и способ педагогического целеполагания, настолько же мы будем идти параллельно с процессом обучения к расширению области наук, относящихся к Педагогике, и к согласованию светской педагогики и Христианской педагогики. Человек – это

не просто «микрокосм», только материя и плоть, но и душа-дух, он – «большой мир», согласно богодухновенным отцам. Почему? Потому что: «Велик мир – по причине множества сил, которыми он владеет, таких как разумная, умная и волевая, которых не имеет сей чувственный мир; что же касается малого мира, то он содержит в себе только материальную сторону природы...» (Преподобный Никодим Святогорец, «Руководство о духовной жизни», 20-21, стр. 102-103).

Душа состоит из трех частей: разумная, желательная, аффективная (раздражительная). «Душу же, или лучше сказать ум (потому что чистая душа целиком есть ум), представляй себе как царя, дориносимого тремя важнейшими силами, умной, разумной и волевой» (Преподобный Никодим Святогорец, «Руководство о духовной жизни», с. 33, «Новая Лествица», изд. Василиса Ригопулоса, Фессалоники, 1976, с. 347), ибо ум находится во всех частях тела, как, например, огонь в раскаленном железе.

Позвольте мне здесь изложить мои взгляды и опасения по поводу христианской антропологии, которым учат Святые Отцы нашей Церкви. Эти взгляды, которые вам хорошо известны, не только замечательны с точки зрения богословия, но и с точки зрения педагогики, и они ставят под вопрос цели современной науки в области образования и воспитания. Потому что они косвенно задают ей вопрос, к чему именно она стремится направлять учащихся, чему их обучать и куда, собственно, все это приведет? Современная педагогика стремится ограничить человека тленными формами и ценностями мира, закрепленными в его эго, в любви к себе, в «узкопрактических» «утилитарных» идеалах в рамках материи и чувств, которые оставляют его постоянно жаждущим и неудовлетворенным. Или они все-таки должны показать развивающемуся человеку глубочайший смысл жизни?

Конечно, общеизвестно, что новая педагогика все чаще пытается избавиться от философской субъективности и, взыскав научной поддержки, отвергает любые философские и богословские концепции, связанные с глубинными основаниями как человека, так и мира.

Но таким образом она становится жертвой заблуждения и считает, что секрет создания «нового человека» и его нормального душевно-духовного развития лежит в школьных границах энциклопедических знаний и в решении «социальной проблемы» технократического управления материальными условиями жизни.

Профессор педагогики Александрос Космопулос, цитируя книгу Василия Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христиан-

ской антропологии», говорит, что Педагогика сегодня имеет сильную тенденцию к освобождению от своего философского прошлого, при этом одновременно превращаясь в экспериментальную науку образования нового человека. На этой стадии потрясений, разочарований и заблуждений, эта наука выражает свою обеспокоенность: «Теперь, когда я являюсь наукой о человеке, этого таинственного существования, смогу я стать когда-нибудь ‘точной наукой’?»

Греческий историк Полибий (200-118 гг. до н. э.) выразит эту обеспокоенность следующим образом: «Неужели возможно прекрасно начать что бы то ни было, если не обнимаешь мыслью самого конца твоего предприятия, если не знаешь, куда следует направлять задуманное предприятие, к какой цели и ради чего?» (Всеобщая история, книга 5, 32) (Г. Марнеллос, «Никодимовские исследования», с. 105).

Продолжая эти соображения, касающиеся богословской и психологической антропологии отцов, учения о трех частях души, существование которых требует соблюдения меры, гармонии, «динамического гомеостатического» равновесия, которое является или должно быть одной из основных целей Образования и Социологии, следует сказать о том, что главная забота преподавателя в передаче нужных и душеполезных знаний для конечной цели обучения должна состоять в том, чтобы учитывать следующие нюансы:

Обучение, которое выражается во всех аспектах светской и религиозной культуры, открывает для нового человека пространство познаваемого, а это такое пространство, где являет себя Мудрость и Любовь Божия. Как в области биологии, так и в области теоретических и духовных наук становится явным присутствие и действие Бога, то есть пространство не «после физики», а пространство «явленной в откровении благодати Святого Духа». Гармония Вселенной и тайна человеческого существования и деятельности человеческой психики как вершины этого гармонического творения, является, в свою очередь, одним из лучших экзистенциальных уроков, совершающихся прямо в школьной аудитории, потому что такой урок указывает учаемому на величие Божие и на необходимость приобретения этой внутренней гармонии в глубинах его существа.

1. Мера, красота, гармония души облеченного в священный сан учителя и педагога совпадает с гармонией природы и эстетикой Православной Церкви.

Православная Церковь – это по преимуществу пространство «красоты», «прекрасного», меры, гармонии. Мы должны при этом иметь в

виду: гармонию природы, эстетику храма и монастырей, их расположение в естественной среде, путь паломников и в перспективе – божественную красоту, лицо преображенного Иисуса Христа и сияющие нимбы Святых. Полагаю, участникам нашей конференции будет интересно вспомнить некоторые отличительные черты, которые отличают православного человека от человека западноевропейского и нашу византийскую и славянскую традицию от западной культуры.

Византийская и славянская культура (Слово и Искусство, музыка, литература, храмоздательство, архитектура, богослужение) на протяжении веков учат нас через свои великолепные произведения эстетике вещей, которые сочетаются с эстетикой природы и вселенной. Но более всего они находятся в гармонии с красотой души человека, вдохновленной красотой и гармонией естественных законов и правил, управляющих сотворенной и несотворенной вселенной.

Бог – это гармония природы; Он – те правила, которые управляют всеми уровнями реальности и каждой частью пространства и времени.

Именно Он создал мир из любви, любит и промышляет о своем создании, Он Сам свидетельствует о себе и раскрывает Себя. Он являет Свое присутствие чувственным образом, являет Свою божественную красоту в природе и глубине души человека. Именно Он так сильно возлюбил мир, что послал Своего единородного Сына, Господа нашего Иисуса Христа, который основал нашу Святую Церковь Своей честной кровью.

В особенности Он любит человека, который является венцом творения, «границей», объединяющей сотворенный и несотворенный миры, который имеет все основания и силы своим духовным подвигом, при содействии благодати Господа, превзойти самого себя посредством своей веры, перейти из состояния тления в состояние нетления, от временного – к вечному, от индивида – к личности, из настоящей жизни – к иному способу жизни и бытия. Он может стяжать «здравый ум», «чистую совесть», сделать так, чтобы его душевный мир наполнился тишиной, миром, благополучием и гармонией, и все это будет отражаться в том, как выглядит его лицо. Постепенно посредством общения со своим Создателем он сможет обрести небесные дарования, нетварный свет, дары Святого Духа, так что его лицо будет сиять от света, славы и красоты.

Иными словами, он сможет стать совершенным, «новым» человеком, новой природой, новым творением, небесным человеком, – то есть стать святым (Гал. 6, 15).

В этом месте возникает один хороший вопрос: что такое гармония?

Отвечаем. Гармония – самый глубокий принцип природы. Гармония существует там, где есть присутствие и благодать Троицкого Бога. Гармония существует во вселенной, в природе, в действии структур мира, в человеке. Гармония существует или должна существовать в каждом человеке, потому что мы ипостасные существа, у нас есть тело и душа, материя и дух, что-то от неба и что-то от земли. Так, мы соединяем в себе небо и землю, небесные элементы с земными, Бога с сотворенным миром, слово с искусством, науку с богословием, техническую культуру с духовной культурой. В противном случае мы становимся инвалидами. Мы мельчаем в наших межличностных отношениях, в межкультурных, в образовательных диалогах, в нашем поведении по отношению к другим, в наших делах и поступках. Все мы являемся производными гармонических процессов и регулирования. Весь мир, космическая вселенная, все было создано любовью, искусством, гармонией, с определенной целью. Ничего не произошло случайно и без «энтелехии», то есть каждая вещь и личность, каждое имя содержит в себе цель, для которой оно было создано. Господь «вся премудростию сотворил» (Предназначительный Псалом, который читается на Вечерне). Все может определить гармонию и двигаться к ней. Дневной свет и солнечный свет с их излучением гармоничны, поэтому этот свет привлекает наш взгляд. Нетварный свет, который Господь излучает в сердца чистых людей, является духовным, сладчайшим, он, как магнит, привлекает сердце человека, опьяняет его и привлекает к горнему.

Добродетельный и добросовестный «духовный человек», духовная жизнь как таковая – это своего рода прививка в теле каждого общества, христианского или нет. Изобилие плодов Святого Духа, тех, кто верует, живет в союзе со Святыми и кто переживает в своем опыте таинства Церкви, является доказательством света христианской веры и жизни, которую мы, учителя и катехизаторы, обязаны передать и завещать нашим детям. «Вся жизнь – это поэзия, потому что она находится в гармонии с окружающей ее поэзией...» (Nota 2) «Познай себя», издательство Нектария Панагопула, Афины, 1992, с. 72), как учит новый Святой Греческой Церкви и Великий учитель Нектарий Пентапольский (+1920). Иными словами, вся жизнь человека – это поэзия, потому что она находится в гармонии с поэзией, которая его окружает. Добродетельный и уравновешенный священник, учитель или Педагог,

который имеет «гомеостатическое состояние», психическое благополучие, *равновесие* в своей душе, живет на земле, но его образ жизни не похож на образ жизни людей, которые живут без Бога, без любви, взаимоподдержки со своими братьями, без цели или перспективы.

Вся забота человека, который ответил на великие экзистенциальные вопросы, направлена на исполнение воли Бога, на то, чтобы стать соратником своего Создателя, служить своему брату, кто бы это ни был в обществе, независимо от возраста, происхождения, расы, цвета кожи, этнической принадлежности, социального класса, его философских или религиозных убеждений. Такой философский взгляд, который ставит человека как личность в центр творения и рассматривает его в его связи с Создателем, безусловно, создает правильную основу для надлежащего воспитания, образования и, следовательно, для здорового и «гармоничного» общества.

Из приведенных выше соображений становится понятным, что Божественная Евхаристия: а) определяет отношения человека с Богом, особенно священника и учителя, с миром и обществом, в котором он живет и где он осуществляет свою деятельность в качестве пастыря и учителя.

б) Божественная литургия снабжает, обогащает священника и учителя культурными ценностями, утончает, трансформирует его душу, придает ей новое содержание, «образ» его душе, уравновешивая в гармонии три части души, укрепляет, согревает, оживотворяет и дает смысл.

Молитва и опыт Божественной литургии – это, по учению Святых Отцов, средство очищения, просвещения и воспитания человека.

«Молитва болезненна и плодотворна, потому что это высшая энергия ума и потому что она очищает, просвещает и совершенствует ум больше, чем все «алгебры», естественные, метафизические и все остальные науки. Молитва делает человека духовным и богозрителем...», – учит преподобный Никодим Святогорец (Г. М., с. 119 и 118 («воля, ум, внутреннее слово и твои пожелания ... да будут одно, а три – одним...») (Г. М., с. 122)

Церковная литургическая молитва дает понимание, благоразумие, радость, хорошее настроение, «открытость» по отношению к другим, дает смысл, содержание и перспективу.

Православная Церковь действительно является местом, в котором стала развиваться христианская антропология (уважение к достоинству личности и к правилам совместного жительства с братьями,

православное образование и воспитание, педагогическая телеология, право, образованность, христианская философия, богословие).

Иными словами, Православная Восточная Церковь, с ее великой православной культурой, ее богатыми святыми духовными традициями, «Школой» Греческих Отцов, имеет опыт и знание того искусства, которое приводит в гармонию отношения *Бога-мира-человека*, скрепляющих триптих истории человеческого Рода. И эта история была запечатлена искупительным посланием христианской веры, независимо от каких-либо положительных или отрицательных оценок, в то или иное время или в том или ином месте, конкретных проявлений общественной и церковной жизни. Церковь великих богословов, Отцов и учителей хорошо знает, как связана священная история со светской историей, как материя связана с духом, как тело связано с душой, как духовная культура связана с технологической культурой. Церковь примиряет Бога с человеком, потому что уважает Бога и ту землю, которая питает нас, и она придает большое значение человеку и его достижениям, и она имеет в центре своего божественного поклонения «Добротою Красного», Иисуса Христа, Богочеловека, и Царицу Красоты, нашу Пресвятую Матерь. Таким образом, это по преимуществу то место, где царствует, господствуют «красота», красивое, «прекрасное», «мера», «гармония», «стабильность» человеческого существования, эстетика природы и, как продолжение этого, культура души).

2. Красота, гармония В Древней Греции

Не только в Византии стремились соблюдать меру, красоту, гармонию внутри своей культуры. То же самое относится и к древнегреческой философии, особенно в области Образования и Просвещения, а также в удивительном греческом искусстве.

Для древних греков *«красота»* является синонимом меры, гармонии, равновесия. «Прекрасное не может быть чуждо меры», – говорит Платон. Мера и гармония были не только содержанием понятия красоты, но были и целью образования. Целью всех действий граждан и государства был муж «прекрасный во всех отношениях»: будучи выражением красоты, он был основным средством достижения идеала и, следовательно, основным благом образования. Музыка древние греки дали возможность развивать человека и делать его существом нравственным и достойным заниматься политикой, имеющим гармонию душевных сил, который, таким образом, становился существом, способным постигать и реализовывать великие ценности общественной жизни. Платон видел в опытном переживании и «приобщении» к Пре-

красному, нечто ужасное и одновременно чарующее. Прекрасное очаровывает, влечет, манит, вызывает желание отношений, приобщения, причастности и сосуществования. Оно возводит красоту в находящееся выше неба *место идей*, и, давая ей такую привлекательную силу, отождествляет ее с Благом, то есть с самим Богом (NOTA 4) (Димитриос Ангелис, «Византийская эстетика», Афины, 2004, с. 142).

Поиски радости, порождаемые опытным переживанием красоты божественного образа, заставляют человека искать или даже тосковать, пусть даже неосознанно, о жизни, подобной жизни ангелов. Человек в жизни Церкви ищет божественную красоту. Однако, чтобы христианин мог вкусить эту желанную красоту, он должен сам стать носителем красоты, меры, гармонии и равновесия.

Выводы

Достопочтенный митрополит Пензенский Серафим, уважаемые отцы, дамы и господа, я уверен, что вышеупомянутые тезисы, скорее всего, поставят перед всеми нами определенные вопросы и помогут нам сделать из них полезные выводы, чтобы мы, преподаватели, облеченные в священный сан, и, в более общем смысле, все верные православные миряне, являющиеся учителями, преподавателями и педагогами, определили каждый для себя содержание исполняемого нами труда, как пастыри и учителя, в повседневной пастырско-приходской и педагогической деятельности.

Проблема серьезная. Дело в том, что священник-учитель и воспитатель, который не переживает на опыте христианской идентичности, в ходе своей преподавательской деятельности затрудняется становиться «Путеводителем ко Христу». Он не находится в том состоянии, чтобы подтвердить своим жизненным примером подлинность личности и дела Христа, поскольку он не знает глубоко себя самого, своих отношений со Христом и своей миссии в работе Образования и Просвещения.

Он не находится в том состоянии, чтобы подтвердить своим жизненным примером подлинность личности Христа, поскольку он плохо знает себя. Он не может свидетельствовать об истинах христианской веры, не может учить и вдохновлять своих учеников, побуждая их любить просвещающее слово веры, христианские истины, священные писания, «которые могут умудрить во спасение верою во Христа Иисуса» (2 Тим. 3, 15).

Для любого клирика, который изучал науки об образовании нового человека и который является по профессии учителем и педагогом,

крайне важно жить «в молчании», заниматься самопознанием, самонаблюдением, размышлять о тайне жизни и даровании священства, которое он получил от Господа. Задавать себе вопросы о том, почему и как сосуществуют все эти элементы, которые вместе составляют личность священника, то есть богословские, психологические и педагогические знания, как это сочетается с его миссией священника и воспитателя растущей молодежи любого возраста и любого уровня достатка. Как они сосуществуют, как они переплетаются, как они функционируют или, лучше сказать, «сослужат» в его существе.

Кроме того, всякий раз, когда священник-преподаватель входит в святой алтарь, а затем идет в школу, он должен беспокоиться о своем внутреннем состоянии, должен оценивать и взвешивать, сколько «темной» и сколько «светлой» части скрывается в его теле, потому что от этого зависит, будет ли его «внутренняя производящая сила» излучать свет или тьму на тех людей, молодых и пожилых, которых он встречает в школе или университете. Евангелие озадачивает нас словами Господа на эту тему: «светильник тела есть око...». То есть, «если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно» (Мф. 6, 22-23 и Лк. 11, 36). «Если же тело твоё все светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло все так, как бы светильник освещал тебя сиянием».

Педагогические науки должны ценить богословскую и психологическую антропологию Отцов и Учителей Пустыни.

Они должны ценить их открытия, которые являются плодом длительного и многотрудного подвига и самопознания.

Они должны черпать свой психолого-педагогический материал из их Заветов, из их Святого духовного опыта, из опыта их жизни, особенно когда это касается глубины человека и деятельности сердца как центра духовных и душевных сил человека. Далее, после того, как они их изучат, пусть исследуют возможность их применения в области пастырской и педагогической работы.

Если у человека хватает чувства самоуважения, признания своего достоинства, своего обаяния, своего образования, тогда он находится на прочной основе, он не колеблется, у него есть «гомеостатическое равновесие», психическое благополучие на твердом постоянном уровне внутри, и он пытается отдать лучшее из самого себя, отталкиваясь от своих душевных, умственных, социальных, педагогических способностей (Note, Балояннис, цит. соч., с. 77).

Начав с «Евхаристической экклезиологии», с литургического опыта, возникающего в результате постоянного присутствия Господа среди нас и в богослужбной жизни Церкви, мы не можем не упомянуть в качестве наиболее важного условия о необходимости общения священника-преподавателя с Богом. Эта потребность, которая есть у каждого человека, особенно у православного педагога, является для священника вершиной его эмоциональных переживаний. Общение с Богом дает силу его существованию, дает все философские ответы на его «мировоззренческие» и «жизненно-практические» вопросы, сообщает смысл и реализацию для его существования. Более того, постоянное общение с Создателем, «невидимая брань», необходимость «быть причастным» к Отцу Нашему Иже Есть на Небесах, принятие божественного откровения и литургический опыт составляют или должны составлять так называемый евхаристическо-богослужбный, литургический идеал и аскетическо-евхаристический идеал, согласно нашей святоотеческой и аскетической традиции. Удовлетворение этой потребности, этой цели, способствующей усвоению культурных ценностей, происходящих от божественного служения, от иконографических и богослужбных украшений, от меры, красоты и пения священных песнопений, от архитектуры храмов и монастырей, от эстетики святых мест, от церковной музыки и иконографии, а также от жизни Христа, с конечной целью совершенствования нашей природы, «обожения» и святости, подразумевает полное усовершеншение личности педагога и, если взглянуть глубже, человеческого бытия, человека как личности.

Это усовершеншение возводит учителя богословия или «законоучителя» на новый уровень, касающийся тех отношений, которые он должен иметь с самим собой, с ближним, с чувственным миром и с «духовным миром», который его окружает.

До тех пор, пока у священника, учителя и воспитателя есть эта внутренняя гармония и красота личности, его лицо становится все более светоносным, а взгляд – более ясным, в особенности, во время проповеди слова Божия со священного амвона. Его взгляд также становится более ясным, более приятным и тогда, когда он находится за преподавательской кафедрой в школе, оно сияет от света Христова. Уста священника-преподавателя становятся «устахми Христа», его язык говорит «глаголами неизреченными» и приобретает дар, обучая письму и светским научным знаниям и мудрости. Он становится харизматичным учителем и заслуживает того, чтобы «изъяснять» людей

и вещи этого чувственного мира, «познаваемого», давая им истинное имя, объясняя «истину сущего» и «истину вещей».

Такой совершенный учитель, который хорошо знает, кто он и куда он идет как путешественник в этом тленном мире, естественным образом не ослепляется, не обманывается ложными образами этого мира и «виртуальной реальностью», эти вещи не подступают близко к его жизни, – ни мирские нужды, ни временные удовольствия, ни наслаждение, ни какие либо душевредные мирские дела, находящиеся за рамками меры и серьезного отношения к жизни. Мудрость этого мира становится относительной и «преходящей», и многие знания объединяются в луч света с истинным знанием, «светом знания», излучаемым «Светом Правды», который есть Иисус Христос. Отношение к жизни и смерти, отношения между «индивидом» и «человеком» изменяются, трансформируются. С этого момента «физика» и «метафизика» становятся подступами к «пространству благодати и любви Творца». Мораль этого мира, «учение о нравственности», становится подступом к «новой природе» и «новому творению». «Ветхий человек» истления и греха становится «новым» обновленным человеком.

Дорогие участники конференции, отношение к ближнему, отношение учителя и ученика определяются вышеуказанной философией жизни, отношениями с Богом и Церковью. Любовь к ближнему, к тому, кто рядом с нами, к находящемуся перед нашим лицом и перед нашим взглядом ученику, студенту и вообще всякому человеку, является плодом просвещения, даром Божиим, а также опытом любви к Троиственному Богу и опытом таинственного присутствия Христа на Божественной литургии.

«Конечная цель обучения», согласно «Психологии» профессора Ставраоса Балоянниса, «заключается в воспитании характера и личности человека, в усилении его возможностей на пути восхождения и в конечном опыте внутренней гармонии души. Обучение открывает человеку пространство познаваемого, которое фактически является пространством, где находит свое выражение Мудрость и Любовь Бога.

Как в области биологических наук, так и в области теоретических или духовных наук становится явным присутствие Божие и гармония творения, которыми человек восхищается и познает любовь и премудрость Бога. Кроме того, цель обучения имеет более широкое значение, и в случае с педагогом, имеющим священный сан и должность учителя, дает ему возможность достичь в своем внутреннем мире гар-

монии души и предложить ее, как некое благо, как живой пример, обучающемуся...»

Священник-учитель, профессор, катехизатор и педагог, передавая своим ученикам и студентам научные знания и научную мудрость и переживая на опыте, одновременно с этим, причастность к тем образовательным благам, которые проистекают из Божественной литургии, может положить твердое основание в Православном Образовании и Воспитании, направляя ученика к возделыванию своего характера, своего нрава и своей личности, чтобы он научился переживать и ценить внутреннюю гармонию и мудрость внутри себя и во всем мире. По благодати Божией, учитель может руководить возрастающего человека к достижению высокого уровня образования, к благородству, к красоте, к гармонии и совершенству, к которым его предопределил Божий Промысел.

Сила религии, как учит Святой Нектарий Пентапольский, это «великая нравственная уздечка, которая обуздывает страсти, порывы и желания и безопасно направляет человечество к его высокому предназначению и возводит на высоту духовного кругозора, которое ему предназначено достичь Божественным Промыслом. Поэтому человек не может иначе достичь высоты кругозора, кроме как с помощью религии, у которой есть для этого преобразующая сила» (Циракис, цит. соч., с. 10).

Святой Нектарий, рассказывая о добродетелях и пороках «аффективной» (раздражительной) части души, указывает на христианское благородство как на первую добродетель, которую он считает равной евангельскому нравственному совершенству. Он даже называет слова «благородство» и «добродетель» «синонимами, поскольку они указывают на одно и то же значение, а именно на благовоспитанность души». Платоновское слово «благовоспитанность» означает хорошее воспитание, хорошее умение держаться в обществе. Платон учит «благовоспитанности души в отношении слов и поступков». Святой Нектарий характеризует благородство как добродетель благородного нрава. Характерными качествами этого благородства можно назвать следующие: мужественный разум, свободу, щедрость, милость, независтливость, высокоумудрие, великодушие, добропорядочность, доброе расположение, отличное поведение, справедливость, правду... «Благородство – это отражение света божественного образа, который обильно излился на добродетельную душу» («Полное собрание сочинений» том 5, с. 301). Благородство – это излияние дара добродете-

ли души. Для христианина, конечно, важно помнить слово Святителя Иоанна Златоуста: «Благородство может быть только одно – исполнять Волю Божию» (Циракис, цит. соч., с. 16). Добродетелей, которые украшают благородство, двенадцать: благочестие, рассудительность, мудрость, мужество, терпение, щедрость, великодушие, любовь, нравственное величие, дерзновение, целомудрие и непорочность.

Уважаемые отцы, дорогие дамы и господа, участники конференции, благодарю вас за то, что вы меня выслушали с любовью и особым вниманием.

Я написал этот текст с молитвой, в моей келлии «Святой Никодим Святогорец», в городе Агиос Николаос, Крит, 5 ноября 2018 года.

Литература

1. Ветхий Завет. Издательство «Апостолики диакония» (Официальное общецерковное издательство Элладской Церкви - буквальный перевод «Апостольское служение Элладской Церкви»). Афины 1981.

2. Новый Завет. Издательство «Апостолики диакония», Афины 2001.

3. Гимнографические тексты Православной Церкви.

4. Святой Никодим Святогорец. «Увещательное руководство». Издательство «Святой Никодим». Афины

5. Новая лествица. Издательство Василия Ригопулоса. Фессалоники 1976

6. Святой Нектарий Пентапольский. Познай самого себя. Издательство Нектария Панагопулоса. Афины 1992.

7. Святой Нектарий «Полное собрание сочинений» том 5. Издательство (священного) монастыря Святой Троицы. Эгина.

8. Ставрос Балояннис. Психология. Издательство П. Пурнара. Фессалоники 1984

9. Ставрос Балояннис. Чтения по психологии. Издательство П. Пурнара. Фессалоники 1982

10. Ставрос Балояннис. Психиатрия и пастырская психиатрия (излечение души). Издательство П. Пурнара. Фессалоники 1986

11. Георгий Марнеллос. Святой Никодим Святогорец (1749-1809) наставник и учитель греческой нации и Православной Церкви. Влатадский сборник (Сборник монастыря Влатадос - центра

исследований Афона -[и.Ф.]. Вып 64. Фессалоники 2002. https://www.imd.gr/biblia/tv_books_global_view.php?editid1=7473

12. Георгий Марнеллос. Свято-Никодимовские исследования. Том 2. Издательство Центра исследований православной культуры. Айос-Николаос: Крит 2007

13. Георгий Марнеллос. Мегалокосмический человек (Возможно «Всечеловек» или «Вселенский человек») по святому Никодиму Святогорцу как основа греческой педагогики и образования. Издательство К.М.О.П., 1990.

14. Георгий Марнеллос. Идея нового человека в мирской мудрости и долг Церкви. Ксания. 2-е издание 1991

15. Георгий Марнеллос. Богослужение церковно-образовательных в школах. Тинос - Киклады 1984

16. Георгий Марнеллос. Священник как свидетель присутствия Христа в Церкви и в мире. Издательство К.М.О.П., 2-е издание 1998

17. Георгий Марнеллос. Причина тишины в моей Церкви (?). Издательство К.М.О.П., Крит 2005

18. Георгий Марнеллос. Святой Нектарий Эгинский Пентапольский свидетель и толкователь откровения Троичного Бога в миру (на русском). Журнал «Духовные собеседник». Выпуск 6. 2013. Издание Самарской и Сызранской митрополии. [Электронный ресурс] // http://духовныйсобеседник.рф/sites/default/files/duhovnyu_sobesednik_686-13.pdf - ссылка на выпуск 6. 2013

19. Георгий Марнеллос. История основания церковного факультета Ираклеона (Крит), его плоды и уникальность. Журнал «ΝΕΑ ΧΡΙΣΤΙΑΝΙΚΗ ΚΡΗΤΗ» (Христианские новости Крита). Выпуск 35. Ретимно: Крит 2017

20. Георгий Марнеллос. Заметки о путях русского благочестия. К истории славянских церквей. (буквально вклад в историю...). Издательство Института греческого языка. Айос-Николаос: Крит 2011.

21. Георгий Марнеллос. Святой Нектарий чудотворец, покровитель врачей, врач и целитель больных и немощных. Издательство, «Галерея» ΡΟΔΟΝ ΤΟ ΑΜΑΡΑΝΤΟΝ, Института греческого языка. Айос-Николаос: Крит 2011

22. Димитрий Ангелис. Византийская Эстетика. Афины 2004

ЭТИЧЕСКАЯ СТУДИЯ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Л.Т. Потанина

Доктор психологических наук
Московский государственный областной университет
Москва, Россия

Т.В. Склярова

Доктор педагогических наук
Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет
Москва, Россия

Статья посвящена одной из эффективных форм организации нравственного воспитания – этической студии. Авторами представлена структура студийного занятия, описаны этапы подготовки педагога к его проведению, выделены специфические особенности стиля работы педагога. Особое значение уделяется использованию художественного образа в процессе студийного занятия, что выражается в способности педагога к смыслопорождающей деятельности. Показан воспитательный потенциал студийного занятия, способствующий формированию у школьника единства системы нравственных и этических ценностей на уровне знания о них и реализации определенного отношения (позитивного или негативного) к этим ценностям в ситуациях реальной жизни.

Сделан вывод о том, что развивающий потенциал этической студии подтверждает целесообразность профессиональной подготовки педагога к ее использованию в воспитательной работе школы.

Ключевые слова: студия, этическая студия, смыслопорождающая деятельность, художественный образ, учащиеся, нравственное воспитание.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00648

ETHICAL STUDIO AS A FORM OF ORGANIZATION OF MORAL EDUCATION

Leila Potanina

Moscow State Regional University
Moscow, Russia

Tatiana Sklyarova

St. Tikhon's Orthodox University
Moscow, Russia

The article is devoted to the ethical studio, one of the effective forms of organization of moral education. The authors present the structure of the studio lesson, describe the stages of the teacher's preparation for it, and highlight the specific features of the teacher's work style. Particular importance is given to the use of the artistic image in the process of studio training, which is expressed in the teacher's ability to organize sense-generating activity. The educational potential of the studio lesson is shown, which contributes to the formation of the schoolchildren's unity of the system of moral and ethical values at the level of knowledge about them and the implementation of a certain attitude (positive or negative) to these values in real life situations.

The conclusion was made that the developing potential of the ethical studio confirms the expediency of the teacher's professional training in order to use it in the educational work at school.

Keywords: *studio, ethical studio, sense-generating activity, artistic image, students, moral education*

Нравственному воспитанию в отечественной педагогической науке и практике традиционно уделяется особое значение (П. И. Арапова; Г. И. Веденеева; Н. Л. Селиванова, П. В., Степанов; Т. В. Складорова; С. И. Попова; Н. Е. Щуркова). Современными педагогами ведется целенаправленная работа по поиску эффективных методов и форм воспитательной деятельности педагога (Е. В. Титова, С. Д. Поляков, Л. В. Байбородова, М. И. Рожков, С. П. Афанасьев, С. В. Коморин).

В воспитательной работе современной школы широко используются такие формы работы, как диспут, дискуссия, защита проектов,

экскурсии, олимпиады, конкурсы, лектории, недели книги, беседы по социально-нравственной проблематике, ситуационно-ролевые игры, продуктивная (инновационная игра), игры – путешествие, экскурсии, экспедиции и т. д. При этом следует отметить, что особую трудность в нравственном воспитании представляет формирование у школьника единства системы нравственных и этических ценностей на уровне знания о них и реализация определённого отношения (позитивного или негативного) к этим ценностям в ситуациях реальной жизни. Книги, содержащие этические правила, предлагают получить «шанс на успех» в деловой и частной жизни, нацелены вооружить человека совокупностью правил поведения, позволяющих ему нравиться себе и окружающим своим внешним видом, манерами и умением общаться. В центре внимания стоит человек, которого более всего волнует то, как он выглядит со стороны и что нужно знать, чтобы находиться в ситуации успеха. Содержанием таких книг является описание многочисленных правил поведения – как сидеть за столом, как дарить и принимать подарки, как правильно вести себя в театре, в магазине, в городском транспорте и т. д. Однако этикет как внешняя форма поведения личности непосредственно связан с внутренним духовным миром личности. Занятия с учащимися, построенные на усвоении правил поведения, как показывает опыт, скучны и неинтересны. Набор правил этикета не учитывает окружающих людей, их настроение и психологическое состояние. Школа стоит перед необходимостью обучать учащегося нравственным формам поведения, акцентируя их внимание «на другом человеке».

Для решения проблемы обратимся к рассмотрению одной из эффективных форм организации воспитательной деятельности, осуществляемой педагогом, – этической студии. Этическая студия представляет собой групповую форму деятельности, в процессе которой естественным образом формируются элементарные этические нормы поведения. Этическая студия – это особая форма занятий, в процессе которых, с одной стороны, осуществляется передача конкретных информативных знаний об этических нормах, а с другой – осуществляется непосредственное формирование этических умений – этики общения, поведения в коллективе, в обществе, в конфликте. Методика проведения этических занятий бесконечно многообразна. Мы предлагаем рассмотреть одно из методических решений. На студийных занятиях осуществляется трёхуровневый подход к освоению правил об-

щественного поведения: теоретический, методический и технологический.

Теоретический уровень предполагает освоение конкретного знания о формах поведения; *методический* – способ усвоения конкретных правил поведения, а *технологический* – отработку конкретных умений и навыков посредством ролевых игр, практикумов, решения психологических задач путём максимального приближения учебно-практического материала к реальной действительности. При таком подходе становится возможным не только усвоение детьми теоретического материала, который можно почерпнуть самостоятельно в литературе по конкретным формам поведения, но и станет возможным «здесь и сейчас» путём практических навыков освоение внешних форм поведения. Именно практическая часть занятий представляет собой особую сложность, что требует от педагога профессионального мастерства. Так, например, нетрудно ознакомить детей с правилами произнесения комплиментов, гораздо более сложной задачей является реализации их знаний в повседневной жизни.

Важным в проведении студийных занятий представляется создание определённого психологического климата как условия взаимного расположения всех субъектов деятельности. Созданию благоприятной атмосферы на занятиях способствует использование на занятиях художественного образа, представленного в самых разных его формах. На создание благоприятного психологического климата влияют голос, мимика, пластика, интонации и лексика участников занятия. Мастерство педагога, ведущего студийное занятие, выражается в умении проявлять интерес к Другому, воспринимать и оценивать информацию, высказывать суждение по тому или иному вопросу, слушать собеседника, задавать вопросы, выразить сопереживание. В своих оценках педагог должен избегать категоричности в выражении своего отношения к Другому и в целом к миру, предоставлять школьникам право не соглашаться с его мнением.

Студийные занятия требуют специальной подготовки педагога. На подготовительном этапе отбирается необходимая информация по теме и необходимые материалы. Подбираются ролевые ситуации, в которых каждый студиец мог бы поупражняться в необходимом умении (например, уступить незаметно место вошедшей женщине; помочь женщине с тяжёлой сумкой подняться по лестнице, протянуть руку даме перед ступенькой, при выходе из автобуса и т. д.). После выполнения общих упражнений необходимо подобрать 2-3 ситуации

для дискуссионной работы, которые проигрываются партнёрами перед всей группой методом позиционной игры (например, двое юношей и одна девушка подходят к праздничному столу). Когда содержательный материал собран, его необходимо структурировать в определённой последовательности, затем собранный материал расписывается, продумывается его техническая оснащённость.

Если педагог от содержания идёт к внешнему её оформлению, то школьник, напротив, от внешней формы продвигается к сути; увлекается сначала формой и лишь затем принимает идею. В связи с вышеозначенным фактом эффективнейшим средством на студийных занятиях является художественный образ, представленный в самых разных его формах, афористические высказывания выдающихся людей, персоналии. Потенциал использования художественного образа в воспитательной работе колоссален. Читая «Историю вчерашнего дня» Л. Н. Толстого, педагог понимает, что конкретная картина, образно представленная великим писателем, даёт ему возможность представить детям правило этикета, имеющее глубокое значение. *«...Во всех наших воспоминаниях середина выпадает, а остаётся первое и последнее впечатление, особенно последнее. Поэтому прекрасный обычай хозяину дома провожать гостя до двери, у которой, обыкновенно устроив ноги винтом, нельзя хозяину не сказать чего-нибудь любезного гостю; несмотря ни на какую короткость отношений, этим правилом пренебрегать не надо. Так, например, «когда мы опять увидимся» ничего не значит, но невольно (из) самолюбия гость переведет её так: когда значит: пожалуйста поскорее, мы значит: я и жена, которой тоже очень приятно тебя видеть; опять значит: мы нынче провели вечер вместе, но с тобой нельзя соскучиться; увидимся значит: ещё раз нам сделай удовольствие; и гостю остаётся приятное впечатление. (ПСС, Т.12. с. 405)*

Художественный образ может влиять на формирование у школьников эталонов поведения в самых разных жизненных ситуациях. Предъявляя учащимся правило этикета, согласно которому первой при приветствии подаёт руку дама, педагог может представить его не информационным методом, а яркой и запоминающейся иллюстрацией, обратившись к воспоминаниям Вересаева. *«Шёл из гимназии, и встречаю на Киевской Катерину Сергеевну Ульянинскую, она была у нас раза два-три в год. Шаркнул ножкой и протянул руку. Она, не вынимая рук из муфты, посмотрела на мою протянутую руку и любезно сказала: «Здравствуй, Витя! Как здоровье мамы?» Ух, как помню я*

свою красную от мороза перепачканную чернилами руку, как она беспомощно торчала в воздухе, как дрогнула и сконфуженно опустилась. Катерина Сергеевна поговорила минуты две, попросила передать её поклон папе и маме и, всё не вынимая рук из муфты, кивнула мне на прощанье головой. С тех пор я хорошо помню, что нельзя первому отдавать руку дамам».

Подобное движение мысли становится возможным благодаря смыслопорождающей деятельности педагога, её способности осмысливать, обобщать с высоты ценностей жизни обыденные факты, действия, эпизоды и ситуации и жизни.

Художественный образ помогает сформировать образ поведения в самых разных ситуациях, он особым образом способствует расширению сферы общения, помогает человеку ощутить себя частью общества, одухотворяет его и возвышает его, развивает его духовный потенциал. Это объясняется тем, что образно-символическая информация не только фиксируется в сознании ребенка как сообщение, но и оптимально воздействует на эмоциональную сторону восприятия (Д. А. Леонтьев). Субъектами общения являются как сам художник, так и его образы, которые он создает. Задача педагога состоит в том, что он должен расширить сферу подобного общения – общения с художниками, музыкантами, писателями и их творениями.

Рассмотрим структуру студийного занятия.

На первом этапе (назовём его – пролог) с целью создания благоприятного психологического климата проводится приветствие – общее и персональное. Приветствие проводит педагог, обращаясь поочередно к каждому участнику занятия с определённым вопросом на свободную тему.

Этап второй – этюд – представляет собой осторожные подступы к проблеме. Этюд разворачивает образную картину явления, которую педагог предъявляет детям с целью их «восхождения» к теоретическому анализу явления. Образ этот может быть предъявлен средствами художественной литературы, живописи, скульптуры, ролевой игры.

Третий и центральный этап студийного занятия – *экспликация*. Он может нести в себе теоретический материал, практические упражнения, направленные на формирование этических умений и навыков. Обычно этот этап завершается некоторой схемой, вынесенной на доску и в тетради учащихся. Экспликация включает в своё содержание дискуссию – групповое обсуждение теоретического материала. Важно подобрать удачную формулировку вопроса. Например: «Как ты от-

носишься к тому, что мужчина сильнее женщины, а поэтому он должен выполнять тяжёлую работу?»).

На этапе коррекции работа основывается на сопоставлении реального и нормативного, практического опыта и теоретических знаний, полученных на занятии, а значит проецировании корректива своего поведения. Суть коррекции состоит в «вытеснении» прежнего опыта новым, который приобретается школьником «здесь и сейчас». Роль студии на этом этапе занятий огромна и безусловна. Отметим лишь то, что они должны быть простыми по фабуле действия, лёгкими по замыслу («Захват инициативы», «Нет диалога», «Что спрятано за словом»).

Завершается студийная работа этапом рефлексии, во время которой школьники мысленно воспроизводят всё содержание работы, анализируют своё психическое состояние, выделяют для себя наиболее значимое. Данный этап работы можно организовать с помощью вопроса «Что явилось главным для тебя на занятии?» или посредством неподписанного тезиса «Теперь в подобных ситуациях я...».

Практика этических студийных занятий, проводимых с учащимися начальной школы, показывает, что методические основания, описанные нами, обуславливают их высокую продуктивность. Студийная форма содержит большие потенциальные возможности, обеспечивающие практическую возможность учащихся к овладению и применению этикетных норм. На студийных занятиях учащийся имеет замечательную возможность размышлять о жизни, приобщаться к общечеловеческим ценностям, проявлять свое «Я». В группе рождается особая духовная атмосфера, повышается культура личная и культура взаимоотношений.

Воспитательный потенциал этической студии позволяет сделать вывод о целесообразности профессиональной подготовки педагога к ее использованию в воспитательной работе школы.

Литература

1. Веденеева Г. И. Духовно-нравственное воспитание учащихся в процессе познания родного края. Саратов. 2015. – 392 с.

2. Селиванова Н. Л., Степанов П. В. Подготовка будущего педагога как воспитателя: теоретическое обеспечение // Образование и саморазвитие. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 45–52.

3. Склярова Т.В. **Православное образование в современной России**: структура и содержание // *Вестник ПСТГУ. ... центр в современном православном образовательном пространстве России ... Сер. IV: Педагогика. Психология. 2016. Вып.1 (40). С. 9–16.*

4. Склярова Т. В. Профессиональная подготовка социальных педагогов в конфессионально-ориентированных высших учебных заведениях: ...автореф. ...докт. пед. наук. – М. 2008. – 35 с.

5. Попова С. И. Педагогическое регулирование психического состояния ребенка в процессе его воспитания. – Череповец: ЧГУ, 2008. – 191 с.

6. Щуркова Н. Е. и др. Классное руководство: игровые методики. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 224 с.

О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИЛЕ ЖИВОГО РУССКОГО СЛОВА

Н. В. Саратовцева

Кандидат педагогических наук

Пензенский государственный технологический университет

Пенза, Россия

Статья посвящена размышлениям о слове, его воспитательной силе. Автор утверждает, что сегодня среди многообразия всевозможных педагогических средств слово родителя, воспитателя и педагога не потеряло своей значимости. Великолепие, богатство русского слова объясняют его непреходящую ценность. Известные отечественные писатели и педагоги такие, как Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский – отмечали его сочность и живость. В статье приводятся сведения, указывающие на святость русского языка. Автор статьи уверен, что обучение русскому языку и изучение русской литературы составляют основы воспитательной среды, формирующей личность. Статья содержит ряд рекомендаций, как сделать это методически правильно. Непременным условием в этом деле должно явиться чёткое понимание смысла произнесённого слова, отношение к слову, как к явлению материальному, по важности и силе не уступающему практическому действию.

Ключевые слова: слово, живое русское слово, православие, язык, воспитание, образование, человек, личность.

ON THE EDUCATIONAL POWER OF THE LIVING RUSSIAN WORD

Nadezhda Saratovtseva

Penza State Technological University

Penza, Russia

The article is devoted to reflections on the word, its educational power. The author asserts that among a variety of various pedagogical means the word of a parent, tutor and teacher has not lost its significance today.

Magnificence, richness of the Russian word explains its lasting value. Famous Russian writers and teachers such as L.N. Tolstoy, K.D. Ushinsky noted its juiciness and liveliness. The article provides information indicating the sanctity of the Russian language. The author of the article is sure that teaching the Russian language and studying Russian literature are the basis of the educational environment that forms the personality. The article contains a number of recommendations on how to do it methodologically correctly. Clear understanding of the meaning of the spoken word, the attitude to the word as a material phenomenon, which is not inferior to a practical action in its importance and strength should be a prerequisite in this case.

Keywords: *word, living Russian word, Orthodoxy, language, upbringing, education, person, personality.*

*Кто в каком слове поучается,
тот принимает свойства того слова,
хотя этого и не видят неопытные,
как видят имеющие духовную опытность.
Петр Дамаскин «Поучения о чтении»*

Богом дан человеку великий дар – дар слова. Он то и отличает его от всего остального тварного мира. Так, в толковом словаре В. И. Даля дано совершенно чёткое определение слова «человек» – это «живая тварь, наделённая словом» [16].

Словом выражается мысль, чувство и желание человека. Сердце человека – средоточие его духовной жизни. Оно является двигателем языка. Известно, что чем полно сердце, то изливается через слово. Слово имеет и обратное действие. Оно порождает мысль, чувство, желание, сохраняет их в сердце. Поэтому можно заключить, что язык – есть один из важных деятелей воспитания и образования.

Немало характеристик дано слову великими русскими педагогами, познавшими его великую воспитательную силу. Так, писатель с мировым именем, известный педагог и учитель крестьянских детей в Яснополянской школе Л. Н. Толстой называл слово «живым», тем самым подчёркивая его образность и сочность. «Учитель русских учителей», основоположник отечественной педагогики К. Д. Ушинский ряд своих работ посвятил родному слову («Родное слово», «О народности в общественном воспитании» и т. д.).

Вспомним Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Почему в Евангелии от Иоанна Христос назван Словом? Потому что к словесному можно прийти только Словом. Таким образом подчёркивается главное отличие людей как существ словесных, мыслящих словами.

Само слово «Православие» (от греческого «ортодоксия») буквально означает «правильное суждение», «правильное учение» или «правильное славление» Бога [3]. Эти значения тесно связаны между собой. Правильное учение о Боге включает правильное славословие Бога.

Православие всегда объединяло всех русскоговорящих людей в единый народ. Вспомним великие слова Ф. М. Достоевского: «Понятие «русский» определяется не составом крови, а отношением к Православию» [15].

На «дивную особенность русского языка» обратил внимание российский религиозный и общественный деятель, богослов и философ А. Кураев. Он отметил, что «в нашем языке наше национальное имя формулируется в грамматической форме имени прилагательного, а не существительного. О всех других народах мы говорим: немец, француз, грек, еврей, татарин, то есть мы употребляем имена существительные. А когда говорим о себе самими, мы говорим: русский, то есть характеризуем себя именем прилагательным. А раз оно прилагательное, значит, должно к чему-то прилагаться. Тем стержнем, к которому прилагается слово «русский», в нашей традиционной культуре было слово «христианин» – крестьянин. То есть главное – это вера, твоя душа, а твой язык, твоя культура – это то, что держится на этом стержне» [8, с. 231–32].

Действительно, нельзя не согласиться, что «православие и родной язык – опоры русского человека» [11]. В «Дневниках писателя» Ф. М. Достоевского есть фраза: «Убери из русского человека Православие – дерьмо человек будет» [7]. А не происходит ли это сейчас?

Архиепископ Никон (Рождественский) в 1915 г. писал: «Есть пороки, которые не меньше пьянства растлевают душу народную, заражают духовную атмосферу на Руси и иногда становятся прямо нетерпимыми. Таков порок сквернословия и «черного слова» [13].

Воздействие слова на человека рассматривается и в религиозной литературе. Известно, что благодаря молитвам святых и праведников исцелялись безнадежно больные люди. Благословение при этом распространялось не только на самого человека, но и на его потомков.

Таким образом, слово – обоюдоострый меч!

Наука предупреждает, что каждое слово, сказанное или воспринятое нами, воздействует на нас явно и скрыто. «С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя: словесная речь человека – это невидимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом», – писал еще в XIX в. российский лексикограф, писатель и врач, автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль [14].

Петр Дамаскин в «Поучении о чтении» писал: «Кто в каком слове поучается, тот принимает свойства того слова, хотя этого и не видят неопытные, как видят имеющие духовную опытность» [2].

Анализируя современную ситуацию, приходится с сожалением констатировать, что интенсивность заимствования чужеродной лексики достигла угрожающих темпов. И когда мы увлекаемся «инославием, и огромным количеством заимствований и слов с затерянными корнями, замутнённых, которые представляют собой просто непонятные для современного человека знаки, то, как сказал поэт Николай Гумилёв в своем стихотворении «Слово» [7], «как пчёлы в улье опустелом, дурно пахнут мёртвые слова» [4]. Они начинают разлагаться в душе человека, начинают его изнутри разъедать, и его жизнь теряет смысл. Потому что смысл – он живой.

Так от поколения к поколению, как снежный ком, нарастают негативные, саморазрушительные процессы, заложенные речью.

В настоящее время, несмотря на обилие средств обучения и воспитания и широкое использование интерактивных методов в педагогическом процессе, по-прежнему актуальным остаётся одно из наиболее эффективных орудий воспитателя и педагога – слово.

Большое внимание следует уделять тому, чтобы дети и подростки свободно и с любовью соприкасались с языком, поскольку обучение языку и литературе – это та питательная среда, это та стихия жизненная, которая способна формировать личность.

Необходимо, чтобы подрастающее поколение, обучаясь без насилия, открывали для себя радость языка. И большую ответственность в этом несёт учитель. Именно он должен определить готовность или неготовность всех детей или одного ребёнка к восприятию золотого слова, святого слова. Такая подготовка крайне важна. Только после неё возможно внешнее и внутреннее преобразование человека. Это сразу будет видно по глазам ребёнка, по его лицу, по его восторгу.

Благотворно влияние на детей сказок, читаемых родителями. Сердце ребёнка свято, и поселиться в нём должны добрые рассказы,

наши святые, церковные предания. Приходит это только через родителей.

Надо соблюдать постепенность, основательность и вдумчивость во всём, а не так, чтобы поверхностно перебегать от одного предмета или дела к другому. Ребёнок, который не владеет своими чувствами и воображением, бывает рассеянным.

Готовясь к беседам с подрастающим поколением, очень важно быть внимательными к словам и очень усердно заниматься русским языком. Исконные русские слова, их корни в большинстве своём восходят к церковнославянскому пласту, они одухотворённые, возвышенны, непосредственно соотносятся с нравственным миром человека. Можно, например, предложить ребятам следующую тему для рассуждения: «Что вы слышите в слове «целомудрие» и почему вы хотите быть целомудренными?» Мы, к сожалению, сейчас мало обращаем внимания на речь и не занимаемся с детьми лексикой, мы не составляем словариков духовных понятий, хотя слово имеет мощнейшую воспитательную силу. Не случайно Иисус Христос говорил о том, что Его апостолы были уже очищены через слово.

В воспитании личности велико значение и печатного слова. Просвещённость русского народа во все времена определялась традицией семейного чтения, которая в наше время сохранилась в многих семьях. В это же время почти в каждом доме ещё хранятся собрания книг русской классической литературы. Восстановлению интереса и любви к семейному чтению могут помочь новые современные формы межсемейного общения.

С целью привития любви к чтению хорошей литературы возможно организовывать детские праздники с участием библиотекарей. Такой опыт есть в нашем приходе. Так, в один из воскресных дней около Храма Рождества Христова к юным прихожанам пришли гости из Центральной библиотеки. На празднике ребята с удовольствием разгадывали загадки из волшебного лототрона, соревновались, кто больше выдует мыльных пузырей, познакомились с книжной продукцией [9].

Святитель Иоанн Златоуст наставлял родителей в том, что нужно ограждать ребенка от низкопотребной литературы, музыки, зрелищ. Следует строго следить, особенно, когда дети научатся грамоте, чтобы в доме не было ни книг, ни журналов, ни картин, которые по своему содержанию и вредны, и могут, если попадутся детям на глаза, осквернить чистоту их чувств и воображения.

Мы против читательской «всеядности». Очень интересно мнение профессора Московской духовной семинарии А. И. Осипова. В одной из своих аудиолекций он, предостерегая, что книги в период отсутствия жёсткой цензуры на них не всегда имеют позитивное влияние, сравнивал процесс чтения с процессом поедания пищи. Алексей Ильич говорит, что если мы съедем что-то не совсем свежее и качественное, то можем отравиться. Также и с прочтением книг. К сожалению, не все книги можно рекомендовать для прочтения молодым людям, многие из них имеют информацию отнюдь не полезную, а даже вредную.

В противовес низкопробной литературе желательнее использовать православную книгу. В России с 2009 г. отмечается общецерковный праздник православной книги. Интересно был отмечен этот праздник в г. Заречном. Усилиями участников православного молодежного общества «Фавор» Центра православного воспитания «Семейный круг» 14 марта 2017 г. была проведена акция «православный буккроссинг» (свободный обмен книгами). Главным правилом акции был следующий принцип – оставить прочитанную книгу в общественном месте для читателя, который, в свою очередь, оставит её для дальнейшего чтения другому любителю книг.

В г. Заречном полки свободного обмена книгами были организованы в торговом центре «Глобус» и на внешней проходной градообразующего предприятия «Старт». В Зареченских книгообменниках, таким образом, появилась православная литература, в частности книга архимандрита (ныне митрополита) Тихона (Шевкунова) «Несвятые Святые и другие рассказы» [5].

В Воскресенском Молитвенном Доме усилиями всего прихода собрана библиотека православной литературы. Дети и родители города имеют возможность взять книгу и почитать её дома в семейном кругу. Большим спросом пользуются у детей книги из серии «Жития всех святых детям». Интересное, доступное изложение и красочные иллюстрации по душе маленьким прихожанам. Взрослые предпочитают книги издательства Сретенского монастыря.

Непременным условием воспитания живым русским словом должно явиться чёткое понимание его значения. В живом русском языке есть одно удивительное слово. Слово это – смысл. Буквально оно означает: быть с мыслью. Каждый из нас ставит тем самым перед собой выбор – с какой мыслью жить, какое сердце иметь. Вне сомнения, каков образ мышления, таковы и действия, поступки и таков образ жизни в целом.

И последнее, очень важное! В настоящее время, когда всё чаще мы относимся к слову очень легкомысленно и сначала говорим, а потом думаем о сказанном, следует относиться к нему как к явлению материальному, по важности и силе не уступающему практическому действию.

Вспомним стихотворение великого русского поэта А. С. Пушкина «Пророк» (1826 г.):

«Восстань, Пророк, и виждь, и внемли,

Исполнишь волею моей

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей» [12, с. 154].

Слово «глагол», согласно «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля имеет значение речи, слова [16]. В современном толковании глагол – это часть речи, обозначающая действие предмета. Думается, что в таком контексте видна связь слова и дела, понимание слова как некоего действия. К сожалению, такое понимание слова сегодня утрачивается.

В заключение отметим, что слово имеет великую воспитательную силу. Это педагогическое средство формирования личности следует беречь, сохраняя его одухотворённость и возвышенность. В своей книге «Живое русское слово» лингвист Г. В. Судаков призывает «перенять всё лучшее из уклада жизни наших предков» (с. 4). Исподволь он задает тревожный вопрос: «Каким же будет слово – искалеченным, простецким, чихлым? А может быть, всё же сочным, богатым и живым...» [6]. А это, в конечном счете, обеспечит уровень нашей воспитанности и образованности.

Литература

1. Артемий Владимиров, свящ. Уроки целомудрия как основа нравственного воспитания. [Электронный ресурс] // URL: http://warrax.caesarion.ru/warrax.net/58/celom_k.htm (дата обращения: 04.08.2018).

2. Аскетические опыты. Том 1. [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/tom1_asketicheskie_opyty/7(дата обращения: 26.07.2019).

3. Вера православная. [Электронный ресурс] // URL: <http://verapravoslavnaaya.ru/?Pravoslavie-alfavit> (дата обращения: 26.07.2019).

4. Гумилев Н. Слово. [Электронный ресурс] // URL: <https://rustih.ru/nikolaj-gumilev-slovo/> (дата обращения: 26.07.2019).

5. День православной книги в Заречном [Электронный ресурс] // URL: <http://zarechchristmas.cerkov.ru/2017/03/17/5050/> (дата обращения: 30.07.2018).
6. Живое русское слово. [Электронный ресурс] // URL: <https://pravoslavie.ru/63.html> (дата обращения: 26.07.2019).
7. Именно в школе нам впервые открывается словарь как ценность и родной язык как достояние. Яфилолог и философ В.В. Семенов в программе «Словарь». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.grad-petrov.ru/broadcast/imЕННО-v-shkole-nam-vpervye-otkryvaet/>(дата обращения: 04.08.2018).
8. Кураев А. Ответы молодым. – Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2005. – 288 с.
9. Лето. Каникулы. Праздник [Электронный ресурс] // URL: <http://zarechchristmas.cerkov.ru/2017/06/29/5527/> (дата обращения: 30.07.2018)
10. Миловатский В.С. Об экологии слова. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kladina.narod.ru/milovatskiy/milovatskiy.htm> (дата обращения: 26.07.2019).
11. Опоры русского человека – православие и родной язык [Электронный ресурс] // URL: <http://tz-online.ru/index.php/ru/sotsialnaya-sfera/679-opory-gusskogo-cheloveka-pravoslavie-i-rodnoj-yazyk> (дата обращения: 04.08.2018).
12. Пушкин А.С. Стихотворения. – М., Худож. лит., 1983. – 255 с.
13. Сквернословие. [Электронный ресурс] // URL: http://www.skvernoslovie.narod.ru/staty/hitrie_sety.html (дата обращения: 26.07.2019).
14. Слово – обоюдоострый меч! [Электронный ресурс] // URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4995290/post403100651> (дата обращения: 26.07.2019).
15. Судьба русского народа в прошлом, настоящем и будущем. [Электронный ресурс] // URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/05/14/sudba_russkogo_naroda_v_proshlom_nastoyawem_i_buduwem/(дата обращения: 26.07.2019).
16. Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс] // URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 26.07.2019).

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ**

Т.В. Склярова

доктор педагогических наук, профессор,
декан педагогического факультета,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Москва, Россия

В статье формулируется проблема изучения образовательной деятельности современного религиозного объединения на примере Русской Православной Церкви. Обосновывается актуальность и востребованность для современной отечественной педагогики исследования ключевых факторов влияния образовательной деятельности религиозных объединений на современные социальные практики. Приводится характеристика событий реализованных в России по инициативе представителей РПЦ во взаимодействии с государственной и муниципальными системами образования в период с 1990 по 2015 годы, обозначаются критерии выбора хронологических рамок исследования. Описание дизайна дальнейших исследований выявленной проблемы ведётся с позиций уровневой представленности образовательной деятельности РПЦ: начальное православное образование, выраженное деятельностью приходских воскресных школ, разнообразных катехизаторских и миссионерских программ и курсов, православных общеобразовательных школ, гимназий и лицеев; средний уровень общего образования (рассматривается процесс включения в содержание образования предметов, связанных с изучением истории и культуры Православия), уровень профессионального православного образования, представленный системой духовных учебных заведений (рассматривается деятельность духовных училищ, семинарий, академий, православных университетов, кафедр теологии в государственных вузах). В заключении делается вывод о целесообразности составления хронологических таблиц развития образовательной деятельности РПЦ в изучаемый период и обозначается проблема разработки критериев отбора фактов.

Ключевые слова: религиозное образование, образовательная деятельность религиозных объединений, православное образование, история педагогики и образования.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00228

EDUCATIONAL ACTIVITY OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE CONTEXT OF THE MODERN HISTORY OF RUSSIAN PEDAGOGY

Tatiana Sklyarova

St. Tikhon's Orthodox University
Moscow, Russia

The article formulates the problem of studying the educational activities of modern religious associations by the example of Russian Orthodox Church. The urgency and relevance of studying the key factors of the influence of religious associations' educational activity on modern social practices for modern domestic pedagogy is proved. The characteristics of events initiated by the representatives of ROC in interaction with the state and municipal systems of education and held in Russia from 1990 to 2015 are provided, selection criteria of the chronological framework of the research are designated. The description of the design of further research is conducted from the standpoint of the level representation of the educational activities of ROC: primary Orthodox education, represented by the activities of parish Sunday schools, a variety of catechism and missionary programs and courses, Orthodox comprehensive schools, gymnasiums and lyceums, the secondary level of general education (the process of including subjects related to the study of the history and culture of Orthodoxy in the curriculum is considered), the level of professional Orthodox education represented by the system of theological educational institutions (the activity of theological colleges, seminaries, academies, Orthodox universities, departments of theology in public universities is considered). In the end, the conclusion is drawn stating the expediency of making up chronological tables illustrating the development of educational activities of ROC during the period under study and the problem of developing data selection criteria is indicated.

Keywords: religious education, educational activity of religious associations, Orthodox education, history of pedagogy and education.

Новейшая история отечественной педагогики обусловлена смелой идеологической и социокультурного базисов организации системы образования, произошедшими в последней четверти XX века и повлекшими за собой ряд существенных изменений. В качестве одного из важных изменений, произошедших в российском образовательном пространстве и в целом – в отечественной педагогике, можно назвать отмену запретов на ведение религиозными объединениями образовательной деятельности в обществе и государстве (Законы: «О свободе совести и религиозных организациях» (СССР, 1 октября 1990 года) и «О свободе вероисповеданий» (РСФСР, 25 октября 1990 года).

Новые возможности, которые появились у представителей религиозных организаций в начале 90-х годов XX века, обусловили создание альтернативных подходов к гуманитаризации образования, основанных на религиозных мировоззренческих и антропологических позициях и нацеленных на включение в педагогическую теорию и практику ценностей религиозных традиций и культур.

Исследование феномена становления и развития образовательной деятельности религиозного объединения актуально и востребовано для современной отечественной педагогики по следующим причинам:

- деятельность современных религиозных объединений в России оказывает определённое влияние на процессы, происходящие в обществе в целом и в образовании в частности;

- степень изученности этого явления не позволяет систематизировать имеющиеся данные, что затрудняет выявление его тенденций и закономерностей;

- определение ключевых факторов влияния образовательной деятельности религиозных объединений на современные социальные практики позволит выявить имеющиеся ресурсы развития педагогической теории и практики.

Наибольшее количество инициатив в сфере образования и взаимодействия с государственными и муниципальными образовательными учреждениями в указанный период принадлежит Русской Православной Церкви (далее – РПЦ). Назовем ключевые события, которые, на наш взгляд, определили развитие как религиозной педагогики в России в новейшее время, так и оказали определённое влияние на развитие отечественных образовательных практик в целом.

Так, по инициативе представителей РПЦ в конце 90-х годов XX века в рамках школьного или регионального компонента содержания образования в отдельных государственных и муниципальных образовательных учреждениях среднего образования начинается преподавание предметов, нацеленных на знакомство с историей и традицией Православия в России. В 1999 году приказом министра образования РФ создается координационный совет по взаимодействию Министерства образования РФ и Московской Патриархии РПЦ (приказ №58 от 01 июля 1999г)². В 2002 году министром образования РФ органам управления образованием субъектов было направлено рекомендательное письмо о содержании учебного предмета «Православная культура», получившем оформление в опыте изучения культуры Православия в общеобразовательных школах преимущественно в формах факультатива или в рамках регионального компонента образования³. В начале 2000-х годов православным научным сообществом инициируется разработка конфессионально-ориентированных образовательных стандартов высшего образования по научному направлению «теология» и открытие кафедр теологии в высшей школе. В 2007 году по инициативе представителей РПЦ организуется проведение общероссийской конференции «Государственные образовательные стандарты нового поколения в контексте формирования нравственных и духовных ценностей обучающихся» (Калуга, 20 – 21 декабря 2007 года) с участием министра образования, науки и культуры РФ А. А. Фурсенко, специалистов Российской академии образования, академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, региональных институтов повышения квалификации работников образования, епископата и духовенства РПЦ. На конференции получили обсуждение проблемы введения новых образовательных стандартов общего образования и включения в них образовательной области «Основы духовно-нравственных культур народов России». Продолжением начатого обсуждения стала встреча президента РФ Дмитрия Медведе-

² Приказ «О создании координационного совета по взаимодействию Министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской Православной Церкви» // <http://docs.cntd.ru/document/58862681> (дата обращения 01.10.2019)

³ Примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура» / Приложение к письму Министерства образования РФ органам управления образованием субъектов РФ от 22 октября 2002 г. № 14-52-875 ин/16 // <http://docs.cntd.ru/document/901948205> (дата обращения 01.10.2019)

дева с лидерами традиционных религиозных объединений России 21 июля 2009 года: «Президент России Дмитрий Медведев принял решение поддержать идею преподавания в российских школах предметов по основам религий. Он заявил об этом 21 июля на специальном совещании, в котором приняли участие ... Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, глава Администрации Президента Сергей Нарышкин, первый заместитель руководителя Администрации Президента Владислав Сурков, министр обороны Антолий Сердюков, министр образования и науки Андрей Фурсенко, председатель Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин, глава Координационного центра мусульман Северного Кавказа муфтий Исмаил Бердиев, председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, главный раввин РФ Берл Лазар, председатель Буддийской традиционной сангхи РФ Дамба Аюшев»⁴. Принятые на совещании решения были реализованы в организованном Министерством образования и науки РФ в 2009/2010 учебном году эксперименте по введению в содержание образования комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» сначала в 19, затем 22 регионах РФ. В ходе эксперимента издательством «Просвещение» для учащихся 4-5 классов были подготовлены шесть учебных пособий: по четырём религиозным культурам (православие, ислам, буддизм, иудаизм), светской этике и мировым религиозным культурам. На экспериментальную апробацию были вынесены процедура выбора учебного предмета в рамках данного комплексного курса, программы повышения квалификации работников образования, содержание учебных пособий по данному курсу. В 2011 году практика преподавания данного учебного курса была признана успешной и решением Департамента политики в сфере общего образования Минобрнауки РФ было проведено совещание представителей органов исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющих управление в сфере образования, по итогам которого были разработаны и направлены в регионы инструктивно-нормативные материалы и методические рекомендации «Об обучении основам религиозных культур и светской этики в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации» для учителей и организаторов ведения курса⁵. С 2012 года практика преподавания комплексно-

⁴ Президент России Дмитрий Медведев встретился с лидерами религиозных организаций // <http://e-vestnik.ru/society/medved220809/> (дата обращения 01.10.2019)

⁵ О введении учебного курса ОРКСЭ // <http://docs.cntd.ru/document/902384503> (дата обращения 01.10.2019)

го учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» в 4 классе стала повсеместной в системе общего образования России.

Названные факты развития отечественного образования, являясь составной частью его истории, нуждаются в систематизации и обобщении. Разработка методологии исследования новейшей образовательной деятельности религиозных объединений (на примере РПЦ) позволит собрать и систематизировать данные, зафиксированные документально и полученные от непосредственных участников событий (т. н. «устная история», позволяющая детализировать, раскрывать, либо интерпретировать имеющиеся документальные материалы). Составление хронологии образовательной деятельности РПЦ в период с 1990 по 2015 год позволит отразить динамику возрождения религиозного образования в России. Хронологические рамки планируемого исследования обусловлены принятием в 1990 году нового «Закона о свободе совести» (нижняя граница исследования), создавшим условия для ведения образовательной активности религиозных объединений, и началом системной работы руководства РПЦ по реформированию православного религиозного образования в 2015 году (верхняя граница исследования). Массовое учреждение сотен образовательных организаций РПЦ в России в названный период – от дошкольного до высшего уровня образования – определило контуры нашего исследования. Содержательная часть данного исследования связана с изученной нами и описанной ранее системой православного образования в современной России⁶ и представляет последовательное изучение становления четырёх уровней образования: начального, основного, профессионального и уровня научной подготовки. Изучение образовательной деятельности РПЦ будет обращено к сбору информации по принципу уровневого деления образования – от начального православного образования (приходские воскресные школы, разнообразные катехизаторские и миссионерские программы и курсы, православные общеобразовательные школы, гимназии, лицеи), далее – средний уровень общего образования и включение в него предметов, связанных с изучением истории и культуры Православия, и завершая уровнем профессионального православного образования, представленного системой духовных учебных заведений (духовные училища, семинарии, академии, православные университеты, кафедры теологии в государственных вузах).

⁶ Складорова Т. В. Православное образование в современной России: структура и содержание. // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. – 2016. – № 1. – С. 9–16.

Изучение каждого из уровней представленности православного образования целесообразно оформить в виде хронологических таблиц, отражающих ключевые факты развития образовательной деятельности РПЦ в изучаемый период. Решение данной задачи связано с выявлением критериев, которые будут определяющими для отбора и последующего включения той или иной информации в хронологию изучаемого процесса. В качестве имеющихся аналогов хронологического описания социокультурных процессов в истории России нами выбраны пять книг «Летописи российского кино»⁷ и три книги «Истории становления Пензенской юридической школы»⁸. Анализ составления хронологии развития отечественного кино, принципы отбора информации по истории региональной юридической школы позволят нам по аналогии выявить критерии отбора фактов и определить порядок оформления хронологии развития образовательной деятельности РПЦ. Последующее диахроническое их сопоставление с аналогичными фактами, отражающими динамику развития отечественного образования, позволит выявить направления и степени взаимодействия, взаимовлияния данных процессов на развитие социальных практик в отечественном образовании и в целом – на историю отечественной педагогики.

Литература

1. История становления Пензенской юридической школы: Книга 1: Полиция. Суд. Тюрьма / Юридическая энциклопедия Пензенской области. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016.

⁷ Летопись Российского кино, 1863-1929 / общ. ред. В.И.Фомин, отв.ред. А.С.Дерябин, сост. В.Е.Вишневецкий - М.: ООО «Материк», 2004.- 699 с.

Летопись Российского кино, 1930-1945 / автор и рук. проекта В.И.Фомин, сост. В.Е.Вишневецкий и др. - М.: Канон+: Реабилитация, 2017.- 959 с.

Летопись Российского кино 1946-1965: Научная монография / отв. ред. А.С.Дерябин.- М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010.- 694 с.

Летопись Российского кино 1966-1980: Научная монография / отв. ред. В.И.Фомин.- М.: РООИ «Реабилитация»: Канон+, 2015.- 688 с.

Летопись российского кино. 1981-1991: монография / отв. ред. В.И.Фомин.- М.: РООИ «Реабилитация», 2016.- 736 с.

⁸ История становления Пензенской юридической школы: Книга 1: Полиция. Суд. Тюрьма / Пенза: Изд-во ПГУ, 2016.- 222 с.

История становления Пензенской юридической школы: Книга 2: Прокуратура. Следственный комитет. Органы госбезопасности / Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. – 224 с.

История становления Пензенской юридической школы: Книга 3: Юридическая школа. Нотариат. Судебные приставы. Адвокатура. /Юридическая энциклопедия Пензенской области. - Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – 204 с.

2. История становления Пензенской юридической школы: Книга 2: Прокуратура. Следственный комитет. Органы госбезопасности / Юридическая энциклопедия Пензенской области. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2017.

3. История становления Пензенской юридической школы: Книга 3: Юридическая школа. Нотариат. Судебные приставы. Адвокатура. /Юридическая энциклопедия Пензенской области. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – 204 с.

4. Летопись Российского кино, 1863-1929 / Общ. ред. В. И.Фомин, Отв.ред. А. С.Дерябин, сост. В.Е.Вишневский - М.: Материк, 2004. – 700 с.

5. Летопись Российского кино, 1930–1945 / Автор и рук. проекта В.И.Фомин, сост. В.Е.Вишневский и др. - М.: Канон+: Реабилитация, 2017. – 960 с.

6. Летопись Российского кино 1946–1965: Научная монография / Отв. ред. А.С.Дерябин.- М.:Канон+, Реабилитация, 2010. –694 с.

7. Летопись Российского кино 1966–1980: Научная монография / Отв. ред. В.И.Фомин.- М.: Реабилитация: Канон+, 2015. – 688 с.

8. Летопись российского кино. 1981–1991: Монография / Отв. ред. В.И.Фомин. – М.: Реабилитация, 2016. – 736 с.

9. О введении учебного курса ОРКСЭ // <http://docs.cntd.ru/document/902384503> (дата обращения 01.10.2019).

10. Приказ «О создании координационного совета по взаимодействию Министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской Православной Церкви» // <http://docs.cntd.ru/document/58862681> (дата обращения 01.10.2019).

11. Примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура» / Приложение к письму Министерства образования РФ органам управления образованием субъектов РФ от 22 октября 2002 г. № 14-52-875 ин/16 // <http://docs.cntd.ru/document/901948205> (дата обращения 01.10.2019)

12. Президент России Дмитрий Медведев встретился с лидерами религиозных организаций // <http://e-vestnik.ru/society/medved220809/> (дата обращения 01.10.2019).

13. Склярова Т.В. Православное образование в современной России: структура и содержание. // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. – 2016. – № 1. – С. 9–16.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ

УДК: 940.1

ЦЕРКОВЬ И ЯЗЫЧЕСТВО В АНТИОХИИ ВО ВРЕМЕНА СЛУЖЕНИЯ СВТ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА: АСПЕКТЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

А. В. Горайко

Кандидат богословия
Пензенская духовная семинария
Пенза, Россия

В кон. IV – нач. V в. во внутренней жизни Византийской империи происходили глубокие процессы по христианизации общества. Желание центральной власти сделать как можно больше своих подданных членами Церкви неминуемо привело к столкновению с интересами представителей прежней доминирующей религиозной силы – язычества. Пример общественной жизни Антиохии на основе письменного наследия свт. Иоанна Златоуста даёт нам возможность точнее представить себе тот путь, который проделала Византия, прежде чем стать христианской державой.

Ключевые слова: Иисус Христос, Антиохия, язычество, Церковь, Византия, мегаполис, культ, Златоуст, Либаний, театр, ипподром.

CHURCH AND PAGANISM IN ANTIOCH AT THE TIME OF ST. JOHN CHRYSOSTOM'S SERVICE: ASPECTS OF COEXISTENCE

Andrey Gorayko
PhD in Theology
Penza Theological Seminary
Penza, Russia

At the turn of the Vth century deep processes of Christianization of the society took place in the internal life of the Byzantine Empire. The central

government's desire to make as many of its subjects as possible the members of the Church inevitably led to a clash with the interests of the former dominant religious force, paganism. The example of Antioch's social life on the basis of St. John Chrysostom's written heritage gives us an opportunity to more accurately imagine the path that Byzantium took before becoming a Christian power.

Keywords: *Jesus Christ, Antioch, Paganism, Church, Byzantium, megapolis, cult, Chrysostom, Libany, theater, hippodrome.*

В кон. IV – нач. V в. Византийская империя представляла собой централизованную военно-бюрократическую монархию. Она унаследовала основные черты государственного строя Поздней Римской империи, сочетавшего в себе традиции римского государственного устройства с элементами восточной деспотии.

Среди крупных центров страны этого времени особенно выделялись Константинополь – по своей роли для балканских и малоазийских провинций империи, Антиохия – город, через который велась вся караванная торговля с Востоком, и Александрия – важнейший центр ремесленного производства на юге империи и главный центр морской торговли с восточными странами.

В бурно росшем в IV–V вв. Константинополе, по самым скромным подсчетам было до 100, а в конце V в. – до 150 тысяч жителей [№ 1, с. 101]. В старых городах Востока – Антиохии и Александрии – население было ещё более многочисленным. Так, в Антиохии в IV–V вв. насчитывали до 200 тыс. жителей [2, р. 310].

В это время язычество представляло собой еще внушительную общественную силу [3, с. 110]. Эпоха толерантного отношения императоров к язычникам в течении целых 18-ти лет (364–382 гг.), обеспечила им и спокойное существование, и сравнительную целостность дорогого им культа [4, с. 589].

В тоже время, Римская государственность и общественность, став официально под знамя креста Христова, сразу привели в лоно Церкви множество таких членов, которые приняли христианство только по имени, а по духу и по жизни ещё оставались настоящими язычниками [Ср.: № 5, с. 14]. Отсюда роль и показательность не столько вероисповедной, сколько социально-политической позиции граждан. В массе населения она находила выражение в сохранении приверженности части населения к язычеству, обретавшему оппозиционный характер

по мере того, как христианство всё более превращалось в религию господствующей элиты государства.

Во имя сохранения политического равновесия римские василевсы вводили незначительные ограничения в сфере религиозного ритуала язычников. В остальном же приверженцы старых культов пользовались полной свободой обнаружений своих религиозных верований [5, с. 14].

Что касается Антиохии, где во II пол. IV в. активно занимался миссионерской деятельностью святитель Иоанн Златоуст (341(7)–407 гг.) [6, р. 285], то здесь язычество довольно быстро стало утрачивать свои позиции. До II– III вв. в этом мегаполисе проживало уже значительное число христиан. А окончательный перелом настроений населения в пользу Христовой Церкви произошел в конце III – нач. IV вв. [7, с. 246].

В середине IV ст. влияние язычества ослабело и за пределами Антиохии, но всё ещё ощущалось в 80-е гг. IV вв. [8, р. 225]. Подтверждением этому служат события восстания жителей мегаполиса в 387 г. и ответные действия епископа Флавиана, которые были описаны Хризостомом в «Пяти словах об Анне». Результатом активной позиции антиохийского иерарха стало увеличение числа новообращённых жителей округа города [9, Бес. 1. с. 778, PG T. 54. Col. 634].

Язычество особенно долго пользовалось поддержкой в кругах влиятельных членов городской общины Антиохии. Это видно из переписки знаменитого современника Златоуста – языческого ритора Либания (ок. 314– 393 гг.) [10, р. 1222], в которой среди его единомышленников можно найти и имена членов наиболее знатных семей мегаполиса [8, р. 226].

В Антиохии часть куриалов (членов городского управления) в течение всего IV в. активно выступавшая за сохранение язычества, в области политической идеологии придерживалась самой консервативной программы, требуя возврата к старым, доконстантиновским порядкам [7, с. 183]. Одним из видных идеологов этой части куриалов в Антиохии и был ритор Либаний. Язычество было для этой части муниципальной аристократии выражением протеста против усиливавшейся власти чиновно-бюрократического аппарата, ограничения политических прав курий. В Антиохии могло быть и так, когда в одной семье жили сторонники и христианства, и прежних культов [8, р. 226]. Правда, на протяжении IV в. мы уже не встречаем в Антиохии острых конфликтов христиан и язычников, которые ещё имели место в дру-

гих городах империи. К этому моменту Иисуса Христа исповедовало Богом подавляющее большинство антиохийского населения [См., напр.: № 11, с. 34. § 362. В-С]. Интеллектуальное же язычество просуществовало до V века, а затем растворилось в истории [8, p. 226].

Большинство антиохийцев, гордившихся своим духовным родством с христианами, которые первыми удостоились такого названия, жили в обстановке, где всё напоминало о языческом прошлом их родного города [12, p. 110]. При этом они жили в мире с язычниками, разделяя общую материальную культуру и многие из ежедневных обязанностей и дел [13, с. 246. PG T. 61. Col. 207].

Однако чёткого разделения на принадлежность к той или иной религиозной общине тогда не существовало. Жители Антиохии, исповедующие себя христианами, одной рукой творили крестное знамение, а другой тянулись к языческим обрядам. Многие формы магии всё ещё оставались надёжными спутниками христиан от колыбели до могилы [14, с. 689. Col. 552], так что Церковь и государство вынуждены были ограничивать законами увлечение магией [15, с. 383].

Одним из проявлений языческого присутствия в жизни полиса были зрелища. Прежде всего, это был театр, где уже не занимали никакого места ни древняя трагедия, ни комедия классических времён.

В Антиохии театров было два – один в самом городе на склоне Сильфия, другой в пригороде Дафна. Оба вмещали по несколько тысяч человек [7, с. 257]. До IV в. в театральные репертуар входили почти все античные трагедии и комедии Эсхила, Еврипида, Софокла, Менандра [16, с. 452–454. LXIV. 57. 10]. В IV в. интерес к этим постановкам, воспитывавшим высокие гражданские чувства, все более пропадает [7, с. 257]. При этом заметно усилилось стремление к более простым, примитивным, не имеющим такого гражданского звучания видам зрелищ. Все большую популярность стали завоевывать грубые комические выступления канатных плясунов, мимов, акробатов, дрессированных зверей, фокусников [17, с. 34. § 344. См. также: 18, с. 74-75. III. 11].

Для театральных представлений была характерна импровизация. У мимов была канва сюжетов, отдельные заготовки, но они всегда могли, руководствуясь вкусами или обстоятельствами, вносить изменения, добавления и исправления. Использовались сценические эффекты и техника, характерная для классического театра. Части сцены или предметы могли неожиданно освещаться, люди – внезапно появляться и исчезать. Гремел гром, падал град, появлялось облако, пылал костер [19, с. 108]. Содержание мимических пьес было про-

стым и опиралось на будничную жизнь или мифологию, преподносившуюся в пародийном стиле. Главное внимание уделялось не интриге, а изображению характеров. Набор типов был довольно однообразным. Тёща, которая является грозой для зятя или его любовницей, вдова, скряга, пьянчужка, мачеха, влюбленная в пасынка, старая ведьма, сводница, гадалка, трактирщица – вот тот круг персонажей, который постоянно повторялся в пьесах [Там же, с. 107].

Пантомим представлял собой сольный танец, как правило, на мифологические сюжеты. Актёры (как мужчины, так и женщины) должны были обладать красотой, незаурядной фантазией, силой и пластичностью. Особую роль, вероятно гораздо большую, чем в современном балете, играли руки, которыми могла передаваться самая сложная гамма чувств. По выражению византийцев, хорошие актеры говорили своими руками. Представление сопровождалось музыкой, иногда пением [Там же, с. 106].

Христианская Церковь с давних пор выражала своё негативное отношение к различным видам народных увеселений, в т. ч. и к актёрскому ремеслу [20, с. 121]. Чтобы выйти из положения, светской христианской властью был придуман следующий ход: крещение актёра стали отлагать до конца его жизни [20, с. 121]. Государственная власть признавала право мимов на существование и своё разрешение этого вида «смехотворных искусств» мотивировала опасением – «чтобы чрезмерное ограничение этого вида забав не порождало тоски жизни» [Там же, с. 122]. Все виды народных празднеств и увеселений, в т. ч. и те, история существования которых уходила в глубокую древность, получили статус светского учреждения. Одновременно с этим они получили и поддержку государственной власти, которая выражалась, в частности, и в виде финансовой помощи со стороны императорского казначейства [Там же, с. 121].

Чрезвычайная известность, которой пользовался весь персонал цирков и театров, есть лучшее доказательство того большого значения, которое имели игры и зрелища в жизни того времени [21, Бес. 9. с. 181. Col. 188]. Но главное место в жизни горожан занимал не столько театр, сколько зрелища, происходившие на ипподроме [22, с. 719. Col. 570].

Ипподром пришел на Восток из Рима, но нашёл здесь таких многочисленных и страстных поклонников, что стал почти синонимом и одним из самых необходимых условий городской цивилизованной жизни [19, с. 109]. В Антиохии ипподромов как и театров тоже было

два [23, с. 273]. Увлечение было всеобщим. Уже накануне обсуждались предстоящие бега, взвешивались шансы тех и других возничих. Много места в разговорах отводилось лошадям, родословную которых знали наизусть. В день зрелищ все с утра спешили в цирк. Казалось, что весь город переселяется туда [№ 9, Бес. 4. с. 811. Col. 661]. Дома и площади пустели. В Антиохии не только цирк, но и кровли домов и возвышенные места, прилегающие к цирку, занимались людьми. Азарт в равной степени овладевал и молодыми, и стариками. Жара, теснота, крики, толкотня – «ничто не портило им настроения, они были веселы, как на лугу» [9, Бес. 4. с. 811. Col. 661].

На ипподроме зрителям предлагались самые разнообразные зрелища. Гладиаторские бои стали уже редкостью, но ещё существовали всякого рода гимнастические упражнения, прежде всего борьба [19, с. 111].

Византийцы любили экзотических животных и приходили в восторг, когда их показывали на ипподроме. Бои с животными, сопровождавшиеся жестокостью и бесчеловечностью, продолжали устраиваться, но они уже не имели такого размаха, как в Риме [Там же].

Антиохия и вообще вся Сирия славилась бегами: особенно знамениты были бега в Лаодикее, Берите, Тире, Цезарее. Из Лаодикеи были лучшие возницы, из Тира и Берита – актёры, из Цезареи – танцоры. Не довольствуясь местными средствами, антиохийская знать искала в далёких странах блестящие упряжки для устраиваемых ею праздников: квадриги выписывались из Испании [24, с. 275]. Возничих боготворили. Им воздвигали памятники, посвящали эпиграммы. Семь памятников было воздвигнуто Порфирию из Александрии, один из них – из позолоченной бронзы. Возничему Уранию воздвигли памятник из чистого золота, что было по тем временам большой редкостью. Этот красовался в Константинополе, в то время как Юстиниану был воздвигнут памятник из бронзы, а императору Анастасию – из железа [19, с. 114]. Не забывали и коней. На мозаиках и барельефах памятников возничих традиционно изображали с квадригой коней, над которыми нередко надписывали их имена. Этот сюжет был настолько распространён, что его изображали даже на бытовых предметах: светильниках, рукоятках ножей и на различных сосудах [Там же].

Ипподром и цирк с кон. IV – нач. V вв. становятся центром разгорающейся политической борьбы группировок – «партий», борьба которых неизбежно принимала определённую религиозную окраску [7, с. 260], поэтому Церковь хотя бы и косвенно, но была в это тоже во-

влечена. И если свт. Иоанн Златоуст во второй половине IV в. с амвона ещё гневно клеймил всех мирян, посещающих зрелища [9. Бес. 4, с. 810. Col. 660], то Антиохийский епископ Порфирий (404–413 гг.) [25, с. 686] уже спокойно присутствовал на конских ристаниях, а правительство, озабоченное поддержанием духовного авторитета Церкви, вынуждено было удерживать клириков от слишком активного участия в «суетных мирских делах» вокруг зрелищ [7, с. 260].

Из языческих праздников, имевших ярко выраженный характер, дольше всего сохранялась Майума – веселое празднество, сопровождавшееся пирушками и водными играми в Оронте [21. Бес. 18, с. 210. Col. 187], и торжества в честь Диониса, связанные с окончанием уборки урожая, а также новогодние календы [8, р. 226]. Церковь прилагала немало усилий, чтобы добиться запрещения Майумы. Нам известно, что Правительство в течение IV в. несколько раз запрещало Майуму [7, с. 260].

По словам Златоуста, театр сделался в полном смысле «школой разврата» и таким местом, где втаптывалось в грязь всё дорогое и священное для порядочного человека: религия, добродетель, семейные узы – всё это подвергалось посмеянию и поруганию на сцене, а об общественном долге не было и речи [21. Бес. 17, с. 192. Col. 176]. С одной стороны, наряды, шум, блеск, частая праздность толпы, наводнявшей театры и цирки, развивали зависть, мелочное соперничество, а с другой – театральные представления вносили большую дозу деморализации в общество, так как они всегда адаптировались грубому вкусу толпы. Здесь необходимо прибавить, что представления деморализовывали и представителей власти, так как чиновники часто из-за зрелищ забывали свои прямые обязанности и целые дни проводили в цирках и театрах.

Такое страстное отношение к зрелищам сказывалось и на посещении богослужений и на нравственности горожан [26, р. 17]. Количество прихожан в такие дни резко уменьшалось [27, с. 556. Col. 756]. Отсутствие у антиохийских горожан сознания гражданской ответственности, любовь к легкомысленным развлечениям и высокая степень недовольства и агрессивности были отмечены еще императором Юлианом [17, с. 19. § 344. В]. Ничего здесь не изменилось и при Златоусте [28, с. 457. Col. 460-461].

Следует отметить ещё один негативный аспект, вытекающий из существования в Антиохии театра и ипподрома. Дело в том, что вокруг таких зрелищ группировались люмпен-пролетарские слои горо-

жан. Их существование в городе крайне негативно воспринимается Златоустом [21. Бес. 3, с. 44. Col. 48] и Либанием, который насчитывал их около 400 человек [7, с. 179]. Кроме того, что присутствие большого количества такого рода людей было источником социальной напряжённости, теперь эти люди стали играть и значительную роль в политической жизни города. Если одни из них пристраивались при домах отдельных представителей знати, то другие – прямо вокруг зрелищ, торгуя своими «голосами» по 3 обола за «голос», чем обеспечивали себе пропитание [21. Бес. 17, с. 196-197. Col. 176-177].

В IV в., когда курия уже утратила монопольное господство в жизни города и попала под контроль имперской администрации, борьба политических группировок развернулась с особой силой. Широко используемым приёмом стала демагогическая апелляция к массам, вовлечение в борьбу группировок люмпен-пролетарских масс города, клик театра и ипподрома, подкупленное мнение которых выдавалось за выражение мнения «народа» [7, с. 181].

Таким образом, на примере такого города, как Антиохия, мы видим, что процесс христианизации в ранней Византии не был однозначным. Во II пол. IV ст. Церковь уже не испытывала прежнего давления всей мощи карательного аппарата императорской власти и получила долгожданную возможность свободно реализовывать свою миссию. В этот период христиане и сторонники религиозной традиции языческого прошлого мирно сосуществуют в мегаполисе.

Угасающая религия предков ещё сохраняла свои внешние атрибуты, имела своих сторонников среди представителей разных общественных сословий, в т. ч. и среди интеллектуальной элиты и знати, ежедневно напоминала горожанам о своём недавнем доминировании через многочисленные городские скульптуры, символы и знаки в архитектурных строениях прошлого, укоренившиеся традиции. Важное место в жизни мегаполиса по-прежнему занимали популярные ранее такие учреждения, как театр и ипподром.

На фоне постепенного угасания языческого культа происходил внешний рост христианской общины Антиохии. Однако этот процесс сопровождался появлением ранее неизвестных вызовов, попытками новых членов Церкви привнести в жизнь языческие верования и обряды.

В целом можно отметить, что внешние успехи империи по христианизации своих граждан сопровождались большой внутренней борьбой разросшейся общины с остатками язычества за право сохра-

нить ясность понимания и толкования учения Иисуса Христа в новых условиях существования.

Литература

1. Курбатов Г. Л. Города, ремесло и торговля в Византии IV-VI вв. Константинополь и провинции // История Византии: В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина и др. М.: Наука, 1967. – Т.1.
2. Petit P. Libanius et la vie municipale a Antiochean IV siecle après. J. C. Paris: Geuthner, 1955.
3. Thummel H. G. Die Kirche des Osten im 3. und 4. Jahrhundert: In 2 Aufl. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1988. – Aufl. 1.
4. Чернявский Н. Ф. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. – Сергиев Посад: Св.-Тр. Серг. Лавра, 1913. VIII.
5. Писарев Л. Св. Иоанн Златоуст и его время. – Казань: Центральная тип., 1907.
6. Chrysostom, st. John // The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. – Oxford: University press, 1974.
7. Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). – Л.: ЛГУ, 1962.
8. Greenslade S. L. Church and State from Constantine to Theodosius. – L.: SCM Press LTD, 1954.
9. Иоанн Златоуст, свт. Пять слов об Анне // Полное собрание творений. СПб.: СПбДА, 1898. – Т. 4. – Кн. 2.; – PG. Т. 54.
10. Baldwin B. Libanios // The Oxford Dictionary of Byzantium. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1991. – Vol. 2.
11. Юлиан, император. Речь к антиохийцам или Мисопогон («Враг бороды»): Пер. с греч. Нежин: Б. и., 1913.
12. Downey G. Antioch in the age of Theodosius the Great. – Norman: Univ. of Oklahoma press. 1962.
13. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на первое послание к Коринфянам. Беседа двадцать пятая // Полное собрание творений. СПб.: СПбДА, 1904. – Т. 10. – Кн. 1; – PG. Т. 61.
14. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на первое послание к Тимофею. Беседа десятая // Полное собрание творений. СПб.: СПбДА, 1905. – Т. 11. – Кн. 2.; – PG. Т. 62.
15. См. об этом: Цололо А. Идея мира в творениях святого Иоанна Златоуста. Курсовое сочинение. – Л.: ЛДА, 1960.

16. Либаний. К Аристиду за плясунов // Речи. – Казань: Императ. ун-т, 1916. – Т. 2. LXIV.
17. Юлиан, император. Речь к антиохийцам или Мисопогон («Враг бороды»): Пер. с греч. Нежин Б. И., 1913.
18. Либаний. К юношам о слове // Речи. Казань: Императ. ун-т, 1916. – Т. 2.
19. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. – Свердловск: Уральск. ун-т, 1989.
20. Кулаковский Ю. История Византии (395-518 гг.). – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2003. – Т. 1.
21. Иоанн Златоуст, свт. Беседы к антиохийскому народу о статуях // Полное собрание творений. – СПб.: СПбДА, 1899. – Т. 2. – Кн. 1. – PG. Т. 49.
22. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на послание к Римлянам. Беседа семнадцатая // Полное собрание творений. – СПб.: СПбДА, 1903. – Т. 9. Кн. 2.; – PG. Т. 60.
23. Кауфман С. А. A. J. Festugiere. Antioche paienne et chretienne. Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie. (Обзор глав археологического содержания) // Византийский временник. – 1961. – Т. 20.
24. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. – СПб.: Алетейя, 1995.
25. Сергей (Спасский), архиеп. Прибавление. Римские и греческие императоры, патриархи восточные, римские папы, русские князья и цари, митрополиты и патриархи // Полный месяцеслов Востока: В 3 т. Репр. изд. 1901 г. – М.: Православная энциклопедия, 1997. – Т. 3. Ч. 2-3: Святой Восток.
26. Roth C. P. Introduction // St. John Chrysostom. On wealth and poverty. – N. Y.: St. Vlad. sem. press, 1984.
27. Иоанн Златоуст, свт. Против аномеев. Слово одиннадцатое // Полное собрание творений. СПб.: СПбДА, 1898. Т. 1. Кн. 2.; PG. Т. 48.
28. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на святого Матфея евангелиста. Беседа сорок третья // Полное собрание творений. – СПб.: СПбДА, 1901. – Т. 7. – Кн. 2. – PG. Т. 57.

УДК 257:281.93(092)

**ПАСТЫРСКОЕ ПОПЕЧЕНИЕ И ХРИСТИАНСКОЕ
ВОСПИТАНИЕ:
ВЗГЛЯД ПРОФЕССОРА–ПРОТОИЕРЕЯ ФЕОДОРА
ГОЛУБИНСКОГО**

М. И. Жигалов

Костромская духовная семинария
Кострома, Россия

Личность выпускника Костромской духовной семинарии, профессора философии Московской духовной академии, протоиерея Феодора Александровича Голубинского является образом кроткого и смиренного пастыря. В статье представлены примеры практического пастырского служения и теоретические взгляды Голубинского на воспитание «доброто пастыря».

Ключевые слова: *Ф. А. Голубинский, просветительская деятельность, личный пример, духовная школа.*

**PASTORAL CARE AND CHRISTIAN UPBRINGING:
PROFESSOR ARCHPRIEST THEODORE GOLUBINSKY'S
VIEW**

Mikhail Zhigalov

Kostroma Theological Seminary
Kostroma, Russia

The personality of the graduate of Kostroma Theological Seminary, Professor of Philosophy at Moscow Theological Academy, Archpriest Theodore Golubinsky, is the image of a gentle and humble pastor. The article presents examples of Golubinsky's practical pastoral ministry and theoretical views on the upbringing of a "good pastor".

Keywords: *Th. Golubinsky, educational activity, personal example, spiritual school.*

Имя профессора философии Московской духовной академии протоиерея Феодора Александровича Голубинского (1797–1854) является символом русской академической науки первой половины XIX века.

Фёдор Александрович родился в Костроме 22 декабря 1797 года и, окончив в 1813 году с блестящим успехом курс в Костромской духовной семинарии, определен был информатором её воспитанников (преподавателем) по греческому языку, а в следующем году поступил в Московскую духовную академию. По окончании в 1818 году академического курса со степенью магистра он был назначен бакалавром (т. е. доцентом) философских наук в Академии и занимал в ней кафедру философии до 1854 года. Фёдор Александрович 36 лет своей жизни посвятил, главным образом, преподаванию философии. В продолжение своей академической службы много потрудился по духовной цензуре в качестве члена цензурного комитета. Фёдор Александрович скончался на своей родине в Костроме 22 августа 1854 года на 57-м году своей жизни и похоронен рядом с родителями на кладбище при храме апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Протоиерей Феодор Голубинский оставил после себя крайне мало рукописных сочинений. При всей обширности своих поистине энциклопедических знаний отец Феодор был крайне скромнен и недоверчив к себе: он стеснялся озвучивать свои мысли по какому-либо вопросу, а если и высказывал свои идеи, то нерешительно. Потому он и не хотел печатать свои сочинения [5, с. 14]. С. С. Глаголев в биографическом очерке о Феодоре Александровиче указывает на две причины, по которым он не писал: по недостатку времени и по духу смирения [2, с. 28]. Большинство изданных трудов от имени Ф. А. Голубинского представляют собой переработанные его благодарными учениками конспекты лекций. Таким образом, лишь через изучение его собственной жизни можно дать формулировку его взглядов в области пастырского окормления и христианского воспитания.

Дело пастырского служения Церкви Феодор Александрович Голубинский осуществлял с помощью следующих действий:

1. Просветительская деятельность. Пожалуй, одной из важнейших форм просветительской деятельности для Феодора Александровича была беседа. Особенность бесед Голубинского и его слушателей заключалась в простоте и логичности подачи информации. Профессор Московского университета С. П. Шевырев свидетельствовал: «Беседа с Голубинским имеет двойной характер. Я никогда не встречал человека, который бы умел так разграничивать сферы, в которых вращаются его мысли... Когда говорит он от философии, в его речи выражается ясное и спокойное сознание разума, в расположении мыслей господствует строгая логичность, и каждое слово его точно и опреде-

лительно. Когда говорит он от веры, он весь... и слово его растворено любовью, а украшено одною простотою, истекающею из глубокого искреннего смирения. Тогда слово его будет понятно ребёнку и простолюдину. В таком случае он любит рассказ или притчу» [7, с. 20–21]. Известно, что каждого ищущего беседы или духовного совета, Феодор Александрович с «общительностью и радушием» [5, с. 15].

Много трудов Ф. А. Голубинский понёс и при обращениях нехристиан в православную веру и тех, кто поддавался различным лжеучениям. Многих подобных людей Феодор Александрович принимал у себя дома, проводя поучительные беседы. Отметим, что беседа с увлечённым лжеучением человеком проходила совсем иначе: о. Феодор покорял собеседника своим смирением. Он тихо и кротко выслушивал кощунственные высказывания вольнодумцев, «принимал на себя такой печальный и расстроенный вид, что собеседник его скоро прекращал неприятный ему разговор» [6, с. 204–205], – вспоминал ученик Голубинского, М. В. Толстой. Он поражал всех духовным светом, который был результатом глубокой внутренней работы. Когда сердце собеседника было готово, отец Феодор начинал ответное слово. Известен случай графа Владимира Толстого, который после разговора с Феодором Александровичем сжёг все мистические книги, которые были в его библиотеке со словами: «...не хочу никому продавать яда; по себе знаю, как он пагубен». В этой цитате, по сути, дана характеристика силе слова, преподанного Голубинским.

Протоиерей Феодор Голубинский имел способность ради других забыть собственную усталость, всегда сохраняя умение услышать другого. Ни различие сословий, ни уровень образования не влияли на его отношение к человеку: во всех он пытался найти нечто доброе, для каждого был готов дать добрый совет, проявить участие, оказать помощь.

2. Собственный пример. Можно сказать, что милосердие было одной из основных форм практической пастырской деятельности в жизни Ф. А. Голубинского. Первое и важное – это денежная милостыня. Еще в 1818 году, когда Ф. А. Голубинский окончил Московскую духовную академию и стал ее преподавателем, его жалование составляло 600 руб. ассигнациями в год (т. е. около 150 руб. серебром)⁹, что считалось достаточно небольшим жалованием. Из этой суммы он выделял часть на помощь родителям, нуждающимся студентам и раз-

⁹ В пересчете на современный российский рубль 150 руб. серебрянной монеты 1818 года (1 руб. = 17,99 грамм) составляет ок. 89500 руб.

ным просителям, не ожидая их возвращения. Более того, он тщательно это скрывал. В одном из писем своему другу Ю. Н. Бартеневу (1792–1866), который получил неприятности при оказании помощи сиротам, Феодор Александрович советует, что надо не только молчать об этом, но и «благодарить Всевышнего Милостыневоздаятеля за то, что сподобил нас не только помочь бедным, но и потерпеть. Какие это алмазные привески на золотой цепочке!».

Люди, знавшие Голубинского, в один голос отмечали его бескорыстие. О нём говорили так: «Он любил давать, но не любил брать». В слове, сказанном в день погребения Феодора Александровича, прот. Иоанн Казанский отметил, что он «жил более для других нежели для себя... не только родным, он и другим ни в чём не отказывал» [5, с. 10].

В вышедшей в 1855 году сразу после смерти отца Феодора его биографии отмечалось, что «нравственный характер его образовался под влиянием строго религиозного воспитания. Благодетельность и богобоязность, смирение и благотворительность – вот его свойства». Главной христианской обязанностью он считал никого не осуждать. Ученик Голубинского граф М. В. Толстой, сохранил самые тёплые воспоминания о своём учителе: «В числе добродетелей его главное место занимало смирение. Окружённый всеобщим уважением, он никогда не ставил себя выше других, самого себя судил строго, но ко всем был снисходителен». Именно кротость и смирение протоиерей Феодор Голубинский ценил больше всего. Примерами святой жизни для него были в то время ещё не прославленные свят. Тихон Воронежский, преп. Серафим Саровский, Паисий Величковский, а также задонский затворник Георгий: их портреты висели в приёмной отца Феодора. Примечательно, что в 1842 году Фёдор Александровичу было преподано благословение Святейшего Синода именно «за усердие, способности и нравственный характер» [1, с. 5].

Много внимания Феодор Александрович как пастырь старался уделять своему нравственному росту. В одном из писем к другу он отмечал: «Механические работы, как мельничное колесо, кружат меня и уносят всё время. Читать на срок, переводить, поправлять, кропать рецензии – что это за бездушная работа! Когда же начну размышлять, как должно, жить сердцем, молиться духом? Оттого и страсти униженные непобеждены» [4, с. 428–429].

3. Также прот. Феодор Голубинский как пастырь очень много потрудился в качестве цензора. В этом контексте не кажется удивительным, что именно Ф. А. Голубинский содействовал публикации трудов

Паисия Величковского, а с 1841 г. стал и членом редакции, созданной для издания творений Отцев Церкви в русских переводах. Духовное чтение является одним из важнейших факторов в деле формирования народной нравственности.

Взгляды Голубинского на процесс христианского воспитания сохранились в его дневнике–размышлении на педагогические темы. В этом документе Феодор Александрович затрагивает вопрос об организации системы семинарского общежития: он был сторонником строгого подхода в воспитании семинаристов. Так, Феодор Александрович считал, что в классах, где могут быть «нужны такие надзиратели, которые бы были неотлучно с учениками на всех шагах их с раннего утра до полуночи, ходили бы с ними на классы и были там с ними по крайней мере до того времени, когда учитель взойдет в класс, дабы обуздывать их шалости... в делах непотребных пленяющие неопытное сердце... Сии же надзиратели должны ... быть с учениками и при их прогулках и играх, дабы и здесь обуздывать наглость свары и сквернословия. Они же и укладывали бы спать учеников, прослушавши их уроки, помолвившись вместе Богу и зажегши им свечку или лампадку, – которой необходимо в каждой комнате гореть во всю ночь...» [3, с. 457].

В целях предотвращения таких пороков, как пьянство, тайные любодения, непризнательность и невежливость (презрение к вежливости) Голубинский пишет: «можно бы было постановить некоторые и внешние преграды... Так, при постройке зданий семинарий нужно наблюдать, чтобы дом семинарии непременно обнесен был стеною...; никто из семинаристов без надзирателей не был отпускаем ни к родственникам, ни для покупок, ни для прогулки; отпуск ... к родителям на праздники и вакации едва ли не нужно прекратить; инспектору и надзирателям нужно внушить, чтобы особенно смотрели за воспитанниками в праздники и в те дни, когда кто из них бывает именинником, или видится с родственником, или получил из дому деньги; свидания с родственниками должны быть в присутствии надзирателей; инспектор должен получать деньги от родственников и выдавать учащимся понемногу и знать, на что сии деньги употреблены будут. Для введения в чувство виновных в нетрезвости или других беспорядках нужно бы [завести] при каждой семинарии особенную исправительную комнату, которая чаще других [должна быть] посещаемая инспектором и состоять под надзором надежного надзирателя. [Комната не столько] должна быть карцером, темным местом наказания, сколько боль-

ницей...». Для общего чтения в идеальной школе «...преимущественно должны быть избираемы такие книги, которые человека приводят к покаянию и научают рассматривать самого себя; посему книги высокие не могут быть в сих собраниях читаемы подряд, а может быть из них избираемо соразмерное с силами и возрастом» [3, с. 459–460].

Фёдор Александрович описывает и идеальную духовную школу: «В ... довольном отдалении от шума городского я воображаю себе уединенный дом с церковью и садами. И в том доме небольшой круг благонамеренных юношей ... собравшихся сюда для того, чтобы под руководством опытного и христианской любовью исполненного наставника учиться жить, учиться познавать себя, изливать в сердце наставника свои скорби, утешения, желания и искушения, учиться вместе молиться от сердца и любить друг друга как братьев...» [3, с. 461]. По сути дела, Фёдор Александрович представлял себе духовное учебное заведение, в котором проходят обучение и воспитание будущие пастыри, как школу нравственного роста или даже как школу святости. Главными чертами Фёдора Александровича были такие христианские добродетели, как благочестие, смирение и благотворительность: ими он жил, их и желал видеть в других людях.

Литература

1. Введенский А. И. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский, как профессор философии. – Сергиев Посад, 1898. – 25 с.
2. Глаголев С. С. Протоиерей Ф. А. Голубинский, его жизнь и деятельность. – Сергиев Посад, 1898. – 46 с.
3. Голубинский Ф. А. Дневник–размышления на педагогические темы: Выдержки / Публ. Н. В. Солодова // Богословский вестник 2005–2006. – Т. 5–6. – С. 455–462.
4. Переписка Ф. А. Голубинского с Ю. Н. Бартеневым // Русский Архив. – 1880. – Ч. III. – С. 405–430.
5. Смирнов С. К., прот. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский: биографический очерк. – М., 1855. – 27 с.
6. Толстой М. В. Хранилище моей памяти: Голубинский Федор Александрович // Душеполезное чтение. – 1891. – Ч. 1. – С. 201–208.
7. Шевырёв С. П. Поездка в Кирилло–Белозерский монастырь: вакационные дни профессора С. Шевырёва в 1847 году: В 2 ч. – М., 1850. – Ч. 1. – 156 с.

ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВИЕ СЕГОДНЯ: НЕДОУМЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

П.В. Хондзинский, протоиерей

Доктор богословия, декан богословского факультета ПСТГУ
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия

Положение Церкви в современном секулярном мире повышает требования к уровню пастырской подготовки и заставляет заново продумать её концептуальную сторону. Это тем более важно, что, если базовым предметом в данном случае является пастырское богословие, то в русских духовных школах нет сегодня единого устоявшегося взгляда на его структуру, предмет и задачи. В предлагаемой статье анализируются исторические причины сложившейся ситуации и выдвигается ряд конкретных предложений по затронутой проблематике. В частности, предлагается определить специфику пастырского богословия, исходя из представлений о пастырском опыте как объективном выявлении благодатных даров пастырства; актуализировать связи предмета с русской духовной традицией и выделить три основных структурных блока учебного курса, в соответствии с возникающим через акт хиротонии трояким изменением положения пастыря в его отношении к Пастыреначальнику, Церкви и пастве.

Ключевые слова: пастырское богословие, пастырский опыт, русская духовная традиция, пастырская подготовка.

PASTORAL THEOLOGY TODAY: PERPLEXITY AND PROBLEMS

Archpriest Pavel Hondzinsky
St. Tikhon's Orthodox University
Moscow, Russia

The position of the Church in the modern secular world raises the standards concerning the level of pastoral training and forces to reconsider its conceptual side. It is all the more important that even if the basic subject in this case is pastoral theology, Russian spiritual schools today do not have a common and well-established view on its structure, subject and tasks. The given article analyses the historical reasons of the situation and puts forward a number of specific proposals on the problems touched upon. In particular, it is proposed to determine the specifics of pastoral theology, based on the concept of "pastoral experience" as an objective identification of the beneficial gifts of ministry, to update the relationship of the subject with the Russian spiritual tradition and to identify three main structural blocks of the curriculum, in accordance with the three changes in the pastor's position in his relation to the Pastor Himself, the Church and the flock, which emerge through the act of chirotony.

Keywords: *pastoral theology, pastoral experience, Russian spiritual tradition, pastoral training.*

Принятое недавно Высшим Церковным Советом Русской Православной Церкви решение об удвоении часов, отведённых в духовных школах на преподавание пастырского богословия, свидетельствует о повышенном внимании как к пастырской подготовке, так и к самому предмету. Причины этого очевидны, но стоит, кажется, обратить внимание на другое. Нетрудно себе представить, например, структуру и предмет догматического богословия, или патрологии, или церковной истории, и к кому бы из преподавателей этих дисциплин, в какую бы духовную школу мы ни обратились, мы получим примерно одинаковые ответы. Но если вопрос коснётся пастырского богословия, то нам неминуемо придется столкнуться с многообразием не всегда примиримых друг с другом мнений и позиций. Таким образом, возникает парадокс: соглашаясь с тезисом о важности пастырского богословия, мы, судя по всему, не очень хорошо знаем, чем конкретно оно должно

заниматься, и не имеем единого представления о его программе, предмете и структуре. Правда, для этого есть ряд исторических причин.

1

Как известно, пастырское богословие возникает поздно – после Тридентского Собора – как чисто практическая дисциплина и изначально говорит, собственно, не о пастырстве, а о приспособлении к пастырским нуждам тех или иных богословских и канонических установлений, относящихся прежде всего к христианской нравственности. Иными словами, это не столько пастырское богословие в смысле богословия пастырства, сколько практическое богословие *для пастырей*.

В этом своем виде оно может вызвать (и вызывало не раз) сомнения в своей необходимости. Действительно, как служить по уставу, священник может узнать из литургики, как проповедовать – из гомилетики, как толковать Священное Писание – из библеистики, как учить добродетельной жизни – из аскетики и т. д. Что может прибавить к этим наукам пастырское богословие само по себе? Очевидная неуверенность в ответе на последний вопрос сквозит хотя бы в том, как авторы соответствующих курсов XIX–XX века высказывались о предмете пастырского богословия, в этом смысле мало чем отличаясь от нас. Кто-то видел в Пастырском богословии «систематическое изложение правил и наставлений по прохождению пастырского служения в Церкви» [5, с. 10]; **кто-то – «систематическое изложение нравственных обязанностей и качеств пастыря»** [5, с. 11]; **кто-то – определение духовной настроенности пастыря «и описание законов её усвоения, охранения, развития и воздействия на жизнь прихода»** [3, с. 17]; кто-то – просто аскетику, а кто-то полагал, что у пастырского богословия нет своего предмета вообще [8, с. 3].

Всё же можно считать, что среди этих и иных предложенных точек зрения наиболее перспективной оказалась та, которая предполагала, что задача пастырского богословия состоит не только в том, чтобы снабдить пастыря компендиумом необходимых ему сведений из иных областей богословского знания, но и в том, чтобы найти к ним особый *пастырский* подход. Эта точка зрения имплицитно как бы предполагала размышление над тем, в чём же заключается этот особый пастырский подход не только с практической, но и с богословской точки зрения. Таким образом, наконец был поставлен вопрос о *богословии пастырства* как таковом. В конце XIX в. в русской традиции на

него был дан, как известно, двоякий ответ: в работе о. Сергия Соллертинского «Пастырство Христа Спасителя» [11], целью которой было рассмотреть внеисторические евангельские основания пастырского служения, и в учении митр. Антония (Храповицкого) о сострадательной пастырской любви [2, с. 17]. Случайно или нет, но нельзя не заметить, что параллельно с этим возникает и достаточно мощное обратное течение, отрицающее за иерархическим священством какие-то особые (помимо права на совершение сакраментальных действий) духовные дары и возможности. Одним из самых серьёзных образчиков этого направления явилось опубликованное в «Богословском вестнике» за 1908–1909 годы обширное исследование Н. П. Аксакова «Предание Церкви и предания школы» [1].

Наконец, в эти же годы в русской традиции появляются и образчики пастырского богословия ещё в одном, третьем его значении – значении *богословия пастырей*.

Именно эта последняя разновидность пастырского богословия в конечном счете позволила посмотреть на предмет по-новому, указав на особые, свойственные только ему источники. Ведь, как известно, предмет науки помимо общего целеполагания определяется ещё и кругом тех источников, которые кладутся в её основание, иными словами, тем материалом, с которым она имеет дело и исходя из которого строит свои выводы. В чём тогда состоит родовой признак специфических источников пастырского богословия и есть ли они у него?

К сожалению, курсы пастырского богословия, как правило, затрагивали и затрагивают эту тему лишь вскользь, мимоходом указывая, что пастырское богословие опирается на Писание, труды святых отцов и каноны Церкви. Всё же, пожалуй, ближе всего к содержательному выводу по интересующей нас проблеме подошёл в своих лекциях по пастырскому богословию будущий митр. Вениамин (Федченков). В качестве ближайших источников пастырского богословия он называет дневник св. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе», а также лекции митр. Антония Храповицкого, но главное значение для митр. Вениамина имеют святоотеческие трактаты по вопросам пастырства. Для нас важен, однако, не столько их конкретный список (достаточно общеизвестный), сколько то, что митр. Вениамин, не ограничиваясь его составлением и отмечая отсутствие специальных трудов по этому вопросу, говорит, что именно «святоотеческие трактаты ставят пастырское богословие на нормальную постановку» [6, с. 29], и затем объясняет, в чём она заключается. «Прежде всего,

читатель их видит, что в подобных работах совершенно отсутствуют вопросы общехристианские, взятые сами по себе. Везде, наоборот, выступает исключительно одна личность пастыря, с точки зрения которой обсуждаются и все другие – догматического, нравственного, литургического и т. п. характера – частные вопросы; везде выступают не столько те или иные общие предписания об обязанностях или перечисление свойств, сколько те или иные переживания пастыря, его настроения, вытекающие из цельной живой его личности. Таким образом, специально пастырская психология, специально пастырская духовная жизнь или, ещё короче говоря, пастырская аскетика – вот что составляет содержание указанных трудов» [6, с. 29].

Однако при всей ценности рассуждений митр. Вениамина, в них всё же есть один уязвимый момент. Даже признав неоспоримым тезис о том, что в центре любых положений пастырского богословия должна стоять именно личность пастыря, мы обязаны, очевидно, либо дать какие-то общие богословские обоснования, позволяющие установить объективную ценность такого подхода, либо согласиться, что имеем дело с чисто субъективным переживанием, чисто психологическим явлением, которые не имеют существенной связи с дарами священства. Иными словами, перед нами становится новый вопрос: открывает ли хиротония новорукоположенному пастырю какие-то недоступные ему ранее горизонты или только даёт право на соответствующие действия в Церкви? Речь идёт, подчеркну, не о формальной власти учительства или чём-то ином подобном, но об объективно возможном опыте, обусловленном объективно этими, а не другими данными дарами. Конечно, *Дух дышит идеже хочет* (Ин. 3: 8), однако, как кажется, либо мы должны признать, что хиротония, так сказать, метафизически никак не сказывается на личности пастыря и дальше психологии дело никуда не идёт, либо – что её дары предполагают (разумеется, при их достойном употреблении) и благоприятствующий особому восприятию и осознанию жизни особый *пастырский опыт*, который и будет тогда существенным признаком всех источников пастырского богословия, определяющим в том числе и его предмет. В этом смысле не лишним будет напомнить, что, согласно молитвам хиротонии, священник поставляется в том числе и на *священнодействие слова истины*, – выражение, заключающее в себе, быть может, наилучшее определение не только пастырского, но и церковного богословия вообще. Кроме того, выражение *пастырский опыт* представляется наиболее удачным и адекватным, поскольку преодолевает

разделение между «пастырским настроением» и «пастырскими должностями» как различно понимаемыми предметами/областями пастырского богословия. Для подкрепления высказанной точки зрения напомню, что о. Георгий Флоровский, который в «Путиях русского богословия» противопоставлял путь исходящей из Откровения патристики и путь «нового», идущего от опыта душевных явлений богословия [13, с. 565], – **одновременно называл «опытным»** [14, с. 507-508] богословие о. Иоанна Кронштадтского, вкладывая в это понятие именно патристический, а не психологический смысл¹⁰.

Таким образом, представление о пастырском опыте не есть механическое воспроизведение философско-богословских парадигм начала XX в., поскольку этот особый пастырский опыт обусловлен особым (*по благодати священства*) местоположением пастыря в Церкви: «С сего священного места, – замечает святитель Филарет, – можно и должно видеть далее, нежели обыкновенно видит мир и его стихийная мудрость» [12, с. 108]. **Здесь же можно привести и знаменательные слова о. Сергия Булгакова:** «Богословие надо пить со дна евхаристической чаши» [10, с. 151], – **знаменательные тем более, что согласно его же общетеоретическим рассуждениям не иерархия, но вся Церковь является «держательницей» истин Откровения** [4, с. 313].

В конечном счёте, на основании сказанного мы можем заключить, что существует два рода источников пастырского богословия: 1) те, в которых пастырский опыт служит основанием для богословского обоснования проблем непосредственно пастырского служения; 2) те, в которых с точки зрения пастырского опыта разрешаются общепастырские или общецерковные проблемы. Именно первая группа источников является собственной для пастырского богословия, а вторая – общей для пастырского богословия и других богословских наук, хотя, как понятно, формальное разграничение не всегда может быть точно проведено. Так, в частности, признаками обеих групп обладают дневники св. Иоанна Кронштадтского, чему способствует прежде всего сам жанр, в котором они написаны и который предполагает достаточную свободу в выборе предмета для рассуждений, хотя, конечно, это не единственный источник такого рода (и жанра). По крайней мере с конца XIX века **круг подобных источников в русской тради-**

¹⁰ В скобках стоило бы заметить, что и сам о. Георгий напрямую связывал свои занятия богословием со своим священством: «Для Флоровского сан священника был естественным продолжением его служения Церкви в качестве богослова» [7, с. 223].

ции значительно расширяется. Это связано с появлением практически неизвестного прежде духовного типа – выдающихся пастырей, подвижников, и «старцев» из среды приходского духовенства. Кроме названных выше, к ним принадлежали о. Валентин Свенцицкий, о. Анатолий Жураковский, о. Понтий Рупышев, о. Петр Серегин (духовник Пюхтицкой обители), недавно почившие отцы Тихон Пелих, Всеволод Шпиллер и немалое число других. Не все, но многие из них оставили нам в том или ином виде описание своего пастырского опыта, расширяющее наше представление о возможностях и задачах пастырского богословия. Надо признать, что этот опыт до сих пор не только не изучен, но и не собран. Между тем, именно он как опыт раскрывших в своей жизни дары хиротонии пастырей есть очевидный источник, предмет, основание и цель пастырского богословия, – источник, тем более важный в наше время, что непосредственно передаваемая пастырская традиция, строго говоря, прервалась.

Предположим, однако, что мы решим двигаться в этом направлении. Каким тогда могло бы быть пастырское богословие? Позволю себе высказать несколько соображений.

2

Прежде всего, нельзя не признать того факта, что технологический прогресс кардинально изменил наш мир, уничтожив одни формы общения между людьми и создав другие; продлив человеку жизнь при невозможных ранее условиях и сделав условия этой жизни невыносимыми; предлагая обществу недоступные ранее комфорт и удовольствия и приводя к массовому распространению депрессии в нём и т. д. и т. д. Должно ли в связи с этим пастырское богословие – *именно как пастырское богословие* – учить будущего пастыря работе в соцсетях, основам психиатрии и другим подобным вещам? Рискну утверждать, что – нет. Навыки подобного рода ему должны дать, очевидно, какие-то дополнительные спецкурсы, семинары, практикумы, но не основной *богословский* курс, в рамках которого следует сосредоточиться на обучении пастырско-богословскому подходу к жизни в целом, опираясь на пастырский опыт отцов Церкви, наших предшественников и духовных наставников.

В связи с этим представляется важным ввести в пастырское богословие составляющую, так или иначе связанную с отечественной духовной и пастырской традицией, – составляющую, которая отсутствует сегодня, насколько мне известно, в большинстве курсов и учебных

программ. На первый взгляд, последнее утверждение может показаться противоречащим общей установке на богословский – то есть по определению универсальный-церковный – подход к проблемам, однако это не верно. Так или иначе каждая *исторически возникшая* церковная традиция по-своему читает Евангелие, порождает свой тип святости, а значит, и свой тип пастыря, и свой род пастырского опыта. Поэтому и сегодняшний пастырь будет успешен в своей деятельности только, если он, позволю так выразиться, «попадет в резонанс» с традицией. Без этого же все самые замечательные, актуальные и, на первый взгляд, востребованные начинания могут принести обратный эффект. Это не значит, разумеется, что традиция всегда права. Но осмыслить её, чтобы сознательно опираться на то, что живёт в коллективном подсознании церковного народа, анализируя для этого опыт и рефлексии выдающихся пастырей отдалённого и ближайшего к нам прошлого – вот еще по-другому выраженная, но все та же по сути задача пастырского богословия. Следует отметить при этом, что именно русская традиция, быть может, как никакая другая, даёт обильный материал для современного пастырского богословия, причём не только в сочинениях пастырей-священников, о которых упоминалось выше.

Действительно, если Бог воплощается и сходит на землю, чтобы человек взойшёл к Богу, то это, как говорил святитель Филарет, «кругообращение славы Божией» [13, с. 37] **может быть представлено нисходящим вектором «освящения»** (идти в мир) и восходящим – «обоже-ния» (увести из мира). Очевидно, что первое более соответствует служению священническому, второе – монашескому.

Взглянув теперь с этой точки зрения на русское святоотеческое богословие XVIII–XIX вв., мы увидим, что его во многих отношениях можно охарактеризовать именно как богословие освящения, а значит, и богословие *священства* в том широком смысле, который усваивал этому понятию свт. Иоанн Златоуст, – в отличие, например, от позднейшего Византийского богословия, справедливо названного о. Иоанном Мейендорфом «монашеским богословием» [9, с. 121]. Но много ли места занимают в наших курсах пастырского богословия сочинения русских отцов Церкви?

В заключение ещё несколько слов о возможной структуре курса. Хиротония ставит пастыря в новые личные отношения с Христом, с Церковью как таковой, с иными её членами. Вследствие этого можно было бы предложить следующие основные структурные блоки пастырского богословия:

– *Пастырь и Пастыреначальник*: ветхозаветные прообразования пастырства Христа; Христос как икона пастырства; опытное богословие ап. Павла (*подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу*); внешние (канонические) и внутренние (аскетические) требования к «новой» личности пастыря («пастырь в жизни»); молитва; специфика пастырского следования за Христом.

– *Пастырь и Церковь*: иерархическое и царское священство в Церкви; благодатные дары хиротонии; сакраментальное служение; Евхаристия как средоточие пастырского служения и пастырского опыта; пастырь и храм, священнодействие слова истины.

– *Пастырь и паства*: община как непосредственная единица церковной жизни; пастырь – глава и устроитель общины; пастырь и традиция, миссия в современном мире; душепопечение – пастырская антропология, начала духовничества.

Несомненно, предложенная структура может быть и дополнена, и усовершенствована, и – тем более – оспорена. Как бы то ни было, подводя итог вышесказанному, подчеркну ещё раз, что будущее *пастырского богословия* представляется мне именно в развитии «опытно-богословского», а не описательно-практического направления. Не претендуя при этом на безусловность выдвинутых выше тезисов, я всё же счёл возможным представить их на публичное обсуждение коллег и собратий в надежде, что они дадут толчок к размышлению о не разрешённых нами до сего дня недоумениях и проблемах пастырского богословия и послужат тому, что *откроются искусные* (1 Кор. 11: 19).

Литература

1. Аксаков Н. П. Предание Церкви и предания школы // Богословский вестник. – 1908. – №2 – 1909. – № 11.
2. Антоний (Храповицкий), митр. Лекции по пастырскому богословию. – М., 1994.
3. Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское богословие. Псково-Печерский монастырь, 1994. Булгаков С., прот. Невеста Агнца [Электронный ресурс] // URL: http://www.odinblago.ru/nevesta_agнца/
4. Вениамин (Милов), еп. Пастырское богословие. – М., 2002.
5. Вениамин (Федченков), митр. Лекции по пастырскому богословию с аскетикой. – М., 2006.

6. Гаврилюк П., Георгий Флоровский и религиозно-философский ренессанс. – Киев., 2017.
7. Константин (Зайцев), архим. Пастырское богословие. – Решма, 2002.
8. Мейендорф. И., протопр. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы. – Минск, 2001.
9. Монахиня Елена. Профессор протоиерей Сергей Булгаков // Богословские труды. – № 27. – М., 1986.
10. Соллертинский С., прот. Пастырство Христа Спасителя. – СПб., 1887.
11. Филарет, митр. Московский, свт. Слова и речи: В 5 т. – М., 1873–1885. Т. 1.
12. Филарет, митр. Московский, свт. Слова и речи: В 5 т. – М., 1873–1885. Т.2.
13. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. – М., 2012.

ФОРМИРОВАНИЕ СВЯЩЕННИКА: ВЗГЛЯД О. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

А. И. Черный, священник

кандидат богословия

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет
Москва, Россия

Статья посвящена исследованию взглядов многолетнего ректора Свято-Владимирской духовной семинарии в США протопресвитера Александра Шмемана на формирование священника. В качестве основного источника используются дневники Шмемана, изданные в России в 2005 году. Автор демонстрирует, что, с точки зрения о. Александра, для будущего священника важно, сохраняя абсолютную верность Православию, научиться выстраивать правильное соотношение между внешними аспектами религиозной жизни и реальностью Царства Божьего, являемого в Церкви. В противном случае первые становятся «идолами» и препятствуют «отнесённости» всей жизни священника к Богу. Избежать этой ограниченности может помочь поддержание в себе способности усомниться в правоте своих суждений и уметь отделять главное от второстепенного. Такой настрой кандидата, который Шмеман называет «камертон в душе», формируется, с его точки зрения, задолго до принятия решения стать священником. Ключевыми факторами здесь выступают «взрачивающая среда», набор сверхрациональных образов, на которые можно ориентироваться, вкус к богослужению, позитивный опыт семейной жизни и наличие неформальных «учителей», опыт личного общения с которыми проходит через всю жизнь священника. Наконец, как некий рубеж, подразумевающий все предыдущие, необходим, с одной стороны, сознательный отказ от карьеризма («бегство») и, с другой, – решительный и окончательный выбор служения Церкви («возвращение»).

Ключевые слова: Протопресвитер Александр Шмеман, пастырское богословие, пастырская подготовка, дневники, священник.

Статья подготовлена в рамках работы Лаборатории исследований церковных институций ПСТГУ

Forming A PRIEST: FATHER ALEXANDER SCHMEMANN'S VIEWS

Alexey Chermy, priest
St. Tikhon's Orthodox University
Moscow, Russia

The article is devoted to the study of the views of the long-term rector of St. Vladimir's Theological Seminary in the USA, protopresbyter Alexander Schmemann, on the formation of a priest. The main source of information is Schmemann's diaries, published in Russia in 2005. The author demonstrates that from the point of view of Fr. Alexander, it is important for the future priest to learn how to build the right balance between the external aspects of religious life and the reality of the Kingdom of God revealed in the Church, while remaining absolutely faithful to Orthodoxy. Otherwise, the former become "idols" and prevent a priest's life from being "related" to God. Maintaining the ability to question the correctness of one's judgments and to separate the most important from the secondary can help to avoid this limitation. This attitude of the candidate, which Schmemann calls "a tuning fork inside the soul", is formed, in his view, long before making the decision to become a priest. Key factors here are the "nurturing environment", a set of supra-rational images to be guided by, the taste for worship, positive experience of family life and the presence of informal "teachers", who accompany the priest and offer personal communication to him throughout his life. Finally, as a certain boundary that implies all the previous ones, it is necessary, on the one hand, to consciously reject careerism ("escape") and, on the other hand, to make a decisive and final choice of Church service ("return").

Keywords: *Protopresbyter Alexander Schmemann, pastoral theology, pastoral training, diaries, priest.*

Можно без преувеличения сказать, что вопрос подготовки священников становится сегодня одним из самых злободневных для Церкви. Без сомнения, именно эта задача с самых первых веков христианства являлась одной из важнейших. И во все века её реализация требовала неформальных подходов: христианский пастырь должен был научиться не только совершать таинства и обряды и говорить проповеди, но и, по словам Златоуста, быть «*весьма благоразумным и опытным во многом, знать все житейское не менее обращающихся в мире и быть свободным от всего более монахов, живущих в горах*» [6, с.

462]. Эта дилемма – с одной стороны, глубокое понимание условий жизни своей паствы и, с другой, внутренняя свобода от мира, лежащего во зле, – составляет сегодня, пожалуй, ту неформальную часть подготовки священников, которая особенно затруднена в современном мире, в условиях социальных трансформаций и постоянного развития средств коммуникации и интернет-технологий. Поиск решения этой задачи должен осуществляться как на практике, так и путём глубокого изучения церковной традиции и опыта в области пастырской подготовки, накопленного в истории на современном этапе.

Одним из видных деятелей на ниве духовного образования является почивший в 1983 году протопресвитер Александр Шмеман. Этот выдающийся проповедник, яркий мыслитель и педагог более 20 лет был ректором Свято-Владимирской духовной семинарии в США и почти 40 лет – преподавателем богословия. Несмотря на то, что Шмеман является представителем американского православия, его опыт, как нам кажется, может оказаться весьма полезным и актуальным для постсоветской России, поскольку здесь получили развитие многие тенденции, с которыми о. Александр напрямую сталкивался уже в 70–80-е гг.

Следует отметить, что личность и труды о. Александра Шмемана всегда воспринимались неоднозначно. Ещё при его жизни одни превозносили его и предрекали, что в будущем он станет новым «учителем Церкви» [4, с. 174], а другие, напротив, осуждали за либеральные и модернистские взгляды и необоснованную критику в адрес церковной традиции [там же, с. 167–176]. Также и среди современных православных людей Шмеман слышит скорее либералом, чем консерватором. Именно его идеи – наряду с идеями прот. Николая Афанасьева, митр. Антония Сурожского и некоторых других – используют сегодня те, кто пытается «модернизировать» Церковь, в первую очередь – богослужение и нормы благочестия. Между тем, даже поверхностное знакомство с трудами о. Александра не позволяет однозначно отнести его к либеральному направлению. Напротив, подчас он предстает как консерватор и борец с либеральными тенденциями.

Наиболее ясное представление о мирозерцании человека могут дать его дневники, в которых нередко находят выражение самые сокровенные мысли и чувства, не высказанные публично. В этой статье мы обратимся, в первую очередь, к обширным дневникам прот. Александра Шмемана, представляющим собой уникальный источник, если учитывать исключительную начитанность и глубокую рефлексивность, которой он подвергал всё, с чем сталкивался в своей насыщенной событиями жиз-

ни. Прежде всего, нас будут интересовать его взгляды на формирование священника, которые хорошо выявляются на материале «Дневника».

I. Миросозерцание

В первую очередь, следует сделать несколько замечаний по поводу миросозерцания о. Александра как священника: как он смотрел на мир, Православие и церковную жизнь? Здесь можно выделить несколько ключевых моментов. Еще раз подчеркнём: речь пойдет не о сформированном учении Шмемана, а именно о миросозерцании, о мыслях и чувствах, которые он не находил нужным ставить во главу угла своей деятельности и как-либо официально афишировать.

Прежде всего, о. Александр восстаёт против того, что он называет «идолами религии» [7, с. 59], противопоставляя их «tout est ailleurs» [там же, с. 6] – единому на потребу.

«Вопрос Христа: когда Он придет, найдет ли Он веру на земле? В одном, однако, можно быть уверенным: Он найдет сколько угодно «религии» и «религиозных чувств». Страшный суд: суд, прежде всего, над религией» [там же, с. 251].

Под первым термином он понимает то, что позволяет сконцентрировать душевные силы на любых внешних аспектах религиозной жизни – прежде всего, нездоровые проявления национальной, юрисдикционной или культурной принадлежности. С его точки зрения, становясь «идолами», они заслоняют собой Христа, позволяют отодвинуть на задний план или вообще забыть о «tout est ailleurs». Это другой ключевой термин для Шмемана, которым он обозначает опыт трансцендентного, опыт реальности Царства Божия, превосходящий и делающий относительными все компоненты традиции сами по себе. Например, в ответ на письмо женщины, заявляющей о своём уходе из Церкви, он замечает: *«Увы, многое из того, что она пишет, – ... о фальши «духовности», о триумфализме церковников – горькая правда. Но как не увидеть за этим, за всеми “Византиями” того “tout est ailleurs”, в котором вся сущность Церкви, та ее радость, которую “никто не отнимет от нас* [там же, с. 319]?

Высказывая в дневнике массу критики, Шмеман оправдывает своё право критиковать Православие абсолютной верностью ему. Будучи с детства глубоко церковным человеком, более того, осознавая себя консерватором [там же, с. 63], он критикует то, что любит всем сердцем, чем живёт, чему посвящает все силы: *«Заметьте, я не говорил бы всего этого, если бы не был убеждён, и чем дальше, тем боль-*

ше, тем, так сказать, “очевиднее”, что в Православии – вся Истина, все ответы, действительно – спасение. Именно поэтому мне претит в его “эмпирии” элемент какого-то кокетства, самодовольной удовлетворенности самих православных – “византизмом”, “древностью”, всевозможными стилями, афонами и т. д. ...тем более что мне было бы бесконечно трудно определить, по чему же, собственно, тоскует моя собственная душа...» [7, с. 334].

Эта борьба с «идолами» в церковной жизни определяет ключевую положительную составляющую мирозерцания Шмемана, которую он сам определяет как идею «отнесенности»: *«Моей идеей, моим “вопросом”, я думаю, нужно признать идею отнесённости. Отнесённости всего к Царству Божьему как откровению и содержанию христианства. “Новая жизнь” начинается с этой отнесённости и в ней исполняется. (...) Церковь есть “отнесённость”; ...И как только она становится одной из составных частей мира (Церковь, государство, культура, этика et tutti quanti), как только перестает “относить”, и это значит – являть, этим явлением судить, обращать и претворять, она сама становится идолом»* [там же, с. 372–373].

Забвением «отнесенности» о. Александр объясняет многие злоупотребления и проблемы церковной жизни. «Отнесённость» становится у него как бы критерием собственно церковности и любой церковной деятельности, она обличает всякую псевдорелигиозность и объясняет, почему человек, *«несчастный без Бога», оказывается «так несчастен “с Богом”»* [там же, с. 306]. Вне «отнесенности» люди начинают во всем видеть *«“проблему”, которую нужно решить. И это значит – не чувствуют попросту самой “реальности”, еще проще – жизни»* [там же, с. 304]. Забвение «отнесенности» лишает радости, лишает *«спокойного, смиренного, радостного и свободного стояния перед Богом, “хождения перед Ним”»* [там же, с. 307]: *«Бог, творя мир, не «решал проблем» и не «ставил» их, а творил то, о чём мог сказать: “Добро зело”. Вне этого ничего не понять, не увидеть, не почувствовать и не “разрешить”. Бог сотворил мир, а диавол превратил и его – мир, и человека, и жизнь в “проблему”. И миллион (...) “специалистов” её решают. И только потому в мире так темно, так холодно, так “безотрадно”»* [7, с. 304].

Исходя из этого, Шмемана более всего раздражает самоуверенность и ограниченность во взглядах на церковную жизнь – поскольку именно это свидетельствует, выражаясь его языком, о пленении «идолами» и отсутствии «отнесенности». Речь идёт не о различии «вкусов»

и устоявшихся взглядов на богослужение. Его удручает *«тупое самодовольство, полное отсутствие какого бы то ни было беспокойства, вопрошания, сомнения»* [там же, с. 215]. Это нужно признать другой ключевой составляющей мирозерцания о. Александра: при сохранении абсолютной убежденности в истинности Православия для него важно быть способным усомниться в правоте своих действий, взглядов и суждений и, как следствие, быть способным найти в себе достаточно смирения и великодушия отказаться от оголтелой критики и осуждения тех, кто придерживается иного взгляда на ту или иную сторону церковной или общественной жизни. Это «сомнение», на значение которого указывал, в частности, Ратцингер, становится у Шмемана, как нам кажется, одной из важных составляющих религиозного мировоззрения: *«Все вокруг как будто так ясно знают, что нужно, чего не нужно, все “целеустремлены” – а у меня почти всегда такое чувство, что я этого-то и не знаю. А скорее – maintenance job: чтоб не испортился “водопровод”... Нет у меня “убеждений”, а скорее только “реакции”, что-то вроде камертона в душе»* [там же, с. 121].

Отсюда *«мучительная трудность общения с любым «лагерем», отвлечение от всех людей с «целостным мировоззрением» и идеями, приведенными в «систему»* [там же, с. 106], о которой он так часто пишет в «Дневниках» – и это не зависит от либерализма или консерватизма взглядов. Для Шмемана важна способность отказа от *«твердокаменной правоты»* [там же, с. 122], от убежденности в своем *«сто процентном христианстве»* [там же, с. 303], от абсолютизации того, к чему он привык – не как отказ от традиции, а как память о её сущности, способность различать главное и второстепенное, способность признать право на существование разных традиций в рамках единой веры. *«Всё “законченное”, завершённое и, следовательно, не открытое к другому, мне кажется тяжёлым и самим себя разрушающим. (...) Все “завершённое” – измена Богу, превращение всего в идола»* [7, с. 107]. *«Чувствую, что единственное правило в жизни – чуждаться всякой моды, всякой волны, всего того, что на гребне волны»* [там же, с. 93].

II. Формирование священника

Формирование самого Шмемана как священника нельзя назвать типичным. Он находился в особой, специфической ситуации, которая во многом не воспроизводима. Принадлежа одновременно к трём национальным традициям – русской, французской и американской – он являлся, без сомнения, одним из ярчайших интеллектуалов пра-

вославного мира. В связи с этим его трудно сопоставить с современным семинаристом, а тем более – с мальчиком или юношей, только начинающим задумываться о будущем церковном служении. Однако на основании его дневников можно выделить несколько ключевых факторов в становлении священника, которые могут присутствовать в различных формах, но полное отсутствие какого-либо из них может привести к осложнениям на других этапах этого становления.

Прежде всего, Шмеман довольно часто упоминает о той особой церковной среде, в которой он сформировался. В его случае это была эмигрантская среда в Париже, для которой церковность была одной из составляющих идентичности. В первую очередь, он пишет о наборе «образов, которыми можно любоваться», о некоем ряде сверхрациональных образов, которые определяют самосознание будущего священника: *«В сущности, я полюбил все “России”. Каждую в отдельности и все вместе. Я до сих пор убежден, например, что тип русского офицера (первый тип, встреченный в жизни: Римский-Корсаков, Маевский, А. В. Попов, даже папа) – очень высокий, нравственно и человечески тип, им можно любоваться (Толстой любовался им), как можно любоваться и другими типами: русским священником, интеллигентом и т. д. [7, с. 24].*

Эти «типы», заложенные в детстве и юности, задают архетипы поведения, вкусы и склонности, как кажется, с гораздо большей эффективностью, чем вся система образования, в которую человек вступает во многом уже сформировавшимся. «Образы» вкладываются в условиях замкнутой неформальной среды, которая в случае о. Александра, не укладывается в рамки общины или прихода. Принадлежность к среде подразумевает массу неформальных связей, позволяющих не выходить за её пределы. При этом, член среды может всю жизнь критиковать её недостатки, не освобождаясь от ее влияния.

«Вспоминаю себя в этом возрасте (шестнадцать-девятнадцать лет): я “обожал” Церковь, но ни за что бы не поехал ни на какой retreat, не оторвался бы от “светского” рождественского сезона – вечеринок на rue de la Faisanderie, разных “витязьских” и “сокольских” ёлок и т. п.» [там же, с. 249].

Из «Дневников» следует, что у будущего о. Александра был сформирован совершенно особый опыт богослужения, к которому он постоянно обращается, в том числе критически переосмысляя его. Перечитывая дневник своего детства, он пишет: *«Каким я был “церковником”! Всё о батюшках да говениях. С какой неудержимой силой всё*

это меня притягивало. И как трудно в этом притягивании теперь разобраться» [там же].

Однако чаще такие воспоминания выглядят как ностальгия по уютному и счастливому церковному детству – по той уютной и домашней атмосфере церковного благочестия, к которому он прикоснулся ещё ребёнком: *«Литургия в Спиридоновском храме. Погружение в “русское благочестие” (хор, ритм, атмосфера) – в благочестие моего детства и потому всегда меня волнующее» [там же, с. 254]. «Слушая хор – такой типично эмигрантский, с уже стареющими голосами, чувствовал, что возвращаюсь в детство. Всё “концертное”, всё до боли знакомое – и потому всё это родное и чувство хорошее. Много народу. После Литургии – тоже привычная “благодарная” атмосфера приходских обедов [7, с. 230].*

При этом, опыт богослужбной жизни выходит далеко за пределы собственно богослужения. Большое влияние на становление будущего священника сыграла органичная связь службы и церковного пения со специфическим церковным бытом семьи Шмеманов: *«Чудный смешанный хор. “Святы́й Бо́же” Чайковского, который мне всегда так живо напоминает о папе, как он играл его на рояле дома» [там же, с. 162].*

Вообще опыт семейной жизни – как родительского дома, так и своей семьи и других семей – занимает совершенно особое место в «Дневниках» и является одной из сквозных тем. Здесь нужно отметить сразу несколько аспектов, формирующих, в том числе, и будущего священника. Прежде всего, положительный опыт полноценной семьи как источника, питающего жизнь; семьи как школы здоровых взаимоотношений: *«Какая у нас была счастливая семья! ... вся “драма” [многих молодых] только тут, только в том, что чего-то не хватало, не доставало, недостаёт в семье. Дело именно в «недостаче» чего-то, а не в “трагедиях”. Трагедий у нас было сколько угодно (...). Но была реальность семьи, дома – именно то, чего не хватает моим теперешним “клиентам”. Семья “трансцендирует” “взаимоотношения”, она – её реальность – к ним не сводится. Наоборот, пожалуй, “взаимоотношения” в ней укоренены и ею определяются. Семья – не цель, а источник, питающий жизнь, и сила жизни. Семья распадается, когда она становится целью (то есть опять-таки идолом)» [там же, с. 249].*

Показательно, что Шмеман, так тяготившийся суетой и повседневными «делами и делишками» [там же, с. 423], описывает соприкосновение с семьёй, семейным уютом или детством в тех же категориях, что и уединение, и созерцание, которые он также очень ценил и ис-

кал – и то, и другое давали ему отдохновение и вдохновение. Нахождение в семье и рядом с детьми он считал неотъемлемой частью жизни, поскольку, с одной стороны, недостаток («недостача») любви в семье, с его точки зрения, накладывает печать на всю дальнейшую жизнь, а с другой – опыт общения в семье (и особенно с детьми) сообщают человеку бескорыстную радость: *«Вчера вечером ужин у Гарклавсов. Радостный опыт семьи, её реальности, её красоты, её “доброты”. Ни о чем важном и серьезном не говорили. Шутили. Дети играли на рояле. А вот всем хорошо. И это “хорошо” совершенно бескорыстно. Семья не имеет “цели”, она не “прагматична”. Она источник, она – та жизнь, из которой вырастают цели. Возвращаешься домой после такого вечера – как бы омытый этой радостью, этим “хорошо”»* [7, с. 255].

Без сомнения, семейное благополучие и здоровые отношения в семье являются необходимым условием развития полноценной личности в любом человеке. Однако, если говорить о семье священника, то нормативной можно считать ситуацию, когда именно в семье он находит не только возможность душевного успокоения, но и источник духовных сил для служения и бесценный для пастыря опыт отцовства [3]. Напротив, негативный опыт семейной жизни может пагубно отразиться на всем служении молодого священнослужителя и даже нередко приводит к катастрофам.

Наряду с семейным воспитанием, значимую роль в формировании будущего священника о. Александр отводил учителям, имея в виду не школьных или семинарских преподавателей, а учителей в высоком смысле слова. Не секрет, что Шмеман отрицал духовное руководство над собой с чьей-либо стороны. Также и о себе он говорил, что не видит пользы от духовничества и не испытывает к нему призвания (хотя, конечно, будучи священником, активно им занимался – о чём также красноречиво свидетельствуют «Дневники» [7, с. 72, 79, 98, 138, 169]). Однако на страницах «Дневника» Шмеман постоянно вспоминает о конкретных людях, с которыми он имел близкое общение и которые оказали определяющее влияние на его становление. В частности, встречи с генералом Римским-Корсаковым, о. Саввой (Шимкевичем), В. В. Вейдле, о. Киприаном (Жерном) он называет «решающими» и «личными» и не сводит их просто к «влиянию»: *«Каждый из них что-то действительно “вложил” в моё сознание, тогда как другие только так или иначе влияли на него. И это так потому, наверно, что каждый из этих четырёх не только что-то “давал”, но и брал от меня – то есть любил меня, и я, следовательно, был ему нужен. Каждый раз здесь был*

своего рода “роман”, а не только умственное общение. И этого “романа” совсем не было с другими, может быть гораздо более замечательными людьми: Карташевым, Булгаковым, Зеньковским. Насколько же, по-видимому, личная встреча и взаимность и личная любовь важнее в жизни, чем “умственное” влияние. А вместе с тем точно описать и определить, что эти четыре мне дали, – невозможно, “влияние” же других вполне для меня очевидно» [7, с. 122–123].

Наличие таких учителей – церковных людей и священнослужителей, которые никогда полностью не вписываются ни в какую систему подготовки и, более того, влияние которых даже невозможно формализовать и определить, о. Александр считал определяющим в своей жизни. Определяющим, в том числе, в плане самоопределения и духовного становления. По выражению о. Александра, именно такие учителя «дали почувствовать “трепет” – “о нём же” всё “моё” богословие. О радости, “которой никто не отнимет от вас”» [7, с. 199].

Другой важный аспект формирования священника, по Шмеману – полный отказ от карьеризма, отказ и в то же время – готовность служить. Это своеобразная ситуация «бегства» и «возвращения», описанная свт. Григорием Богословом [5] в его известном 3 Слове, которая, если следовать логике святителя, должна повторяться у каждого священника, трезво оценивающего свои силы и духовное состояние, и исходя из которой не стоит рукополагать тех, кто чересчур активно стремится к священству [1, с. 105–107]. Об этом, в частности, свидетельствует воспоминание Шмемана о своей хиротонии: *«Тридцать лет со дня моего посвящения в диаконы на rue Dariu митрополитом Владимиром. Теперь всё это помню как в тумане, отрывками. Помню, что накануне был в каком-то каменном отчаянии, так не хотел, что уехали со всемогущей [домой] в L'Etang la Ville до конца. Ни молитвы, ни радости, ничего, действительно пустота. Посвящение было в рабочий день, в церкви не слишком много народу. Самой Литургии, себя за ней совсем не помню (...). Помню только, что до хиротонии стоял в углу, за столами со священническими облачениями, и снова был в каком-то внутреннем отчуждении. Чувство такое, что что-то случалось, происходило со мною, но в чём “я” оставался пассивным. Хиротонии не помню совсем. После Литургии мы сразу же уехали в L'Etang la Ville, и я помню, что спал несколько часов, а вечером поехал служить вечерню на Сергиевское подворье» [7, с. 304].*

Признание своего «нежелания», даже отчаяния и, с другой стороны, – неоднократное упоминание в дневнике о своей всегдашней «тяге»

к церковному служению, о том, что его очень вдохновляют люди, этому служению отдающиеся, – всё это можно назвать весьма предпочтительным для всякого кандидата в клир. Помимо свт. Григория, эту мысль хорошо выразил также свт. Иоанн Златоуст, когда писал по поводу своего посвящения: *«Не делайте этого, прошу и умоляю. Я знаю свою душу немощную и слабую; знаю важность этого служения и великую трудность этого дела»* [6, с. 646]. Можно сказать, что для рукоположения одинаково необходимы искреннее осознание своего недостойнства и одновременно, смиренная решимость посвятить себя служению Богу и ближним с надеждой на помощь Божией благодати, «всегда немощная врачующей и оскудевающая восполняющей» [2, с. 211].

Заключение

Подводя итог, можно ещё раз обобщить ключевые идеи о. Александра Шмемана о формировании священника. На страницах «Дневника» он прежде всего говорит об опасности для священника узости, недалёкозоркости, «твердолобости», что ведёт к «идолопоклонству» и забвению «отнесённости» и чувства церковной реальности («tout est ailleurs»). Избежать этой ограниченности, губительной для священника, может помочь постоянное «беспокойство, вопрошание, сомнение», которые должны в священнике соседствовать с верностью Церкви и Православию. Эти качества должны особым образом воспитываться в духовной школе. Однако «отнесённость», определяющая священническую идентичность, формируется в кандидате под воздействием того, что Шмеман называет «камертон в душе». В свою очередь, этот «камертон» должен возникнуть ещё задолго до собственно вступления на путь церковного служения. Ключевыми факторами здесь выступают «взрачивающая среда», набор сверхрациональных образов, которыми возможно внутренне «любоваться» и на которые можно ориентироваться, вкус к богослужебной жизни, центральное место в которой занимает созерцание и эстетическая составляющая, а не «движенчество» или социальные проекты. Также ключевыми факторами оказывается семья как «сила жизни» и «воспитатели», дающие возможность «почувствовать трепет», опыт личного общения с которыми проходит через всю жизнь священника. Наконец, как некий рубеж, подразумевающий все предыдущие, необходим сознательный отказ от карьеризма и опыт бегства и возвращения, проявляющийся не в отчаянных действиях, а в специфическом настрое кандидата: уклоняющегося от служения и, с другой стороны, не мыслящего свою жизнь вне его служения.

В начале статьи мы ставили: как оценивать критику церковной традиции со стороны о. Александра, позволяющую либерально настроенным деятелям ссылаться на его тексты, доказывая необходимость церковных реформ? В отличие от авторов известных сайтов, страниц в соцсетях и Телеграм-каналов, нередко открыто причисляющих себя к оппозиции, Шмеман критикует то, чем активно всю жизнь занимается сам, чем он сам живет и дышит, от чего никогда не отречется. Именно этим он оправдывает свою критику и внутренние «бунты» против тех или иных сторон церковной жизни. И, конечно, такие «бунты» в его случае не могут привести к отказу от служения или, тем более, уходу из Церкви: *«"Чистый понедельник". Великий Пост. В субботу и вчера – в приходе в Endicott, N.Y. Неожиданно радостное впечатление – и от людей, и от службы. Это – после недель "бунта" (внутреннего) против Церкви, такое ясное указание: не бунтуй, куда от неё уйти, она плоть и кровь твоя, ты с нею "обвенчан" священством»* [7, с. 77].

Литература

1. Антонов Н. К. Категории становления священника в учении святителя Григория Богослова // Христианское чтение. – № 2.– 2017. – С. 98–111.
2. Архиерейский чиновник. – Т. I. – М.: Издание Московской Патриархии, 1982.
3. Емельянов Н., прот. Семейная жизнь священника как орудие пастырского служения/ Доклад на пастырской конференции «Семейная жизнь священнослужителей» 12.11.2017 г. [Электронный ресурс] // URL.: https://priest.today/news/prot_nikolay_emelianov_semejnaya_zhizn_svyashchennika (Дата доступа: 20.08.2019).
4. Рак П. Водой и Духом или о разбавленном христианстве (на книгу прот. Александра Шмемана) / Беседа. Религиозно-Философский журнал. – No. 7. – Ленинград–Париж, 1988.
5. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Том I. – СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1912. – С. 23–64.
6. Творения святого Иоанна Златоустаго. – Том I. – Издание СПб. Духовной Академии, 1895.
7. Шмеман А., прот. Дневники 1973–1983. – М.: Русский путь, 2005.

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 348.031

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ

А. Г. Волкова

Кандидат филологических наук
Калужская духовная семинария
Калуга, Россия

Статья посвящена рассмотрению проблемы юридической оформленности некоторых понятий, которые могут быть использованы в судебной религиоведческой экспертизе, которая в последнее время становится всё более актуальной. Более подробно рассматривается понятие «секта», которое не используется в судебной экспертизе по причине негативных коннотаций. Для выработки понятий необходимо сотрудничество государства и традиционных конфессий для выражения определенного отношения к самому явлению сект или деструктивных культов. Также в статье рассматривается проблема функционирования религиозного дискурса и его связи с другими дискурсивными практиками, прежде всего политической.

Ключевые слова: *судебная религиоведческая экспертиза, религиозные движения, понятие, культ, государственно-конфессиональные отношения, дискурс, религия, политика.*

STATE AND CONFESSIONAL RELATIONS IN RELIGIOUS FORENSICS: PROBLEM OF DEFINING CONCEPTS

Anna Volkova

Kaluga Theological Seminary

Kaluga, Russia

The article is devoted to the consideration of the problem of legal formality of some concepts, which can be used in forensic religious expertise, which has recently become increasingly relevant. The concept of "sect", which is not used in forensic examination due to its negative connotations, is considered in more detail. In order to develop the concepts, it is necessary for the state and traditional confessions to cooperate in order to express a certain attitude to the phenomenon of sects or destructive cults. The article also considers the problem of functioning of religious discourse and its connection with other discursive practices, primarily political ones.

Keywords: *forensic religious expertise, religious movements, concept, cult, state and confessional relations, discourse, religion, politics.*

Государственно-конфессиональные отношения охватывают множество сторон общественной, культурной жизни. Одним из актуальных и важных аспектов этих отношений является взаимодействие в рамках проведения судебных экспертиз по делам, связанным с религиозными объединениями.

Как правило, религиоведческая экспертиза исследует деятельность религиозных объединений, которая выражается, прежде всего, в религиозных текстах. Религиоведческая экспертиза может быть необходима при определении признаков экстремистской деятельности, а также при определении оскорбления или негативной информации в адрес какой-либо религиозной организации. Актуальность и важность регламентации и проведения судебных религиоведческих экспертиз обуславливается увеличившимся количеством дел, связанных с деятельностью различных религиозных и псевдорелигиозных организаций.

Однако при всей своей возрастающей актуальности эксперты при производстве религиоведческой экспертизы сталкиваются с рядом проблем, некоторые из которых имеют терминологический характер.

Это связано с тем, что в сфере государственно-конфессиональных отношений не закреплены некоторые термины и понятия.

Здесь необходимо отметить, что судебная экспертиза не может отвечать на вопросы о соответствии рассматриваемого текстового, графического, иллюстративного материала действительности, то есть «не отвечает на вопрос о заведомой ложности представленных сведений, а также не рассматривает то, являются ли данные сведения порочащими честь и достоинство» [2]. Экспертиза может установить случаи негативной оценки того или иного религиозного объединения, каких-либо религиозных ценностей с позиции объективного анализа представленных данных.

Одним из спорных понятий является понятие «секта», не закреплённое юридически и поэтому не используемое в официальных документах и в религиозоведческой экспертизе. Здесь необходимо отметить два момента: во-первых, религиозные организации не позиционируют себя как секты – данная номинация является для них оскорбительной, на что указывает ряд прецедентов. Во-вторых, для того, чтобы назвать деятельность какой-либо религиозной организации сектантской, нужно представлять себе объём и содержание этого понятия.

В словарях современного русского языка основные определения слова «секта», относящиеся к семантическому полю «религия», сводятся к следующему: секта – это религиозное течение (община), отделившееся от какого-либо вероучения и ему противостоящее [3, с. 709]; религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви [5, с. 733].

В этих словарных определениях чётко прослеживаются, по крайней мере, три момента: 1) секта – это религиозная община, 2) существует официальное вероучение, «господствующая церковь», 3) секта отделяется от господствующего вероучения, то есть находится в оппозиции. Однако словари не отмечают того, что это значение является негативным или неодобительным. Согласно одним только словарным значениям, обозначение какой-либо религиозной организации как секты само по себе не будет оскорбительным.

Однако слово «секта» употребляется в определённом контексте: в религиозном дискурсе оно имеет негативные оценочные компоненты значения (коннотации): «Понятия «секта», «сектантство» и «сектанты» не имеют чёткого научного определения, которое бы жёстко обозначало содержание и смысл этих понятий и было бы общепринятым

в светской науке. Поскольку эти понятия не имеют научного определения, то они отсутствуют как в международном, так и в российском законодательстве.... Термин «секта» и производные от него имеют, как правило, презрительный и уничижительный оттенок и употребляются в обычно в бытовой, а иногда и в политической полемике. В законодательстве РФ также не существует такого понятия, как «секта». В то же время данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несёт безусловно негативную смысловую нагрузку, а его употребление может оскорбить чувства верующих... Определения «секта» и «сектанты» в антисектантских публикациях носит целенаправленно уничижительный характер. «Секты» представляются преступными организациями» [4, с. 39].

Негативный образ, который возникает в связи со словом «секта» обусловлен теми контекстами, в которые чаще всего ставится это слово (и производные от него). В текстах СМИ это, как правило, высказывания типа предостережений («Осторожно – секта!»), либо тексты и отдельные фразы, несущие в себе негативную информацию (типа «попал в секту и лишился всего, что имел»). Вербальные средства, формирующие негативные коннотации понятия «секта» и подкрепляющие отрицательный образ объекта номинации, разнообразны и опять же зависят от аудитории, концепции издания или канала и преследуемых целей. К ярко негативным относятся прямые отрицательные характеристики, однако иногда негативный образ создается на уровне целостного текста. Примером могут послужить истории, которые рассказываются в статьях или передачах, о различных неблагоприятных поступках сектантов (чаще – руководителей сект). При этом на протяжении всего рассказа употребляется слово «секта» и производные от него. Это оказывает влияние на смысловое наполнение данного понятия. Понятно, что невозможно вовсе запретить употребление этого слова, однако здесь идет речь не о запрете, а о формировании негативных образов.

Анализ употребления слова «секта» приводит к необходимости рассмотрения признаков сектантского объединения, что является уже задачей религиоведа и в некоторых случаях психолога. Если же говорить непосредственно о текстуальном анализе, то важно помнить, что есть различие между текстами религиозными и политическими в силу существования различия между религиозным и политическим дискурсом. Так, военная метафорика религиозного текста является одной из дискурсивных практик, к которым относятся «принятые в данной

социальной группе, формирующей свой дискурс, способы номинации участников коммуникации и третьих лиц» [1, с. 145–147].

Примером дискурсивной практики, входящей в состав религиозного дискурса, могут служить высказывания, встречающиеся в религиозной литературе различных конфессий. В подобных выражениях общими местами являются фразы о том, что оружие (данной религиозной общины) не узнает поражения, её войска непобедимы и т. п. Военные метафоры являются общим местом религиозного дискурса (в религиозных текстах часты упоминания о борьбе сил добра и зла), поэтому подобные отрывки не следует рассматривать как возбуждающие ненависть либо призывающие к каким-либо насильственным действиям, если только целостный текст не дает для этого оснований.

Простая декларация религиозным объединением своей доктрины является исполнением одной из статей Конституции РФ: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13, п. 1, 2). Если к религиозному тексту примешивается текст политический, то часто это ведёт, напротив, к нарушению другого пункта той же статьи: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» (ст. 13, п. 5). Чаще всего именно политизированность религиозного дискурса сообщает ему те черты, которые могут быть признаны экстремистскими. Так, идеологически лидеры какого-либо объединения могут в печатных изданиях своей организации призывать к изменению Конституции или государственного строя, мотивируя это религиозными идеями типа сохранения традиций с целью «возвращения к натуральному хозяйству, патриархальной семье». В этом случае необходимо разделять два смысловых уровня текста – политический и религиозный: в данном случае религиозный смысл текста не всегда должен подвергаться экспертной оценке, то есть не всегда становиться объектом рассмотрения религиоведческой экспертизы.

Таким образом, указанное понятие секты является сложным для осмысления в контексте судебной экспертизы, поэтому для выработки к нему единого отношения необходимо сотрудничество государства и традиционных конфессий. Выработка единого определения, ко-

торое может обозначаться не только словом «секта», но и, например, «культ» или «деструктивный культ», является не просто формулировкой понятия, но выражением определённого отношения к самому явлению.

Также следует отметить, что государственно-конфессиональные отношения в контексте судебной религиоведческой экспертизы не ограничиваются проработкой подобных понятий и выражением единой точки зрения на эти понятия. Кроме этого, также необходимы единые методические рекомендации, которые могли бы оказать помощь в процессе анализа религиозных текстов, в частности, текстов, содержащих отсылки к священным книгам. Данный вопрос является перспективой дальнейших исследований по проблеме взаимодействия государственных структур и религиозных объединений в сфере экспертной деятельности.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: ФЛИНТА; НАУКА, 2007. – 592 с.

2. Волкова А. Г. Понятие «секта» с точки зрения судебной лингвистики [Электронный ресурс] // http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw1/volkova_religsektinlanglaw.html

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ технологии, 2006. – 944 с.

4. Пчелинцев А. Каково определение термина «секта» и носит ли этот термин негативный характер? // Религия и право. – № 2 (49). – 2009.

5. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2007. – 960 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА В 1920-Е ГГ. В ПЕНЗЕНСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

М. Ю. Садырова

Кандидат исторических наук

Пензенский государственный университет архитектуры и
строительства
Пенза, Россия

В статье даётся оценка результативности антирелигиозной политики Советского государства по национализации церковной собственности после издания Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах. Очевидно, что провести декрет в жизнь с ходу не удалось, прежде всего, потому, что против него выступило многомиллионное крестьянство, воспринявшее декрет, как попытку «обмирщения» своего традиционного уклада жизни, как ломку незыблемых, в том числе и в силу освящения их православными канонами и догмами, устоев «жизни по вере».

Ключевые слова: *церковь, храм, монастырь, национализация, церковная собственность, прихожане.*

FEATURES OF THE CAMPAIGN TO SEIZE CHURCH PROPERTY IN THE 1920s IN PENZA AND SARATOV PROVINCES

Margarita Sadyrova

Penza State University of Architecture and Construction
Penza, Russia

The article assesses the effectiveness of the anti-religious policy of the Soviet state on nationalization of church property after issuing the Decree on freedom of conscience, church and religious societies. It is obvious that the decree could not be implemented, first of all, because it was opposed by a multi-million peasantry, which perceived the decree as an attempt to

“secularize” its traditional way of life, as a breakage of the foundations of “life in faith”, being unshakable due to their virtue through their sanctification by Orthodox canons and dogmas.

Keywords: church, temple, monastery, nationalization, church property, parishioners.

Смена монархии диктатурой пролетариата привела не только к политическому переустройству государства. Новый строй принёс с собой новую идеологию, которая начинала внедряться в социальную жизнь, сметая и разрушая прежние традиционные духовные ценности.

На первый взгляд, декларирование демократических прав и свобод, в том числе и свободы совести, было призвано способствовать дальнейшей эмансипации некогда порабощённого народа. Однако то ожесточение, с которым большевики обрушились на религию и церковь, заставляет усомниться в совпадении формальных деклараций и реальных устремлений власти.

Первые декреты, ознаменовавшие наступление на церковь, были обнародованы осенью–зимой 1917 г. Так, согласно Декрету о земле от 26 октября 1917 г. церковь в целом, а вместе с ней и монастыри и приходское духовенство лишались собственности на землю.

Затем 11 декабря 1917 г. появляется распоряжение о передаче всех церковных школ в Комиссариат просвещения, что лишало церковь всех семинарий, училищ, академий и всего связанного с ними имущества. Декрет от 20 января 1918 г. о свободе совести, церковных и религиозных обществах лишал религиозные организации права собственности. Всё имущество и денежные накопления церкви объявлялись народным достоянием. В мае того же года Совнарком РСФСР образовал при Наркомате юстиции, губернских советах и комиссариатах юстиции отделы по проведению в жизнь декрета по отделению церкви от государства и школы от церкви. Циркуляром № 355 от 19 июня 1919 г. вся эта работа в уездах была возложена на местные исполкомы, однако при этом умалчивалось об организации специальных отделов или подотделов. У местных же исполкомов не было ни средств, ни опыта, ни должной организации работы. В связи с таким положением дел, договоры, подписанные с религиозными общинами о пользовании храмами и храмовым имуществом, как это и предписывалось декретом, стали поступать в губернский отдел юстиции только к началу 1920 г. Прихожане, подписавшие договор, обязаны были беречь,

сохранять, возмещать церковное имущество. Это религиозное общество не имело права юридического лица. Благотворительная и просветительная деятельность ему воспрещались. При подписании договора надлежало сверить имущество по описям 1917 г. Требуя неукоснительного подписания договоров с религиозными обществами, государственная власть в это же время проявляет беспокойство об общем настроении народных масс и их отношении к проводимой антицерковной политике. Во все уездные исполкомы было разослано предписание предоставить информацию с мест [10, С. 17–18]. Опасения имели под собой веское основание: на практике реализация демократических свобод превращалась в требование «утилизации» церковного имущества и, в первую очередь, храмов. Сложно представить более серьёзную угрозу для сохранения структур крестьянской повседневности, где храм играл ключевое, объединяющее значение [11, С. 150].

Можно предположить, что в первую очередь негативную реакцию населения вызовут статьи декрета о национализации церковной собственности («утилизации храмов») и об отказе признать за церковью и религиозными объединениями прав юридического лица [См.: 9, С. 29]. В частности, по данным Пензенского губисполкома, полученных путём анкетирования, жители различных уездов отнеслись к использованию храмов для общегосударственных нужд «враждебно», «отрицательно», «недоброжелательно», «против этого», «весьма несочувственно» и, в редких случаях, «безразлично» [4]. Так, Саранский отдел управления в своём сообщении губисполкому от 15 апреля 1920 г. констатировал: «Население в общем за исключением может быть 1 % или 2 % в своих религиозных убеждениях очень стойко и нужно полагать едва ли индифферентно отнесётся к утилизации хотя бы одного храма, стоящего даже на самой окраине» [4. Л. 52]. Из донесения Керенского отдела управления следует: «Отношение к утилизации церквей, можно сказать, будет враждебное, так как прилегающие слободы к городу составляет крестьянское население, которое... ясно будет против утилизации...».

Тем не менее, Керенский отдел управления отмечал, что «посещаемость (храмов) молодёжи заметно понижается в последнее время, когда декрет об отделении церкви от государства принял правительственную форму» [4. Л. 58].

В связи с массовым закрытием церквей и монастырей в Совнарком начали поступать письма с жалобами верующих [1, С. 55]. Помимо указанных действий населения, направленных против проведения

декрета в жизнь, были случаи массовых крестных ходов и богослужений в поддержку церкви [8, С. 12].

В Пензе 2 февраля 1918 г. в ответ на решение местного отдела губкома о закрытии Пензенского епархиального училища по инициативе священников и прихожан было задумано провести общенародное моление о церкви. Со всех церквей города к его центру, к Спаскому Кафедральному собору, двинулись крестные ходы празднично одетых людей с иконами и хоругвями. Шли целыми семьями. Соборная площадь встретила их ружейными залпами, пока ещё холостыми. Началась паника, все бросились по единственному оставленному им пути – вниз по Московской улице. Побитых и искалеченных не считал никто [2, С. 2].

По свидетельству И. Д. Савиновой, за пять лет после выхода декрета были закрыты в основном домашние церкви и монастыри, до приходских храмов дело пока не дошло [10, С. 18]. На местах многие должностные лица руководствовались разъяснением VIII отдела НКЮ, от апреля 1918 г. о том, что коль скоро всё имущество монастырей в соответствии с декретом СНК от 23 января переходит в ведение Советов, то и сами монастыри прекращают свою деятельность. В 1920 г., выступая с отчетом о деятельности своего подразделения на VIII Всероссийском съезде Советов, П. А. Красиков с гордостью заявит: «VIII отдел поставил перед собой задачу полного уничтожения монастырей как рассадников паразитизма... К настоящему времени ликвидировано 673 монастыря» [1, С. 56].

Интересно, что значение храма в организации социокультурного пространства православного населения признавалось и местными властями, хотя и не в явно выраженной форме. Предпринимались даже попытки встроить это значение в советскую реальность. Так, в октябре 1919 г. Чембарский городской совет (Пензенская губ.) обратился в уездный ВРК с ходатайством о разрешении колокольного звона во время пожаров, хотя, разумеется, религиозная мотивировка отсутствовала [5].

В то же время имеются и свидетельства пассивного отношения сельчан к положениям декрета. В частности, в ответах на вопрос «Каково отношение населения к церковной реформе», полученных в ходе анкетирования, проводимого исполкомом Саратовского губсовета, содержались сведения следующего характера: «равнодушное» (в двух анкетах), «молчаливое» (1), «удовлетворительное» (1), «халатное» (1), «доброжелательное» (1), «беспокойное» (1), «к православной церкви

отношение коллективов верующих усердное» (1) [6. Лл. 6–14]. Из 11 анкет, присланных в Пензенский губисполком из разных уездов, в 7 анкетах ответы на тот же вопрос указывали на безразличное отношение местного населения к реформе [4]. Можно предположить, что это прямое следствие секуляризации, и чаша весов склонилась в пользу «власть имущих». Но, скорее всего, верующие столкнулись с определённым противоречием. В крестьянских приговорах церковная реформа чаще всего предполагала перевод священников на казённое жалование, а новая власть требовала подписания договоров об использовании имущества прихожанами. Изменения организации культовой практики были непонятны, и поэтому порождали чувство тревоги и страха у прихожан, осведомлённость местных советских и партийных работников в этом вопросе тоже была достаточно сомнительна.

Так, из докладов агитаторов Саратовского губкома РКП (б) за 1919 г. о проведении агитационно-политической работы в уездах следует: «Ни комиссия по отделению, ни местные коммунисты, несмотря на продолжительность времени со дня издания закона по этому вопросу, никто не объяснил крестьянам значения отделения» [3. Л. 5]. К тому же сами крестьяне, в силу своего невежества, объективно не могли понять сути декрета. В газете «Известия» от 10 марта 1918 г. было опубликовано письмо из Самарской губернии, где сообщалось, что в ответ на прочитанную на сельском собрании лекцию под названием «Отделение церкви от государства», один крестьянин «от имени собрания с благодарностью как прочитавшему лекцию, так и Советской власти», сказал, что «последняя сделала для истинной Христовой церкви такое хорошее дело, освободив её от ига светской власти» [12, С. 7]. Более того, и из среды духовенства, прежде всего низшего, исходила позиция в поддержку декрета. Об этом свидетельствует одно из множества опубликованных в газете «Знамя Христа», издававшейся в январе–апреле 1918 г., писем священников: «...Наш долг, наша обязанность не возбуждать тёмные массы, не творить тех бунтов, которых в России и так немало, а выяснять всем и каждому, что отделение Церкви от государства и другие декреты в связи с этим несколько не унижают христианства... Когда всмотришься внимательно во всё происходящее, то невольно поднимается вопрос: от кого и от чего наши иерархи призывают спасать Христову веру?» Особенно много подобные письма печатали, сопровождая разъяснениями от имени редакции или комментариями, в газетах «Беднота», «Известия», журнале «Революция и церковь» [9, С. 29]. Несомненно, ука-

занное обстоятельство, в свою очередь, также можно рассматривать в качества фактора, определявшего настроения крестьян в отношении положений декрета.

Часто основным доводом для закрытия храмов называлось нежелание верующих брать церковные здания в пользование [10, С. 24]. В частности, в отчётах Саратовского губисполкома о деятельности стола по отделению церкви от государства за 1923–1924 гг. содержатся сведения о таких формах сопротивления исполнению декрета со стороны коллективов верующих, как «неуплата налогов со строений в Губфинотдел», «неисполнение обязательного постановления о страховании церквей», «расхищение церковного имущества», «непредоставление сведений и регистрация учреждений», «неуплата налога за аренду земли под храмами», «неисполнение обязательного постановления о страховании церквей», «растрата и бесхозяйственное содержание имущества» [7. Лл. 14–17]. Из отчётов также следует, что внедрению декрета препятствуют: «отсутствие средств на местах», «отсутствие комиссии по проверке, оценке церковного имущества», неучёт «храмов и молитвенных домов по уездам», «слабая связь с местами, отсутствие на местах руководящих распоряжений Центра, отсутствие средств, мешающее производству оценки и учёта церковного имущества по губернии», нехватка «руководства в смысле надзора за деятельностью обществ, вследствие чего надзор проводится слабо» [7. Лл. 16–18]. Но этому нежеланию выполнять декрет имеется простое объяснение: предстояло не только иметь средства на физическое содержание храмов, но и выплачивать высокий налог за аренду и не менее высокую страховую сумму. Верующие попадали в заведомо неприемлемые экономические условия и вынуждены были отказываться от своих церквей [10, С. 24]. Кроме того, не следует забывать о правовом нигилизме и неразвитости правового сознания крестьянства, что бесспорно будет серьёзным препятствием на пути реализации законодательства, но отнюдь не скажется на религиозной ориентации населения.

Литература

1. Алексеев А. В. Иллюзии и догмы – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.
2. Вержбовский В. «Отказаться от бога и церкви мы не можем...» (Из истории церкви в Пензенской области) // Пензенские вести. – 1996. – 2 октября. – С. 2.
3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 366.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. р-2. – Оп. 4. – Д. 170.
5. ГАПО. – Ф. р-2. – Оп. 1. – Д. 563.
6. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. Р-456. – Оп. 1. – Д. 922.
7. ГАСО. – Ф. Р-385. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Одинцов М. И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.) – М.: Знание, 1991. – 64 с.
9. Одинцов С. М. Крестный путь патриарха Сергия // Наука и религия. – 1997. – № 9. – С. 28–31.
10. Савинова И. Д. Лихолетье. Историческое исследование (приложение к журналу «Чело») – Новгород, 1998. – 112 с.
11. Садырова М. Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX – первой трети XX вв. (по материалам Пензенской и Саратовской губерний): дисс. канд. истор. наук: 07.00.02 [Место защиты: Сам. гос. ун-т]. – Самара, 2010. – 276 с.
12. Шамаро А. На переломе // Наука и религия. – 1978. – № 1. – С. 6–7.

**Русская Православная Церковь
Пензенская Епархия
Пензенская духовная семинария**

Христианство и педагогика: история и современность

Материалы III Международной
научно-практической
конференции

Корректор: Моисеева Е.С.

Подписано в печать 22.10.2019 г. Формат 60×84/16.
Бумага ксероксная. Печать трафаретная.
Усл. п.л. 8,72. Тираж 100 экз. Заказ № 22/10.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Соколова А.Ю.
440600, г. Пенза, ул. Кирова, 49, оф. №3.
Тел.: (8412) 56-37-16.